

833 Каз

К56 . КЕРЕЕВА-КАНАФИЕВА

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РУССКАЯ ПЕЧАТЬ О КАЗАХСТАНЕ

24427

КАЗГОСИЗДАТ • 1963

К. КЕРЕЕВА-КАНАФИЕВА

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РУССКАЯ ПЕЧАТЬ О КАЗАХСТАНЕ

24427

из истории РУССКО-КАЗАХСКИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Северо-Казахстанская
ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА
город Петропавловск

КАЗАХСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Алма-Ата — 1963

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наше поколение является свидетелем крепнущего идейного единства социалистических наций, сближения и взаимообогащения их культур. Усиливается духовный обмен, достижения одних наций становятся достоянием других. Коммунистическая партия содействует укреплению интернациональной основы культур братских народов СССР, создавая тем самым условия для формирования будущей единой общечеловеческой культуры коммунистического общества.

Современный империализм безуспешно пытается мешать этому. Он ставит на карту все оскудевшие ресурсы из арсенала идеологических средств, чтобы как-то еще раз сыграть на национальных чувствах легковых, покорять их, вбить клин в дружбу советских народов.

Ученые лакеи капитализма подтасовывают факты и преподносят читателю любую стряпню, выдают черное за белое. С этой целью взялся за перо и господин Т. Виннер в США. В 1958 году он опубликовал книжонку «Устное творчество и литература казахов русской Центральной Азии»¹. В ней он грубо фальсифицирует и преднамеренно искажает исторические события, обусловившие возникновение дружбы русского и казахского народов.

Виннер пытается доказать, что казахские акыны XVIII и XIX столетий воспевали якобы «борьбу против всего русского», «против русской экспансии». При этом он намеренно отдает предпочтение творчеству реакцион-

¹ T. G. Winner. The Oral Art and literature of the Kazakhs of Russian Central Asia. Durham, N. C. Duke University Press, 1958, p. 269.

ных акынов, воспевавших «деяния» крупных феодалов, национальную ограниченность, становившихся на пути сближения народов.

Просчет г-на Виннера налицо. Советскому читателю известно ленинское положение о наличии в классовом обществе двух культур — демократической и реакционной, и симпатии нашего читателя на стороне демократической культуры. Поэтому он обращается в первую очередь к Махамбету Утемисову, сподвижнику Исатая Тайманова, вождя движения казахских шаруа против феодально-байской верхушки и царизма, к другим народным акынам, творчество которых полно гражданского гнева против эксплуататоров, политического пафоса.

К тому же, было бы известно г-ну Виннеру, казахский народ никогда не отождествлял царизм и его бюрократическую администрацию с русским народом. Истоки дружбы передовой части казахского общества, его трудовых слоев к русскому народу берут начало из глубины веков и обусловлены совместной борьбой братских народов за свободу в условиях грозных социальных потрясений.

После Великого Октября казахи стали равноправной социалистической нацией в семье братских народов СССР. Они всегда чувствовали и чувствуют локоть в первую очередь русского народа.

Развернутое коммунистическое строительство означает новый этап в развитии национальных отношений в СССР. Осуществляя ленинскую национальную политику, Коммунистическая партия Советского Союза, как говорится в Программе КПСС, считает своей задачей «последовательно проводить и впредь принципы интернационализма в области национальных отношений; укреплять дружбу народов, как одно из важнейших завоеваний социализма; вести непримиримую борьбу против проявлений и пережитков всякого национализма и шовинизма, против тенденций к национальной ограниченности и исключительности, к идеализации прошлого и зашумевыванию национальных противоречий в истории народов, против обычаев и нравов, мешающих коммунистическому строительству».

Коммунистическая партия одновременно ставит задачу активного наступления на растленную идеологию современного империализма. Необходимо давать решитель-

тельный отпор буржуазным апологетам, предпринимающим безуспешные попытки вбить клин в дружбу народов СССР.

В свете сказанного большой научный и практический интерес представляет исследование взаимосвязи и взаимовлияния культур народов СССР, и в частности русской и казахской литератур. Глубокое изучение обширнейшего материала, имеющегося по этому вопросу, дает более яркое и полное представление об истоках дружбы народов, ставшей ныне могучей движущей силой в борьбе за торжество коммунизма.

Настоящий труд посвящен отражению в русской литературе и журналистике русско-казахских связей в 1730—1868 годы.¹

Исторические документы и литературные источники свидетельствуют о существовании издревле многосторонних связей между русским и казахским народами. Особенно успешно они начали развиваться после исторического 1731 года, когда Младший жуз добровольно принял русское подданство. Это нашло свое отражение на страницах русской печати.

В основу данной книги легли первоисточники русской литературы и журналистики почти за полуторавековой период. Изложение материала ведется в определенной хронологической последовательности².

Опираясь на историко-литературные источники прошлого, автор излагает материал в той последовательности, которая соответствует истории становления, развития данной проблемы в русской литературе XVIII—XIX веков. Следует заметить, что в исследованиях различных авторов прошлого можно было встретить немало противоречивых утверждений, искаженных, а порою и наивных представлений. Нередки были случаи прямых повторений и заимствований выводов и идей предыдущих работ последующими поколениями исследователей. Прослеживая большой и сложный путь развития русско-ка-

¹ Изучение различных аспектов данной проблемы автором проводилось в течение 1945—1960 гг. Некоторые фрагменты исследования были в свое время опубликованы (1948—1955 гг.). Проблема русско-казахских литературных связей посвящена и работа М. Фетисова (1956 г.), охватывающая 30—50-е годы XIX века.

² В связи с этим некоторые труды Г. Н. Потанина, А. И. Маковского и др., вышедшие в 70—90-х годах XIX в., отнесены ко второму тому исследования.

захских отношений, следует помнить, что этот путь не всегда был гладким. На нем встречались ямы и бугры, неожиданные повороты и внезапные зигзаги, но диалектика развития была такова, что русско-казахская дружба неустанно укреплялась. Особо яркого расцвета достигла она после Великого Октября.

В своем докладе на Всесоюзном совещании по вопросу о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам (1962 г.) академик Б. Н. Пономарев подчеркивал, что, изучая прошлое, необходимо учитывать широкую историческую перспективу. В частности, следует поддерживать усилия исследователей, стремящихся раскрыть объективно положительное значение сближения братских народов с русским народом и присоединения их к России. Показ прогрессивного значения присоединения народов к России в широкой исторической перспективе способствует укреплению дружбы народов нашей страны и дальнейшему сближению наций Советского Союза.

«...Вопреки реакционным целям и методам царизма присоединение народов к России,— отмечал в своем докладе Б. Н. Пономарев,— объединение их сил с силами русского народа в борьбе против национального и социального гнета подготовило общий фронт всероссийского революционного движения, которое во главе с пролетариатом и его ленинской партией привело в конце концов к освобождению всех народов бывшей царской империи и к созданию невиданного в истории социалистического содружества национальностей, населяющих нашу Родину».

При изучении русских письменных памятников прошлого мы учитывали, что большинство их не может быть отнесено к художественной литературе в современном понимании. Однако мы их рассматривали, так как они дают возможность глубже понять историю русско-казахских литературных связей.

Известный советский исследователь Г. Макогоненко¹ отмечает, что «История государства Российского» Н. М. Карамзина объявлена научным сочинением и на этом основании исключена из истории литературы,

¹ Г. Макогоненко. Литературная позиция Карамзина в XIX веке. «Русская литература», 1962, № 1, стр. 68—106.

вопреки своему содержанию и характеру... вопреки мнению А. С. Пушкина, считавшего, что русская литература первых двух десятилетий XIX века «с гордостью может выставить перед Европой»... прежде всего «Историю...» Карамзина.

В. Г. Белинский также считал, что «История...» Карамзина «навсегда останется великим памятником в истории русской литературы»¹.

Таким образом, есть основание многие исторические сочинения прошлых веков рассматривать и изучать как памятники русской литературы. Таковы сочинения П. И. Рычкова, П. С. Палласа, А. И. Левшина и др. Кстати отметим, что ранние труды путешественников, историков и других имеют энциклопедическую широту и охватывают разнообразные вопросы, относящиеся к различным отраслям знаний.

Литература и журналистика России 1730—1868 годов осветили русско-казахские отношения настолько полно и глубоко, что это имеет весьма существенное значение в разработке всей проблемы взаимосвязи и взаимовлияния братских литератур русского и казахского народов.

Настоящий труд не претендует на монографическое исследование всей проблемы взаимосвязи русской и казахской литератур, что возможно решить силами большого коллектива исследователей. Автором предпринята попытка изучить лишь важнейшие вопросы этой обширной проблемы в историческом аспекте его становления и развития.

Книга состоит из двух разделов. К ним предпосланы небольшие очерки, лишь в самом общем виде характеризующие социально-экономическое и политическое положение Казахстана XVIII—XIX веков.

Хронологические границы настоящей работы определены 1730—1868 годами — периодом присоединения Казахстана к России. Однако при распределении материалов внутри этих крайних дат автор ориентировался на существующую периодизацию истории русской литературы, поскольку основной темой исследования является проблема отражения в русской литературе и журналистике 1730—1868 годов русско-казахских связей.

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XI, Пг., 1917, стр. 219.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАЗАХСТАНА В XVIII ВЕКЕ

Начало систематического изучения истории казахского народа и регулярной публикации различных материалов по Казахстану в русской литературе и журналистике относится к 30-м годам XVIII века, когда Малая «киргиз-кайсацкая орда» (Младший жуз) во главе с ханом Абул-хайром добровольно приняла подданство России.

Присоединение Казахстана к России было обусловлено историческими закономерностями развития как казахского общества, так и русского государства в XVIII веке.

Российская империя в XVIII веке была государством многонациональным. И уже тогда она играла определенно прогрессивную, цивилизирующую роль по отношению к народам Востока, в частности Казахстана и Средней Азии.

Характеризуя процесс присоединения Казахстана к России, мы отличаем объективно-прогрессивный, внутренний исторический смысл присоединения к России и его результаты от колонизаторского способа осуществления этого присоединения, от реакционной политики царизма.

Прогрессивное влияние русского народа на судьбы казахского народа сказывалось в распространении культуры земледелия, в переходе к оседлости, в строительстве первых предприятий обрабатывающей промышленности в казахских степях, во втягивании в общероссийский рынок, в распространении культуры и просвещения, в политическом развитии, а также в том, что мощная держава гарантировала безопасность и защиту малочисленного казахского народа от иноземных захватчиков.

XVIII век характеризуется интенсивным развитием

русской науки и культуры. С 30-х годов происходит перестройка, обновление и обогащение русского литературного языка и русской художественной литературы новыми формами и жанрами. В этот период были основаны Российская Академия наук и ряд специальных учебных заведений (навигационная школа, морская гвардейская академия и др.). Увеличивается выпуск литературы по различным отраслям знаний (географии, истории, математике и др.). Стала выходить русская печатная газета. Появляются произведения национальной живописи и архитектуры. В этот период были сделаны замечательные географические открытия.

Начало XVIII века охарактеризовалось стремлением России выйти к берегам не только Балтийского, Черного и Азовского морей, но и Каспийского моря.

В этот период северные берега Каспийского моря от Терека до Яика уже принадлежали России, что способствовало сближению ее границ с казахскими жузами (ордами). Этой же цели, в частности, служило и улучшение торгового судоходства на Каспийском море. Путь из Астрахани шел по северо-восточному берегу моря до города Гурьева и реки Эмбы.

Районы Прикаспия привлекали внимание России не только для торговых целей. Они рассматривались царским правительством как удобный плацдарм для продвижения в Персию, на Ближний Восток вообще. Народно-кочевники, населявшие эти районы, часто беспокоили приграничные российские территории своими набегами, во время которых сжигались селения, уничтожались посевы, угонялся скот и т. д. Чтобы укрепить обороноспособность России на ее юго-восточной границе, необходимо было присоединить прикаспийские земли и установить протекторат над Хивой и Бухарой. С этой целью в 1716 году была отправлена экспедиция А. Бековича-Черкасского, которая потерпела неудачу.

Как отмечалось выше, в 30-х годах XVIII века было положено начало историческому процессу присоединения Казахстана к России. Этот процесс был обусловлен длительными культурно-экономическими и политическими связями Казахстана и России.

Экономическая жизнь Казахстана в начале XVIII века находилась в состоянии застоя; производительные силы страны развивались крайне медленно. Здесь господ-

ствовали патриархально-феодалыные производственные отношения.

Господствующей отраслью сельского хозяйства было экстенсивное скотоводство. Скот у кочевников круглый год находился на подножном корму, постоянно завися от стихийных сил природы. Казахи разводили преимущественно лошадей и овец. Земледелие, в основном поливное, было развито лишь в южных районах, расположенных в долинах рек Сыр-Дарьи и Или, где сеяли просо, пшеницу и ячмень, выращивали некоторые бахчевые культуры. Занимались им главным образом бедняки-джатаки. То, что скотоводство являлось основным видом хозяйственной деятельности, сказалось и на развитии казахского ремесла и прикладного искусства. Кочевники выделывали кожи, валяли кошмы для юрт, на примитивных ткацких станках изготавливали грубые шерстяные ткани. Кузнецы в аулах изготавливали орудия земледелия и охоты, украшения конской сбруи.

Как внешняя, так и внутренняя торговля в казахских жузах развивалась медленно. Главным предметом торговли был скот, его меняли на хлеб и дешевые ткани бухарских купцов и т. д.

Социально-экономическая и политическая жизнь кочевого казахского народа была тесно связана с жизнью оседлых районов Средней Азии и юга Казахстана. Здесь следует отметить указания Ф. Энгельса о том, что «у всех восточных народов можно установить общее соотношение между оседлостью одной части этих племен и продолжающимся кочевым бытом другой части»¹. Хозяйство кочевников-скотоводов, носившее односторонний характер, не могло существовать без тесной связи с оседло-земледельческими районами Средней Азии и России. Кочевники постоянно нуждались в продукции ремесла и земледелия.

Беднейшие слои казахского крестьянства (шаруа) попадали в экономическую зависимость от феодалов, которым выплачивали различные виды натуральной ренты (зякет, ушур²). Шаруа вынуждены были нести и различные феодальные повинности. Они еще более закаба-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, стр. 448.

² Зякет и ушур — формы натуральной феодальной ренты: зякет — $\frac{1}{20}$ часть скота, а ушур — $\frac{1}{10}$ часть урожая, отдаваемые феодалу.

лялись в период стихийных бедствий, ведущих к гибели скота вследствие бескормицы (джута).

В большой зависимости от феодалов находились и джатаки, которые, лишившись скота, вынуждены были осесть и заниматься земледелием. За пользование рабочим скотом, инвентарем, семенами джатаки отдавали феодалам значительную часть урожая.

Обогащение казахских феодалов происходило также и за счет эксплуатации домашних рабов (кулёв).

Таким образом, в XVIII веке казахское общество было разделено на два основных антагонистических класса: феодалов и крестьян (шаруа).

Класс феодалов был неоднородным и состоял из крупных скотовладельцев — баев, административных и судебных властителей родов — биев, военачальников — батыров, правителей — султанов и ханов.

Укреплению власти феодалов над казахским народом способствовало мусульманское духовенство в лице мулл и ходжей, которые не только внедряли «слово пророка», но и обирали народ при помощи гаданий по Корану, молитвенных сборов, продажи талисманов и пр.

Тяготы феодальной эксплуатации приводили к обострению классовой борьбы в степи: то там, то здесь шаруа откочевывали от «своих» биев и баев в знак протеста против непомерного гнета.

К началу XVIII века на территории Казахстана существовали три крупных родо-племенных объединения, которые назывались жузами: Младший (Малый), Средний и Старший (Большой). Единства не было не только между этими жузами, но и внутри их. В каждом жузе насчитывалось несколько ханств и не зависимых от них владений султанов. Последние боролись между собой за ханский престол. Военачальники-батыры стремились захватить функции биев, а последние хотели подчинить себе и ограничить власть ханов. В стране царил политическая раздробленность и междоусобная борьба.

Попытки отдельных ханов (Тауке, 1680—1718 гг., Абулхаир, 1729—1748 гг.) объединить казахские жузы в единое государство не имели успеха, поскольку политико-экономические связи между жузами были крайне слабыми. Междоусобицы резко усилились после смерти хана Тауке, когда его преемники повели открытую борьбу за власть.

Раздробленные казахские ханства не могли оказать серьезного сопротивления внешним нашествиям (джунгар, а также феодальных государств Средней Азии). Над казахским народом нависла угроза порабощения. Эта угроза была предотвращена благодаря укреплению связей Казахстана с Россией.

В XVIII веке внешнеполитическое положение казахских ханств ухудшилось: владения Младшего жуза на Сыр-Дарье пытался захватить хивинский хан Каип.

В течение 1741–1742 годов джунгарские полчища неоднократно вторгались в пределы казахских жузов. Джунгары истребляли население аулов, расположенных по Ишиму, Илеку и Иргизу. Казахи, спасаясь от джунгар, бежали к границам России.

Начальники русских укрепленных линий потребовали от джунгар оставить казахов, как подданных России, в покое. Осенью 1742 года было отправлено посольство майора К. Миллера в Джунгарию с требованием освободить пленных казахов. Это требование было выполнено. В 1743 году из плена вернулось на родину много казахов, в том числе и султан Аблай.

Но джунгарам продолжали платить дань султаны Среднего жуза Абульмамбет и Барак. Под игом джунгар находился и Большой жуз.

В 1752 году в казахские степи снова вторглись джунгары. В 1755–1758 годах цинские войска разгромили джунгарское государство, почти полностью истребив его население. Границы цинской империи стали соприкасаться с кочевьями Среднего и Большого жузов. В 1767 году в казахские степи вторглись туркменские феодалы. В эти же годы обострились отношения казахов с волжскими калмыками. В конце XVIII века южные районы Большого жуза были закабалены кокандскими феодалами.

Присоединение к России Младшего жуза и частично Среднего жуза в 1731 году имело огромное прогрессивное значение для казахского народа. Была ликвидирована опасность порабощения и физического уничтожения казахов со стороны Джунгарии и других феодальных государств Средней Азии. Создались реальные условия для проникновения в степь более передовой культуры и экономики России.

Русские исследователи (географы, историки и др.).

И. Георги, П. Паллас, П. И. и Н. П. Рычковы и другие собрали ценные сведения по географии (картографии) и истории Казахстана. Сопровождали их в путешествии казахи, сообщавшие обильный фактический материал исследователям.

Тесное общение населения казахских аулов с жителями русских сел способствовало укреплению дружбы между ними, постепенному расширению взаимосвязи и взаимовлияния культур двух народов.

В 1789 году в Омске открылась первая «азиатская школа», в которой готовились переводчики и писари из казахов. Хотя правительство, создавая «азиатские» или «русско-киргизские» школы, меньше всего заботилось о просвещении казахского народа, тем не менее эти учебные заведения сыграли положительную роль в улучшении контакта между русским и казахским народами.

После присоединения Казахстана к России началось некоторое оживление экономической жизни в казахской степи. Стала развиваться торговля, в связи с чем возросло значение ранее существовавших караванных путей. Пограничные русские крепости (Ямышевская, Семипалатинская, Троицкая), г. Оренбург и другие стали центрами меновой торговли: казахи на скот и продукты животноводства в порядке обмена получали хлеб, различную мануфактуру, изделия русских ремесленников. При этом казахи торговали беспощинно. Русские купцы, продавая кочевникам товары низкого качества и по высоким ценам, баснословно наживались.

Иной характер носила торговля между русскими крестьянами и казахскими шаруа, что способствовало расширению общения между двумя народами. Русские крестьяне, переселившиеся в северные районы Казахстана, принесли опыт земледелия и сенокосения. Казахи сами постепенно стали переходить к оседлости. К этому побуждали кочевников и тенденции общего прогрессивного развития экономики Казахстана.

Общение казахов с русскими происходило на соляных промыслах (Илецкая Защита, озера Эльтон и Баскунчак) и рудниках по добыче цветных металлов. Это общение закреплялось совместными выступлениями трудящихся масс русских и казахов против угнетателей.

Во второй половине XVIII века в Казахстане резко обострился земельный вопрос, что было связано с захва-

том пастбищных угодий как казахской феодальной верхушкой, так и царской администрацией. Обострению земельного вопроса способствовали также частые засухи и неурожай кормовых трав. Пастбищные угодья с хорошим травостоем были в поймах крупных рек: Урала, Ишима и др. Эти-то места являлись объектом борьбы из-за пастбищ.

Усиление двойного гнета неоднократно вызывало выступления казахских трудящихся.

В середине XVIII века резко обострилась междоусобная борьба. В 1748 году султаном Бараком был убит хан Абулхайр, потомки которого не могли противостоять натиску враждебных султанов, ориентировавшихся на Джунгарию. В юго-восточных районах Младшего жуза возникло ханство Батыра, спровоцировавшего в свое время столкновение Барака с Абулхайром. Ханство Нуралы ограничилось северо-западной частью Младшего жуза.

После смерти Барака (1751 г.) в Среднем жузе выдвинулся энергичный хан Аблай, который пытался создать независимое казахское ханство по типу отсталых среднеазиатских ханств.

Усиление феодальной раздробленности в Казахстане в 80-х годах XVIII века совпало с обострением классовой борьбы в степи. Проявлением последней является участие казахской бедноты в Крестьянской войне 1773—1775 годов и восстание казахов под руководством Срыма Датова.

В Крестьянской войне 1773—1775 годов наряду с русскими принимали участие башкиры, казахи, татары и др.

Казахи Младшего жуза довольно активно участвовали в движении Пугачева. Казахи-повстанцы совершали нападения на царские крепости и участвовали в осаде Оренбурга и взятии Илецкой Защиты Пугачевым. Движение Пугачева частично захватило и пограничные с Яиком районы Казахстана (по Яику проходила граница русских и казахских владений).

Пугачев, потерпев самое крупное и последнее поражение от правительственных войск в августе 1774 года, предполагал уход к низовьям Яика или в степи Казахстана, надеясь на поддержку казахского народа.

Действительно, казахи Младшего жуза все больше стали примыкать к пугачевцам. Это сильно беспокоило

коменданта Яицкой крепости подполковника Симонова. На просьбу царской администрации прекратить вооруженное нападение казахских отрядов на царские укрепления Нуралы-хан отвечал: «Киргизы теперь меня не слушают, а причину того злодей, именующий себя Петром III».

Колониальный грабеж царской администрацией и притеснения местной феодальной знатью переполнили чашу терпения народа. Среди казахов начинается вооруженное народное движение, направленное против царизма. Это движение резко отличалось от тех столкновений казахов с русской администрацией до 1774 года, которые ограничивались захватами пленных и угоном скота. Казахи открыто поддерживали Пугачева. Об участии казахов в пугачевском движении, как отмечалось выше, упоминается и в «Истории Пугачева» А. С. Пушкина.

Крестьянская война 1773—1775 годов потрясла дворянскую империю. Правительство предприняло ряд мер по укреплению государственного строя, усилилась реакция, в частности был сослан в ссылку А. Н. Радищев и заточен в крепость Н. И. Новиков.

А. И. Герцен, оценивая движение крестьян под руководством Пугачева, писал: «Знамя восстания Пугачев поднял во имя освобождения крестьян от помещиков». Герцен указывал, что Екатерина II «не знала народа и сделала ему только одно зло: народом ее было дворянство, и она чудесно понимала свою почву»¹.

Корни пугачевского восстания А. С. Пушкин видел в деспотизме Екатерины II, которая «раздарила около миллиона государственных крестьян (то есть свободных хлебопашцев) и закрепостила вольную Малороссию и польские провинции». И не без основания поэт считал Екатерину II «Тартюфом в юбке и в короне», заслужившим лишь «проклятие России»².

Однако не следует переоценивать участие казахов в пугачевском движении. В известных источниках отмечено участие лишь сравнительно небольших групп казахов.

Царизм жестоко угнетал казахский народ, всячески

¹ А. И. Герцен. Полн. собр. сочинений и писем, т. VII, Пг., 1919, стр. 335 и 374.

² А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. VIII, М.—Л., 1947, стр. 121—127.

тормозил развитие его экономики и культуры. Однако вопреки политике царизма объективно укреплялись хозяйственные и культурные связи русского и казахского народов.

В 1783—1785 годах в казахской степи вспыхнуло новое восстание, направленное против усилившегося феодального и колониального гнета.

Движение Срыма Датова, начавшись в междуречье Урала и Эмбы в 1783 году, скоро охватило весь Младший жуз. По требованию народа Нуралы был отстранен от ханской власти Екатериной II. Царские власти несколько ограничили «воинские поиски» в аулах. Разрешался перегон скота на некоторые пастбища вдоль пограничных линий и т. д.

Национально-освободительное движение 1783—1797 годов является крупным событием в истории Казахстана. Оно способствовало ликвидации отжившей себя ханской власти, явилось стимулом роста классового сознания трудящихся.

Таково в общих чертах социально-экономическое и политическое положение Казахстана в XVIII веке, когда тема казахского народа, Казахстана постепенно входит в русскую литературу и журналистику.

РУССКО-КАЗАХСКИЕ СВЯЗИ В ДРЕВНИХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ РУСИ И В ЛИТЕРАТУРЕ 30—50-х ГОДОВ XVIII ВЕКА

Древние русские письменные источники о казахском народе

Интерес к казахскому народу и к его землям на Руси возник еще задолго до начала присоединения Казахстана к России. Даже в самых ранних памятниках русской письменности имеются сведения о казахах, «о киргиз-кайсацкой орде». Их можно встретить в «Повести временных лет или летописи Несторова» и «Краткой сибирской летописи», в Строгановской и Есиповской летописях, а также в «Книге Большого Чертежа, или древней карте Российского государства, поставленной в разряд и описанной в 1627 г.»¹

В знаменитой «Повести временных лет...»², относящейся к 1206 году, указано, что в 965 году Святослав нанес поражение «козарам» и «касогам». В 1065 году «касоги» платили дань Ростиславу. Кого же имел в виду под «касогами» русский летописец? Если «козары» — это хазары, жившие у устья Волги и по берегам Каспийского моря, то «касогами», по-видимому, назывались далекие предки казахов. Таково мнение, в частности, В. Н. Татищева, автора «Истории Российской с самых древнейших времен, неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная...»³

В 1570 году в России была подготовлена известная

¹ «Книга Большого Чертежа...» Спб., 1792. Упоминание о казахах на стр. 6 и 319.

² «Повесть временных лет или летопись Несторова с продолжениями по Кенисбергскому списку до 1206 г.». В кн.: «Библиотека российская историческая, содержащая древние летописи и всяческие записи, способствующие к объяснению истории и географии Российской древних и средних времен», ч. 1, Спб., 1767, стр. 116.

картографическая работа «Большой Чертеж...», содержащая сведения более ранних эпох. Впоследствии «Большой Чертеж» был утерян. Сохранилась составленная значительно позже (1627 г.) так называемая «Книга Большого Чертежа». Из легенды (объяснительной записки к книге) можно узнать о тех сведениях, которые наносились на карту. В «Книге Большого Чертежа...» Аральское море упоминается под названием «Синее» и отмечается, что в нем «вода солона». В «Книге Большого Чертежа...» ошибочно указано, что из Аральского (Синего) моря берет начало река Арзас, которая впадает в Хвалимское (Каспийское) море. Составители карты далее указывают, что Сыр-Дарья впадает в Аральское море, а Аму-Дарья — в Арзас...

«Книга Большого Чертежа...» была составлена по велению Ивана IV, который в 1552 году приказал «землю измерить и чертеж государства сделать». В этой первой крупной картографической работе нашла реальное отражение значительная часть территории тогдашнего Казахстана.

Известный интерес к землям на востоке Руси, в частности к казахским степям, может объяснить предписание русского царя тобольскому воеводе П. И. Годунову в 1667 году: «Всю сибирскую землю описать, грани земель и жилищ, межи, реки и урочища и всему учинить чертеж». Эта карта была составлена П. И. Годуновым и издана в 1667 году в Москве. В 1672 году вышло второе издание ее. Впоследствии копии этой карты были опубликованы в Голландии Н. К. Витзенем («Новая карта севера и востока Азии и Европы», 1687 год, и в книге «Северная и Восточная Тартария», 1692 год), в Германии Г. Шлессингом («Вновь открытая Сибирия с картой этой страны»). Кроме того, в Швеции, в Стокгольмском архиве, были обнаружены копии карты П. И. Годунова. Эти копии были сняты Пальмквистом, членом посольства Кронемана (1668—1669 гг.) и Оксеншерна (1673—1674 гг.).

В 1696 году боярскому сыну С. Е. Ремезову было повелено составить «Чертежную книгу Сибири». Ремезов ранее был известен как составитель тобольской летописи. В его «Чертежной книге» (1701 г.) значительное отражение получили районы Казахстана и Средней Азии. В частности, Аральское море было отмечено под этим назва-

нием и как самостоятельный бассейн, не связанный с Каспийским морем. В работе были использованы последние сведения, полученные в результате поездки русского посольства к казахскому хану Тауке (в русских источниках — Тявка) в 1694 году.

Стремление присоединить «киргиз-кайсацкий» народ к России зародилось еще при Иване Грозном, о чем свидетельствуют некоторые исторические памятники. По ряду причин эти стремления не увенчались успехом.

В издании Н. И. Новикова «Продолжения древней российской вивлиофики» в отделе «Летописец» имеются некоторые сообщения, объясняющие лишь частично причины указанного неуспеха: «В 1534 году сентября 8 дня государь великий князь Иоанн Васильевич с ногайским послом князем Кудояром и с своим послом с Данилом Губиным сыном Ивановым к главному ногайского народа начальнику князю Шыйдяку и к мырзам послал грамоты»¹.

Посланец Данила Губин доносил в 1535 году царю Ивану Васильевичу: «И Кудояр, государь, нас покинул, да поехал прочь. И они, сударь, нас соромотивши и грамоты, государь, хотели пожечь, и поминки, государь, сильно поймали... И выбравши, государь, у нас лутших семеро лошадей, да нас, государь, покинули, и мы, государь, побежали к Кудояровым следом... и Кудояр, государь, побежал и днем и ночью пять день. А говорит, государь, Кудояр, то-де и князь ведает, а мне-де и вам не пособит, а они-де и хотели и меня убить»².

Посол Ивана Грозного в «орде» Шыйдяка пробыл около двух лет, собрав обширные данные о соседних с мещерами народах.

В мае 1535 года от Шыйдяка была грамота «не правому верою» Ивану. В этой грамоте указывалось, что отец Ивана «стар человек был, а с нами в правде был и на наши улусы мещерских людей коней отганивать ни один человек не бывал...»³

Данила Губин сообщает множество сведений, в том числе и о казахах: «А пришла весть к Ших Мамай мырзе от Юргеньского царевича, а сказывают, государь, что ка-

¹ «Продолжение древней российской вивлиофики». Спб., 1791, стр. 225.

² Там же, стр. 233—234.

³ Там же, стр. 249.

заки (речь идет о казахах.— *К. К.*) дополна хотят идти Нагаи воевать. А сказывают, государь, казаки сильны, и колмаки (калмыки.— *К. К.*) им передалися и Ших Мамай и Исуп и иные мырзы, кои с ними кочуют, стоят в заставе за Яиком на реке на Еме, всю зиму берегутся от Казатцкой орды»¹.

26 сентября 1536 года Д. Губин с казаком Меншиком прислал очередное донесение («грамоту») государю Руси, в котором писал: «А бухарской, государь, Бибей царь и Юргенские царевичи, сказывают, ныне друзи Нагаем, а казаки, государь, сказывают, добре сильны, а сказывают, государь, Тешкен (Ташкент.— *К. К.*) воевали, и Тешкенские царевичи, сказывают, с ними двожды бились, а казаки их побивали. И пришел, государь, к Шыйдяку князю посол от Кестень горы Салтана от Шамархат Бухар», который сватался за дочь Шыйдяка. Посол «сказывал дополна-де и берегитесь, быти вас казаками воевати...»²

От Стехани, пишет Губин, пришел к Шыйдяку посол, чтобы они (мещеряки.— *К. К.*) пошли на казахов, которые осадили Ташкент и возьмут его летом или зимой. Казахи не идут на Нагаи, потому что с «Тешкен воюют»³.

В основе дипломатических переговоров Ивана Грозного с восточными соседями, в том числе и с казахами, лежало стремление, «чтобы... межи нас добрые (торговые.— *К. К.*) люди ходили без всяки зацепки»⁴.

Знаменитый автор «Истории государства Российского» (1821 г.) Н. Карамзин, оценивая положение Руси времен царствования Ивана Грозного и попытки последнего завязать торговые сношения с казахами, писал, что «татары сибирские, признав Иоанна своим верховным властелином, не только худо платили ему дань, но и частыми набегами тревожили Великую Пермь, где был конец России. Озабоченный важными непрестанными войнами царь не мог утвердить ни власти своей над отдаленною Сибирью, ни спокойствия наших владений между Камою и Двиною... В числе тамошних Российских всельников были и купцы Строгоновы, Яков и Григорий Иоа-

¹ «Продолжение древней российской вивлиофики». Спб., 1791, стр. 244.

² Там же, стр. 276.

³ Там же, стр. 283.

⁴ Там же, стр. 223.

никиевы... Пишут, что сии купцы происходили от знатного, крещеного мурзы Золотой орды именем Спиридо-на... что татары, им озлобленные, пленили его в битве, измучили и будто бы застрогоали до смерти, что сын его потому назван Строгоновым. Желая взять деятельные меры для обуздания Сибири, Иоанн призвал упомянутых двух братьев, Якова и Григория, как людей умных и знающих все обстоятельства, беседовал с ними, одобрил их мысли и дал им жалованные грамоты «на пустые» места.

Встревоженный слухом о строгановских крепостях, Кучюм (в июле 1573 г.) послал своего племянника Маметкула разведать об них и, если можно, истребить все наши заведения в окрестностях Камы. Маметкул явился с войском как неприятель: умертвил несколько верных нам остояков, пленил их жен, детей и посла Московского, Третьяка Чебукова, ехавшего в орду киргиз-кайсацкую¹.

Из приведенного высказывания известного историко-графа Н. Карамзина видно, что русское правительство рассматривало казахские степи лишь как плацдарм для дальнейшего продвижения на Восток, в частности в Среднюю Азию. Для тщательного изучения экономического и политического положения края посылались официальные чиновники царского правительства.

Не видя успеха в своем начинании завязать сношения с казахами, в 1574 году Иван Грозный отдает Строгановым грамоту на беспошлинную торговлю с «киргиз-кайсацкой ордою».

Одним из важнейших моментов истории, определившим дальнейшие взаимоотношения между Россией и казахами, было присоединение Казанского (1552 г.) и Астраханского (1557 г.) царств к Руси и особенно покорение обширных земель Сибири Ермаком (1581 г.).

С этого времени границы казахских степей сблизились с русскими владениями. Реки Урал и Иртыш разграничили русские и казахские земли. Впоследствии эти реки стали главными опорными пунктами в продвижении царских войск в Казахстан, а также водной магистралью для торговых целей. Таким образом, уже в конце XVI столетия казахи оказались в непосредственном соседстве с русскими. В то же время они были окружены кочевы-

¹ Н. Карамзин. История государства Российского. Спб., 1821, т. IX, стр. 375—378.

ми народами: с запада и северо-запада башкирами, калмыками и ногайцами, с востока — джунгарами, с юго-запада — тюркскими народами Хивы, Бухары и Коканда. С юго-запада казахам грозил персидский правитель Надир-шах.

В делах Оренбургской пограничной комиссии сохранились записи беседы Тевкелева и старшины Букенбая (1748 г.). Последний говорил о положении казахского народа до присоединения к России следующее: «Киргиз-кайсаки» бегали тогда от калмыков, башкирцев, казаков сибирских и яицких «как зайцы от борзых собак»¹.

В истории казахов это был период постоянных и непрекращающихся феодальных междоусобиц и родовых распрей. Вследствие этого с начала XVIII века над казахами нависла опасность порабощения со стороны более организованных в военном отношении джунгаров. В силу общественно-экономической отсталости казахи не могли защищаться от их опустошительных набегов.

В этот период казахским ханом был Тауке (1680—1718 гг.). С самого начала своего правления он стремился к объединению казахов в единое государство, к укреплению политического единства народа, к организации всеобщей борьбы с джунгарами.

В русской литературе и в преданиях казахского народа сохранились так называемые «Законы хана Тауке» («жеты жарга»), составленные якобы советом семи биев. В этих «Законах» хан Тауке кодифицировал издавна сложившиеся нормы обычного права в казахской степи, приспособив их к интересам феодальной знати. Так, совет биев при хане решал вопросы войны и мира, межродовые споры. Таким образом, совет ограничивал власть хана. «Законы» защищали интересы и жизнь султанов и ходжей от посягательства рядовых казахов. Они утверждали неполноправность казахской женщины. Но в своих «Законах» Тауке сумел разграничить земли между родами и установить порядок пользования ими. Тауке стремился подчинить своей власти и влиянию как можно больше казахских родов. Однако это ему не удалось.

Правление хана Тауке в истории характеризуется также определенным сближением казахов с русскими, чему

¹ Архив внешней политики России. Киргиз-кайсацкие дела, 1748, ф. 122, д. 3, лл. 132—139.

способствовало и внешнее положение казахских жузов. Теснимый джунгарами, Тауке был заинтересован в военной помощи России. В 1715 году велись переговоры русского правительства с Тауке-ханом об обмене пленными.

Петр I считал казахские земли «ключом к вратам Индии», с которой Россия имела желание поддерживать постоянные торгово-экономические связи. С этой целью правитель России неоднократно отправлял через «киргиз-кайсацкие» степи в сторону Индии послов, а также торговые караваны, которые, однако, не достигали своих целей из-за нападений кочевников. Тем не менее петровские посланцы оставили свои путевые записи, в которых упоминаются казахи и их земли. Здесь заслуживает упоминания книга «Путешествие и журнал по указу великих государей, царей и великих князей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича, отправленного из Москвы в Китай, господина Эбергарда Избраннедесса, посланником в 1692 году»¹.

Через казахские степи проходили кратчайшие караванные пути в торговые центры: Бухару, Хиву и др. Один караванный путь имел направление из Тобольска к верховьям Ишима. Дальнейший путь лежал вдоль Улу-Тауских гор на Сары-Су и Туркестан. Наконец, караван переезжал Сыр-Дарью и Кызыл-Кумы и достигал Бухары. Другой путь брал свое начало из Астрахани и шел на Эмбу, а оттуда к Хивинскому оазису и в Бухару. Особое значение приобретает и полуостров Мангышлак, где проходили торговые пути из казахских степей и Средней Азии в Поволжье.

Казахские степи являлись своеобразными «воротами» к торговым центрам Средней Азии. Это понимал Петр I, который хотел «путь во всю полуденную Азию отворить».

В 1713 году туркмен Ходжа-Нефес сообщил русским властям в Астрахани, что река Аму-Дарья прежде впадала в Каспийское море, но теперь ее хивинцы отвели в Аральское море. Эта версия Ходжи-Нефеса была подтверждена показаниями и хивинского посла Ашур-бека. Возникло предположение о возможности «восстановления» водного пути к Индии через Каспийское море путем поворота течения Аму-Дарьи в старое русло.

¹ «Древняя русская вивлиофика». Изд. II, 1789, ч. VIII, стр. 360—475.

Почти одновременно правительство получило важное сообщение сибирского губернатора Матвея Гагарина о наличии золотых россыпей близ города «Ерекети», расположенного на «Дарье»¹.

В 1714 году была снаряжена экспедиция с целью отыскания и описания водного пути в Индию и приобретения золотых россыпей. Во главе экспедиции был поставлен князь А. Бекович-Черкасский. В течение 1714—1715 годов экспедиция обследовала восточное побережье Каспийского моря и убедилась в наличии старого русла Аму-Дарьи. В 1716 году А. Бекович-Черкасский построил три крепости на побережье Каспийского моря. В следующем году он предпринял поход против Хивы, закончившийся гибелью всего отряда. Хивинский хан уничтожил все крепости, построенные русскими на берегу Каспийского моря.

В походе А. Бековича-Черкасского принимали участие некоторые пленные немцы и шведы. Они были повторно пленены, но на этот раз хивинцами. По их рассказам бывший пленный шведский офицер Страленберг, настоящая фамилия Табберт, ранее живший в Сибири, после возвращения на родину написал и издал книгу о «Северной и восточной частях Европы и Азии». В ней содержалась карта, в которой были приведены новые данные о бассейнах Каспийского и Аральского морей.

С целью достижения города «Ерекети» на «Дарье» с россыпями золота в 1714 году царь решил отправить другой отряд со стороны Сибири. Возглавил отряд подполковник Иван Бухгольц. В крепости Ямышеве отряд Бухгольца (около 2450 или 4500 человек) подвергся осаде джунгар. Пленные были уведены в Семиречье и Восточный Туркестан и освобождены лишь в 1733 году. Следует отметить, что два русских офицера из этой экспедиции были освобождены из плена казаками, которые доставили офицеров в Тобольск. Там казахи заявили, что «хан и их вся казачья орда хотят в миру быть везде с людьми его царского величества, и готовы идти войной на джунгар»².

¹ Было установлено, что под именем «Ерекети» имелся в виду Яркенд в Восточном Туркестане (ныне в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китайской Народной Республики).

² Очерки истории СССР. XVIII в., вторая четверть. М., 1957, стр. 770.

В 1717 году Петр I отправил в Бухару своего посла Флорио Беневени, «секретаря ориентальной экспедиции посольского приказа». Среди сведений, доставленных Беневени русскому правительству, есть сообщение и о том, что «по... Сыр-реке (Сыр-Дарье.— К. К.) везде можно золото сыскати»¹.

Царское правительство предпринимает меры к укреплению своих позиций в Сибири. В 1718 году отряд во главе с офицером Ступиным основал крепость Семипалатинск. В 1719 году майор Иван Лихарев достиг озера Зайсан. Русский отряд основал на Иртыше крепость Усть-Каменогорск (1720 г.). Так возникла «Иртышская линия» русских укреплений.

В 1722 году в Джунгарию было направлено посольство капитана Ивана Унковского. Последнему было поручено вести переговоры с правителем Джунгарии Цевен-Рабтаном о подданстве России и произвести осмотр «тех мест, где удобно крепостям быть, а особливо, чтоб в тех местах, где может найдена быть руда и коммуникация с Сибирью, особливо же водяным путем»². Маршрут И. Унковского охватывал огромную территорию казахских степей, расположенную в бассейнах рек Иртыша и Или.

Унковский завершил свое посольство в 1724 году. Об этом было напечатано только краткое сообщение. Его дневники были опубликованы лишь в 1887 году.

В записях И. Унковского имеются довольно подробные сведения о казахах и киргизах. Последние в русских исторических источниках были известны под названием «кара-киргизов», «дикокаменных киргизов» или «бурутов». Киргизы в средние века жили по верхнему течению Енисея. Еще в XVIII веке русские люди встречали там остатки этого народа. Первые сведения об их переселении на юго-запад появились в X веке. Переселившись в Семиречье и прилегающие районы, киргизы вошли в тесный контакт с народами Средней Азии, в частности с казахами.

Стремление проложить дорогу русскому купечеству через казахские степи к сокровищам Индии, куда морем

¹ Дневник Ф. Беневени был опубликован лишь в 1853 году.

² «Записки Императорского Русского географического общества». Спб., 1887, отд. этнографии, т. X, вып. 2, «Путевой журнал Ив. Унковского за 1722—1724 годы».

ранее проникли иностранцы, пробудило в Петре I желание послать к казахскому хану Тауке посольство во главе с Федором Скибиным.

В 1694 году хан Тауке принимал в городе Туркестане посланцев русского царя — казаков во главе с Федором Скибиным и Матвеем Трошиным, прибывших из Тобольска. Однако посольство Скибина не добилось своей цели: русские послы были даже задержаны как военнопленные, и только благодаря ходатайству русского правительства им удалось через Бухару вернуться на родину.

Но через несколько лет, в 1717 году, хан Тауке и приближенные ему султаны обратились к русскому правительству с просьбой помочь им в борьбе против джунгар.

Петр I, считая казахские земли наиболее удобным путем к «воротам Индии» и не осведомившись более основательно о событиях в казахской степи, поручил сибирскому губернатору князю М. Гагарину войти в деловые сношения с казахами и помочь им бороться против Галдана — властителя Джунгарии. Но Петр Великий при этом своей основной целью ставил во что бы то ни стало добиться со стороны казахов изъявления согласия стать русскими подданными. Эта цель не была достигнута. Не без жертв обошлось и его намерение вооруженной силой присоединить среднеазиатские земли. Как указано, поход, возглавляемый князем Бековичем-Черкасским, посланным в 1717 году из Астрахани в Хиву, закончился трагически.

Зато более успешным было продвижение русских по Иртышу, где был построен ряд крепостей, ставших аванпостами русского влияния в Западной Сибири и Казахстане.

Сведения о казахам в некоторых западноевропейских и восточных литературных источниках

В 1734 году в «Примечаниях на ведомости» была опубликована статья неизвестного автора, который отмечал огромный интерес к казахскому посольству как со стороны русских, так и иностранцев:

«Сие известно, коль еще мало знания поныне о географии, истории и других обстоятельствах тех восточных народов находится, которые в Северной Азии под россий-

ским державством состоят... чего... тому удивляться, что как некоторых из иностранных, так и из здешних людей великое к тому желание показывали, чтоб о жилище и прочих обстоятельствах недавно прибывших сюда киргизских и башкирских народов обстоятельное и надежное известие получить»¹.

Автор статьи в «Примечаниях на ведомости», указывая в качестве литературных источников книги Витзена, Страленберга, Дженкинсона, пишет: «Мы хотя еще и не можем... удовлетворять, однако же... сообщим, что о обоих сих народах некоторые писатели, а особливо славный амстердамский биргермейстер Николай Витзен в своей «Северной и Восточной Татарии», объявляет (то есть сообщает о происхождении казахского и башкирского народов.— К. К.)»².

Каково же мнение Витзена о происхождении казахов? В своем исследовании он называет казахов народом, братским татарам, принимая их за одну и ту же народность. Большей же частью все эти сведения Витзена о казахах основаны на легендах и имеют отрывочный характер.

Ссылаясь на сообщения иностранных ученых, автор уверяет, что местонахождение казахов — район реки Енисея и что казахи также распространены на юго-востоке от Енисея до самой Монголии, и якобы они прежде находились под державой одного государя, теперь зависят от многих ввиду своей раздробленности.

«Английский ученый Дженкинсон,— пишет автор статьи в «Примечаниях на ведомости»,— упоминает, что в его время, то есть в 1558 году, киргизская вера большею частью в том состояла, что их попы кровь, молоко и скотский навоз, вместе смешав, в один сосуд складыв-

¹ «Примечание на ведомости», Спб., 1734, № 28, стр. 3. Следует отметить, что Неустроев в своем «Историческом розыскании о русских периодических изданиях за 1703—1802 гг.» и Межов в своей «Библиографии об Азии на русском языке» считают автором указанной статьи голландского ученого Николая-Корнея Витзена (1641—1717 гг.). Однако дата жизни и содержание опубликованной в 1734 году статьи свидетельствуют о сомнительности авторства Витзена.

Н.-К. Витзен известен своим трудом «Северная и Восточная Татария». Эта книга вышла в свет в 1705 году в Амстердаме на голландском языке. Для сбора материалов о народах России Витзен в свое время приезжал в Москву.

² Там же.

вали, с которым они потом на дерево взлезали и около них стоящий народ, для истребления грехов, оным смещением окропляли. Платья носят подобное калмыцкому, а женский пол у них есть нарочито красного лица. Язык, по свидетельству Витзена, имеют они калмыцкий и крымский, татарский, а по мнению господина фон Страленберга в его работе «Noord und Fest theil von Europa und Asia» сходным в диалекте с турецким, но книг и письма не знают»¹.

Необходимо отметить, что в книгах западноевропейских путешественников, ученых и миссионеров под собирательным именем «татар» описывались башкиры, казахи, узбеки, киргизы и т. д. Так, Антоний Дженкинсон² писал о своем путешествии в Среднюю Азию (1558—1560 гг.) следующее: «Татары никогда не выезжают без лука, стрел и меча, будь то на соколиную охоту или для какого-нибудь другого увеселения; они очень хорошие стрелки, как будучи на коне, так и пешие. Народ этот не употребляет ни золота, ни серебра, ни иных каких-либо монет, а когда они нуждаются в одежде или в других необходимых вещах, они меняют на них скот...»³

Русские авторы того периода, когда пишут о землях казахов, обычно ссылаются на несколько древнейших арабских, турецких, китайских и западноевропейских источников. Так, указывается, что посланник римского императора Юстина II Земарк в 569 году был направлен из Константинополя к хану народа Ту-хю, кочевавшего в северо-восточной Азии. Посол при прощании в качестве подарка получил невольника — херхиса (киргиза)⁴.

В конце 30-х годов XIII века монгольские войска, со-

¹ «Примечание на ведомости». Спб., 1734, № 29, стр. 115—116.

² С развитием английского мореплавания в XVI веке начинается участие англичан в исследовании Востока. Англичане придавали большое значение торговым связям с Китаем. Для этого они надеялись воспользоваться сухопутным путем из России в Китай через Среднюю Азию. В Англии была создана даже особая торговая компания, представитель которой, Антоний Дженкинсон, прибыл в Россию и в 1558 году при содействии Московского правительства отправился из Астрахани по Каспийскому морю, высадился на полуострове Мангышлак и оттуда с торговым караваном проник в Хиву и Бухару.

³ «Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке». Перевод Ю. В. Готье. Л., 1937, стр. 178.

⁴ Klapproth. Tableaux historiques de l'Asie. Paris, 1823, p. 117.

вершая опустошительное нашествие, дошли до берегов Адриатического моря. Но в 1242 году монголы внезапно отступили. В напуганной Европе ожидали нового нашествия монголов. Стремясь собрать более подробные сведения о завоевателях «татарах» (так называли в те времена монголов в Европе), папа Иннокентий IV в 1245 году отправил миссию во главе с Иоганом де Плано Карпини в Монголию. Плано Карпини прошел через южные районы Руси, пересек Хорезм и казахские роды, расположенные в Семиречье и Тарбагатае, оставив подробное описание своего пути («*Libelus historicus*»). На русском языке это описание вышло в свет в 1822—1825 годах в публикации писателя и переводчика Д. И. Языкова (1773—1845 гг.) под названием «Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV и XV вв. Плано Карпини и Асцелина».

Почти тем же путем, что и Плано Карпини, проехал в Монголию в 1253 году другой посланник папы, францисканец Вильгельм Рубруквиус (около 1220—1293 гг.), оставивший также подробное описание своего пути.

Таким образом, Семиречье, населенное предками казахских племен, находилось на одном из оживленных путей довольно многочисленных путешествий и торговых караванов на Восток европейских миссионеров и купцов. Так, В. Бартольд (1925 г.) указывает, что «торговым путем в Китай через Среднюю Азию, несмотря на политические смуты, продолжали пользоваться и в XIV в.»¹

Венецианские и генуэзские купцы нередко плавали по Каспийскому морю, ведя торговые операции с населением приморских районов. Об этом свидетельствует, в частности, описание торгового пути от устья Волги до Пекина, составленное в начале XIV века флорентийцем Бальдуччи Пеголотти. При этом в описании Пеголотти указаны пункты, расположенные на территории казахских степей: Сарайчик (при устье р. Яик), Отрар (у впадения Арыси в Сыр-Дарью) и Алмалык (на месте теперешнего населенного пункта Хоргос Панфиловского района Алма-Атинской области).

О возросшей роли Каспийского моря в сношениях Европы с Востоком можно судить и по другим памятни-

¹ В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925, стр. 75.

кам европейского средневековья. Так, в «Каталонской карте» («Carta Catalona»), появившейся в 1375 году, показаны очертания Каспийского моря с обозначением ряда населенных пунктов на его побережье.

Англичанин Дженкинсон, посетивший в 1558—1560 годах Бухару, указывает, что ташкентцы воевали с «казаками», то есть с казахами.

Посланник императорского Рима при дворе Василия Ивановича — Герберштейн первым из европейцев упоминает о казахам.¹

Ориенталист Клапрот (Klaproth) полагал, что Икар-Мурань (район расселения казахов? — К. К.) — это есть река Енисей.²

В подтверждение своего мнения Клапрот ссылается на китайских историков времен Юаньской династии (1280—1367 гг.), которые указали, что страна казахов (Ki-li-ki-szu — читай Kirhis — киргиз. — К. К.) лежит в 10 000 ли на северо-запад от Пекина, длина ее составляет 1 400 ли, а ширина равняется почти половине длины...

Одним из распространенных восточных исторических источников, широко использованных в русской историографической литературе, является «Родословное древо тюрков» («Шеджере-и-тюрк») Абулгази-Багадур-хана. В его книге были приведены также весьма ценные материалы по истории тюркских народностей ранней эпохи. Этот труд в свое время пользовался большим вниманием исследователей и в Западной Европе, о чем свидетельствует французский перевод книги, осуществленный в 1726 году Веренном и изданный в Брюсселе под названием «Historie généalogue des Tartars, traduite du manuscrit tartare d'Abulgasi-Bayadur-Chan, et enrichie d'un grand nombre de remarques authentiques et très curieuses sur le véritable état present de l'Asie septentrionale, avec les cartes géographiques nécessaires».

«Родословное древо тюрков» в 1780 году вышло в свет и на немецком языке в переводе Д.-Г. Мессершмидта под названием: «Abulgasi Bagadur Chans Geschichtsbuch der Mungalisch-mogulischen Chanen, aus einer türkischen Handschrift Übersetzt von Dr. Messerschmid».

¹ Herberschtein. Rerum Moscoviticarum commentarii. Basel, 1571.

² Klaproth. Journal Asiat. an., 1823, Cdh. 7.

Русский перевод книги Абулгази-Багадур-хана был осуществлен Тредиаковским¹ (с французского текста), давшим следующее заглавие: «Родословная история о татарах, переведенная на французский язык с рукописи татарских книг, сочинения Абулгази-Багадур-хана, а с французского на российский в Академии наук»: том I и II (1770 г.)²

В русской литературе и науке в связи с возросшим интересом к казахам и другим народам Востока первоначально использовались отрывочные и скудные сведения, которые появлялись в трудах упомянутых выше западноевропейских путешественников, таких, как Дженкинсон, Герберштейн, Витзен, Иовия и др.

В рукописных хранилищах Ленинграда, в частности в архиве Академии наук СССР (ф. 149 и др.), имеются весьма ценные материалы о казахам (киргизам), например, в рукописях Аарона-Августа-Христиана Лерберга, из коих лишь часть была опубликована академиком Ф. И. Кругом в издании «*Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands von A.-C. Lehrberg*».

В архиве сохранились рукописи ученого-путешественника по Сибири доктора медицины Даниила-Готлиба Мессершмидта³, собиравшего с 1720 года по заданию Российской медицинской канцелярии сведения по географии, истории, этнографии, праву народов Сибири, в том числе и казахского народа.

Д.-Г. Мессершмидт собрал также образцы минералов, животных и растений Сибири и Казахстана.

¹ В связи с переводом поэтом Тредиаковским книги «Родословное древо тюрков» Абулгази-хана приводим ее в данной работе наряду с русскими источниками.

² «Родословное древо тюрков» в 1906 году вышло в Казани в переводе и с предисловием Г. С. Саблукова. В предисловии указывается, что существует определенная «потребность найти в сказаниях восточных историков пояснения темным местам русской истории в разные эпохи сближения нашего отечества с азиатскими народами», стр. 3.

³ В 1716 году правительством был заключен контракт с Д.-Г. Мессершмидтом о составлении подробного естественноисторического, этнографического и археологического описания Сибири. Но результаты семилетней поездки Мессершмидта (1720—1727 гг.) по Сибири остались необработанными (в рукописи). Лишь в 1888 году известный востоковед В. В. Радлов опубликовал некоторые извлечения из наследия Д.-Г. Мессершмидта.

Хотя в рукописях А.-Х. Лерберга, Д.-Г. Мессершмидта и других содержатся весьма интересные сведения о казахах и Казахстане, однако не все они проникли своевременно в печать. Часто случайно опубликовывалось не самое лучшее и ценное. И в ряде случаев, как указывает член-корреспондент АН СССР В. М. Жирмунский, ценнейшие материалы оставались в рукописи и попадали в печать много лет спустя (как, например, записи Г. Ф. Миллера, письма В. А. Перовского и др.).

Однако некоторые западноевропейские исследователи допускали серьезные ошибки, нередко преднамеренные искажения в освещении вопросов истории как России в целом, так и ее взаимоотношений с соседними народами. Так, в 1784 году в Париже врачом, членом многих иностранных академий Леклерком была издана «История естественная, нравственная, гражданская и политическая, древняя и нынешняя России».

Леклерк почти 10 лет пробыл в России, собирая материал для своей книги. Однако «ложь и клевета, с коими сочинитель злословит вообще Россию», «нелепость рассуждений, пустота доводов, безчисленные и грубые во всех родах ошибки» заставили отставного русского генерала Ивана Болтина написать двухтомное критическое обозрение труда Леклерка.¹

Критикуя Леклерка, И. Болтин пишет, что «название татар есть общее многим различным племенам... каковы есть киргисы, каракалпаки, хивинцы и др.». Он указывает на фактическую ошибку Леклерка и пишет, что Россия с каракалпаками и бухарцами не граничит, так как эти народы «живут... за киргисцами»². И. Болтин вопреки Леклерку считает, что «насильственное исправление прав (народов.— К. К.) опасно. Желаящему исправлять правы должно иметь великое познание человеческого сердца»³.

Далее И. Болтин указывает, что казахи издавна жили между реками Яик и Эмба и «хотя они и называются подданными России, и в поручительстве верности своя дают от себя аманатов, но податей не платят, служеб и повинностей никаких не отправляют, управляютс

¹ И. Болтин. Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, т. I, II. Спб., 1788, стр. 390.

² Там же. т. I, стр. 19.

³ Там же. стр. 34.

своими обычаями и начальниками... и деяниях никому отчету не дают...»

Об отношении России и казахов И. Болтин пишет: «Киргиз-кайсаки не быв никогда ожесточены противу России, не имели к ней и злобы».

Несмотря на полемическую направленность, труд Ивана Болтина содержит ряд весьма интересных данных по истории России в целом и Казахстана в частности. Однако следует отметить, что он сам допустил ряд неточностей в трактовке исторических событий. Так, И. Болтин неправильно утверждает, что к «шайке, предводимой Пугачевым», казахи якобы «не приставали и союзу и заговору с ним не делали»¹. Это, конечно, исторически неверно, так как казахи принимали активное участие в Крестьянской войне 1773—1775 годов.

Как видно, исторические сведения о казахах до 30-х годов XVIII века носили отрывочный и не систематизированный характер как в русских, так и в зарубежных источниках. Нередко сведения научного характера переплетались с легендой, а также фантазией авторов.

Известным интересом к казахскому народу, к его истории, этногенезу можно объяснить появление в русской науке, журналистике и литературе наряду с оригинальными произведениями и переводных трудов, в которых имеются сведения о казахах. Так, из памятников восточной литературы, переведенных на русский язык, следует отметить также «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» известного русского сиолога, монаха Иакинфа Бичурина², появившееся в печати в 1851 году.

В своем «предуведомлении» монах Иакинф пишет, что в течение «почти двадцати пяти лет... занимался собранием сведений о древних сношениях Китая с определенными народами». На основании тщательного изучения китайских источников русским сиологом было установлено, что Китай с древнейших времен был связан с теми народами, которые впоследствии или вошли в состав России или стали граничить с ней. Так, китайцы более чем за сто лет до христианского летоисчисления тесно

¹ И. Болтин. Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, т. 1, II, СПб., 1788, стр. 390.

² Иакинф Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. 1, 2, 3, СПб., 1851.

сблизились с тюркскими племенами, обитавшими на севере и западе Китая.

Иакинф утверждает, что «китайская история содержит в себе известия о народах, которые издавна обитали в смежности с Китаем с севера. Сии известия не подлежат сомнению, потому что извлечены из актов китайского правительства, современных события»¹. Русский ученый с иронией отмечает, что западноевропейские же историки пытались совместить греческие и китайские источники, при этом о последних «единогласно заключали, что китайцы по своему невежеству перепутали древнюю историю Средней Азии...»²

Иакинф, вступая в полемику с западными историками, пишет: «Читая китайскую историю в подлиннике, притом без предубеждения против азиатского невежества, ясно видишь, как современные очерки среднеазиатских государств, уцелевшие на скрижалях китайской истории³, оттеняют один народ от другого, указывают их местопребывание, нередко даже с определением расстояния одних мест от других».

Главное отличие греческих описаний от китайских источников состояло в том, что их авторы, по Иакинфу, «не все описываемое ими могли сами видеть, а если и видели что, то мимоходом. Вероятнее, что они много заимствовали от странствующих торговцев, которые обыкновенно дают новым для них народам и странам названия произвольные, или точные, но искаженные произношением; часто сообщают известия сбивчивые, неверные и передают народные басни за истину»⁴.

Иакинф подчеркивает, что «на всей полосе Средней Азии от Восточного океана на Западе до Каспийского моря искони обитали те же самые народы, которые и ныне населяют сию страну; вели тот же самый образ жизни, какой ведут потомки их по прошествии 2 000 лет, находились в тех же пределах, в которых последние и ныне живут, с небольшими изменениями в пространстве. Здесь важно заметить, что Китай, со времени откры-

¹ Иакинф Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. 1, 2, 3, стр. 2.

² Там же, стр. 4.

³ Китайцы в древности вырезывали буквы на бамбуковых таблицах (примеч. Иакинфа).

⁴ Там же, стр. 3.

тия монголов, тунгусов и тюрков, донныне всегда находился в политических связях с помянутыми народами, и всегда отличал один народ от другого»¹.

Иакинф считает, что вследствие войн и других обстоятельств народы легко смешивались. Азиатские государства делились на мелкие владения, которые, в свою очередь, то дробились, то снова сливались.

Труд Иакинфа, составленный по китайским источникам, содержит сведения о среднеазиатских народах почти за 10 веков человеческой истории: со II века до н. э. по IX век н. э. Иакинфом были использованы как исторические описания династий, так и летописи Китая.

Еще в 140 году до н. э. правитель Китая из династии Хань отправил в Хиву посла Чжан Кяня, «чтобы склонить хана (Хивы.— К. К.) к нападению на хуннов (гуннов.— К. К.) с тыла». Чжан Кянь возвратился на родину через 13 лет, доставив правительству первые сведения о народах, «обитавших от Китая и хуннов к западу до Каспийского моря».

У Чжан Кяня находим, пожалуй, самые первые письменные сведения о казахских землях. Чжан Кянь писал, что «от Давани на север лежит Кангюй... на северо-востоке — Усунь... От Юйтани на запад текут реки и впадают в Западное море. От Юйтани на восток реки текут на восток и впадают в Соляное озеро».

Чжань Кянь, по свидетельству Иакинфа, Западным морем называл Аральское, а Соляным — Каспийское.

В пояснении Иакинфа далее указано, что Чжан Кянь принял Коканд «точкою, от которой по сказаниям туземцев, показывал расстояние и месторасположение других владений», других народов. Так, указано, что «Усунь лежит почти в 2 000 ли от Давани на северо-востоке. Это кочевое владение коего жители переходят за скотом с места на место. В обыкновениях сходятся с хуннами. Усунь имеет несколько десятков тысяч войска, отважно-го в сражениях. Усунцы прежде были под зависимо-стью хуннов, но когда усилились, то собрали своих вассалов и отказались от поездок в Орду хуннов».

О другом мощном родоплеменном объединении казахов китайский посол сообщает следующее:

¹ Иакинф Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. 1, 2, 3, стр. 7.

«Кангюй лежит почти в 2 000 ли от Давани на северо-западе. Это кочевое же владение; в обыкновениях совершенно сходствуют с юечжыцами; имеют до 90 000 войска. Кангюй смежен с Даванием и по малосилию своему признает над собою на юге власть юечжысцев, на востоке власть хуннов».

Иакинф указывает, что владения Кангюй занимали степи от Сыр-Дарьи к северу, на которых «ныне кочуют Большая и Средняя Казачьи Орды». Иакинф считает, что «казахьи поколения, ныне известные в России под названием киргиз-кайсаков, недавно приняли народное название казак; потому что папские послы, бывшие в Шара-орде у хана Куюка в 1246 году, еще называли их кангитами». Как видно, сведения о казахах проникли и в исторические документы древнего Рима.

Посол китайского властелина Чжан Кянь прошел Даван (Коканд), Большой Юечжы (Хиву), Дахя (Бухару) и Кангюй (часть Большого и Среднего жузов).

Чжан Кянь, сообщая интересные материалы об этих странах, писал своему государю, что в Дахя он «видел... бамбуковые посохи из Цюн и холсты из Шу», которые доставляются местными купцами («ходят торговать») из Шеньду.

Впоследствии Чжан Кянь получил княжеский титул и стал военачальником. Однако во время войны с гуннами (122 г. до н. э.) он был лишен этого высокого звания. Но спустя несколько лет Чжан Кянь представил императору новый доклад с проектом о вступлении в союз с усуньским Гуньмо. Вот что писал Чжан Кянь:

«Усуньский владетель титулуется Гуньмо; отец сего Гуньмо имел небольшое владение на западных хуннских пределах. Хунны убили отца его на сражении, а Гуньмо, только что родившийся, брошен был в поле. Птицы склевывали насекомых с его тела; волчица приходила кормить своим молоком» ...Затем Шаньюн воспитал его, сделал предводителем войска. После смерти Шаньюна Гуньмо со своим народом отделился и отказался от поездок к хуннам. Попытки хуннов военной силой воздействовать на Гуньмо не имели успеха.

Чжан Кянь предлагал «богатыми подарками склонить Гуньмо» («кочевые обыкновенно падки на китайские вещи») переселиться на восток на бывшие земли Хуньшенкнязя и вступить в брачное родство с домом Хань... и

«склонить в наше подданство», чтобы еще более ослабить гуннов («отсечем правую руку хуннов»).

Вскоре Чжан Кянь был направлен с большим количеством скота (10 тысяч голов) и других подарков к усуньскому Гуньмо. Однако страх у усуней перед гуннами был велик, а о могуществе Китая достоверных данных не было, поэтому Гуньмо, приняв подарки, не дал решительного ответа на предложения китайцев.

После этого Чжан Кянь отправил своих помощников в качестве посланников в Даван, Кангюй, Большой Юечжы, Дахя и другие соседние владения.

Усуньский же Гуньмо вместе с Чжан Кянем отправил свое посольство в Китай (в подарок властелину Китая было направлено несколько десятков лошадей-аргымаков) с поручением «узнать великость» китайского двора.

Через год по возвращении на родину Чжан Кянь умер. Усуньский посланник возвратился домой и донес, что видел «многочисленность и богатство китайского народа». Так устанавливались связи Китая с соседними народами на северо-западе, в том числе и с племенами казахов.

Усуни (уйсуны.— К. К.) в течение почти семи веков владели землями по реке Или. Властелин Усуней жил в городе Чигу. Сами усуньцы-кочевники переходили «со скотом с места на место, смотря по приволью в траве и воде». Китайцы также отметили, что «в Усуни много лошадей и богатые люди имеют от четырех до пяти тысяч голов».

В древних китайских источниках периода династии Хань имеются указания и о военных столкновениях между Даваном и Китаем. При этом важно подчеркнуть, что китайцы вынуждены были идти на заключение мира, побоявшись военной помощи даванцам со стороны Кангюй.

В истории династии Тхан («Географический указатель») Иакинфа в повествовании о полководце Ван Фан-и говорится, что Ван Фан-и «в седьмой луне» расположился лагерем при реке Ы-хэ (Или) и дал на ней сражение («судов не было, река покрылась льдом»).

Бичурин в своей работе много внимания уделил усуньским племенам. Эти древние племена, о которых сообщают китайские источники, потом вошли в состав не только казахского, но и других среднеазиатских народов и даже народов Алтая.

Исторические условия присоединения Казахстана к России

Хан Тауке умер в 1718 году, поэтому переговоры казахов с Петром I прекратились. Однако в истории сохранились весьма важные сведения, свидетельствующие о глубоком интересе Петра I к русско-казахским взаимоотношениям. Так, в записях А. Тевкелева указано, что «по возвращении из Персидского похода... Петр Великий изволил иметь желание для всего отечества Российской империи полезное намерение в приведении издревле слышимых и в тогдaшнее время почти неизвестных обширных Киргиз-Кайсацких орд в Российское подданство...»¹ Русский царь, как пишет далее А. Тевкелев, «намерение имел с тем, буде оная орда в точное подданство не пожелает, то стараться... несмотря на великие издержки хотя бы до мелиона держать, но токмо чтоб только одним листом под протекцию Российской империи быть обязались».

Незадолго до своей смерти, в 1722 г. Петр I вновь обращал внимание А. Тевкелева на «потребность» России иметь протекцию над казахским народом, так как казахские степи, «токмо-де всем азиатским странам и землям... ключ и врата...». «чтоб только чрез их во всех Азиатских странах коммуникацию иметь и к Российской стороне полезные и способные меры взять».

Если проследить взаимоотношения России со Средней Азией и Казахстаном после смерти Петра I, то вплоть до воцарения Анны Ивановны намерение присоединить казахов к России было на втором плане внешней политики русской державы. Но правительством были приняты некоторые меры для того, чтобы продолжать торговлю с казахами. Однако ситуация, сложившаяся в казахской степи в результате частых опустошительных набегов джунгар, а также раздор внутри страны толкали казахов к необходимости добровольного принятия русского подданства.

Стремление казахов жить в мире и дружбе с русским народом особенно ярко проявилось в начале XVIII века. Так, русский посол Б. Брянецв, побывавший в 1718 году

¹ «Временник Московского общества истории и древностей Российских». М., 1852, кн. 13, отдел III, стр. 15.

в ауле хана Абулхаира, доносил: «Казачьего народа все люди говорят, что-де с людьми российского народа быть в миру всегда они желают»¹.

Однако стремлению народа жить в мире с Россией пытались противодействовать некоторые казахские феодалы. Об этом, в частности, свидетельствует Б. Бряцев: «Буде Хаип хан хочет ссоритца,—говорили ему казахи,—мы-де с людьми его царского величества ссоритца никогда не будем и Хаип хана в том не слушаем»². Но вопреки их воле, вопрос о присоединении Казахстана к Российской империи в начале XVIII века стоял особенно остро.

Дело в том, что в конце XVII и начале XVIII веков казахи подвергались нападению соседних государств: на кочевья Младшего жуза совершали разорительные набеги волжские калмыки; башкирские феодалы теснили казахов с обжитых районов северо-запада; реакционные бухарские и хивинские ханства пытались отторгнуть торгово-ремесленные центры, расположенные в долине Сыр-Дарьи. Но наиболее грозным противником являлась военно-феодальная Джунгария, которая часто совершала разорительные нашествия на казахские земли.

Весьма тяжелым было нашествие джунгар в 1723 году, когда агрессоры несли, как писал А. Левшин, «немиуемое разорение и гибель. Стада и табуны ежедневно уменьшались; меновая торговля прекратилась; нищета и страдания сделались всеобщими». Это время в истории казахского народа известно, как «годы великого бедствия» («актабан шубырынды» или «зар заман»).

В 1723 году джунгарский хунтайджи Цеван-Рабтан завоевал Туркестан, Ташкент и разрушил город Сайрам и покорил некоторые роды Большого и Среднего жузов.³ Народ, бедствуя от притеснения иноземных захватчиков, бежал в глубь страны. Казахи прозябали в бесплодных и не представлявших никаких удобств для кочевий местах. Свое горе о разлуке с родными краями, об утрате

¹ «Памятники сибирской истории XVIII в.». Книга II, Спб., 1885, № 41, стр. 152—159. Отписка Б. Бряцева сибирскому губернатору М. Гагарину, март — май 1718 г.

² Там же, стр. 149.

³ «История Казахской ССР», т. I, Алма-Ата, 1957, стр. 234.

близких, о тяжелой године иноземного гнета народ выражал в заунывных песнях, сохранившихся до наших дней. Такова песня «Елим-ай» («Родина моя»):

С хребта Кара-Тау караван идет,
Возле каждого каравана годовалый верблюжонок
вольно бредет.
Как горька и тяжела потеря родины и родных,
Ручьем из глаз льются слезы!
Что за время (заман) это? — Время тяжкое,
Время, в котором счастье нам изменило, богатство
улетело.
Вереницей плетется народ, а по его следам снег выюгой
крутится,
Хуже, чем в декабре, когда метель бушует.¹

Столь бедственное положение содействовало народному движению против захватчиков и постепенной консолидации сил народа перед опасностью векового порабощения.

Казахский народ поднялся на справедливую освободительную войну. В 1728 и 1729 годах объединенные ополчения казахов нанесли крупные поражения джунгарам в районах озер Чубар-Тенгиз и Балхаш. Была освобождена от джунгар значительная часть территорий Младшего и Среднего жузов. Но под пятой джунгарских поработителей оставалась большая часть территории Старшего жуза.

В самый разгар борьбы с джунгарами, в 1726 году хан Абулхайр отправил в Санкт-Петербург своего посла Койбагара Кобякова с письмом к русскому правительству, в котором содержалась просьба Младшего жуза «быть под протекцией» России.

Политика Абулхайра в отношении присоединения казахского народа к России была правильной. Обеспечить мир и спокойствие в стране, где, по существу, царила анархия, где народные стоны оглашали степь, можно было только через покровительство такой могущественной державы, какою уже в то время была Россия.

Стремления хана Абулхайра добиться «протекции» России объяснялись многими причинами, среди которых следует указать как на рост внутренней раздробленности в казахской степи, связанной со стремлением отдельных

¹ «История Казахской ССР», т. I, стр. 359. (Вольный перевод.)

султанов (Барак, Абулмамбет, Батыр) из личных интересов стать подданными Джунгарии или Хивы, так и на возможность новых нашествий калмыков, джунгар, хивинцев и др.

Абулхаир объяснял своему народу, что другого выхода нет и только принятие русского подданства объединит казахов и избавит их от нападений жестоких завоевателей — джунгар. Абулхаир был настойчив. Он вел твердую и последовательную политику сближения с Россией, так как ясно понимал не только политические и военные выгоды этого подданства, но положительные экономические последствия.

Заручившись согласием наиболее влиятельных султанов и родовых старейшин, летом 1730 года Абулхаир отправил новое посольство из надежных людей в сопровождении башкирского старшины Алдарбая к уфимскому воеводе Бутурлину с письмом, в котором было изложено желание казахского народа принять русское подданство. Посольство из Уфы было незамедлительно отправлено в Петербург, куда оно прибыло в начале 1731 года и было принято с радостью при дворе.

В ответ на вторичную просьбу Абулхаира 19 февраля 1731 года царица Анна Ивановна подписала жалованную грамоту о принятии Младшего жуза в подданство России.

В обратный путь вместе с казахскими послами был отправлен и переводчик коллегии иностранных дел мурза М. Тевкелев, на которого было возложено поручение привести к присяге «киргиз-кайсаков». Однако появление послов в ставке Абулхаира вызвало «великую ярость и гнев» старейшин, ориентировавшихся на Джунгарию. Благодаря выступлению влиятельного родоначальника Букенбая, изъявившего добровольное желание стать подданным России, возникла возможность принять присягу от старейшин, возглавлявших значительную часть Младшего жуза.

В конце 1731 года хан Среднего жуза Семеке (Шемьяка) также принял русское подданство. Однако большая часть Среднего жуза (северо-восточные районы), где правили Абулмамбет и Аблай, не признала русского подданства.

И только благодаря известным дипломатическим способностям Тевкелеву удалось успешно выполнить свою

миссию и принять присягу от Младшего и части Среднего жузов.

Экспедиция во главе с Тевкелевым была снабжена инструкцией царского правительства о сборе всесторонних сведений о новом крае. Для топографической съемки мест, занимаемых казахами, в состав экспедиции были включены офицеры-геодезисты. Царское правительство интересовалось не только образом жизни казахов, но и природными богатствами неизведанного края.

Участники экспедиции должны были разведать от самих же казахов, в каком состоянии находится земля их, имеются ли города, численность и род занятий населения и т. д.

Пользуясь благоприятным случаем, правительство хотело по мере возможности исследовать новую страну, о которой имелись только отрывочные сведения, сообщенные Витзенном, Дженкинсоном, Герберштейном и другими путешественниками-иностранцами.

В 1733 году Тевкелев выехал в Петербург с сыном казахского хана Ерали¹, который был послан Абулхаиром в знак покорности русскому правительству (в качестве аманата, то есть заложника) и для переговоров о постройке крепости в устье реки Ори.

В начале 1734 года русский посол Тевкелев с ханским сыном и с казахскими старшинами прибыл в Петербург, где Ерали в торжественной обстановке передал императрице Анне Ивановне желание казахского народа быть подданными России.

После публичной аудиенции у императрицы посланникам Абулхаира было позволено осмотреть город и его окрестности. Им были показаны не только достопримечательности Санкт-Петербурга, но и Российская Академия наук и Адмиралтейство.

В Петербурге безгранично радовались добровольному

¹ В составе посольства Ерали были Аралбай и Арасгельды (Рыскельды) — представители Большого жуза. Однако эти лица не были уполномочены ханом Большого жуза Юлбарсом (Жолбарысом.— К. К.) для ведения переговоров, а просто были включены в состав делегации ханым Абулхаиром, намеревавшимся использовать присутствие их для возвышения себя в глазах русского двора, а заодно и в трех казахских жузах.

Попытка хана Большого жуза Жолбарыса уже в 1738 году принять подданство России встретила сильное препятствие со стороны Галдан-Церена.

присоединению Младшей «орды», помня неосуществленные планы Петра I в отношении казахских степей.

Интерес к приехавшим казахским послам был очень велик, тем более, что от них самих можно было получить многие интересные сведения. Так, в «Санкт-Петербургских ведомостях» за 1734 год было напечатано следующее известие о прибытии казахского посольства: «Третьего дня были также недавно сюда прибывшие киргиз-кайсаки и башкирцы в императорской кунсткамере и всеобшетающиеся там редкие вещи с великим интересом смотрели».

Начало систематического изучения Казахстана в России. Экспедиция И. К. Кириллова по изучению Младшего жуза

Россия, в руках которой находилась судьба всего казахского народа, не могла удовлетвориться отрывочными сведениями иностранных путешественников и миссионеров. Ей нужно было детально изучить своих подданных, для чего, начиная с 1734 года, организуются специальные экспедиции, имеющие целью более близкое знакомство с казахской степью.

В 1734 году из Петербурга была направлена специальная экспедиция для окончательного укрепления русского влияния на обширный край, получившая потом название Оренбургской. Прямым поводом к снаряжению ее послужило заявление сына Абулхаира Ерали от имени своего отца о необходимости постройки города-крепости на реке Ори.

Экспедицию возглавил обер-секретарь сената Иван Кириллович Кириллов.

Советник И. К. Кириллов, собравший богатейшие материалы об Азии, был известен своими географическими работами. Кабинету министров им были представлены два проекта об управлении казахами и о необходимости построить город, о политических и финансовых выгодах, которые можно было бы извлечь от «киргизских» степей. Проекты были приняты, а их автор назначен исполнителем. В составе экспедиции И. К. Кириллова были инженеры, геодезисты, морские офицеры с мастеровыми и матросами, а также горные чиновники, артиллеристы,

историограф, ботаник, аптекарь, живописец, лекарь, студенты славяно-латинской школы и многие другие чиновники и регулярные войска.

На должность бухгалтера экспедиции поступил Петр Иванович Рычков, впоследствии автор «Истории Оренбургской» и «Топографии Оренбурга».

В главной инструкции И. К. Кириллову были перечислены следующие вопросы:

1. Построить город с крепостью при устье реки Ори;
2. Разослать грамоты императрицы Абулхаиру, Семеке (Шемяке), родоначальникам Большого жуза и каракалпакскому хану. Всех ханов и родовых правителей пригласить на принятие присяги, а от Большого и Среднего жузов потребовать присяги...;

3. Удерживать казахов в повиновении, смотря по обстоятельствам (милостями и подарками или строгостью и страхом);

4. Если Абулхаир и другие ханы и простые казахи захотят кочевать близ нового города (Оренбурга.— К. К.), то назначить им соответствующие места; если ханы пожелают иметь дома для приезда или жития — строить оные по их обычаю. Не отказывать в построении мечетей...;

5. Реку Яик назначить границею и смотреть, чтобы никто из «киргизов своевольно на правый берег не переходил»;

6. Для разбирательств тяжб учредить суд из русских чиновников и богатых («значительнейших») казахов;

7. По основании города (Оренбурга.— К. К.) и после договоренности с Абулхаиром при первом удобном случае отправить караван с товарами в Бухарию и, если можно, далее... В каждом караване, начиная с первого, отправлять геодезистов для осмотра и съемки мест (отыскивать по возможности руды и осмотреть места, где есть золото);

8. Стараться завести на Аральском море пристань и вооруженные суда;

9. Покупать у казахов лошадей для кавалерии;

10. Разрешалась свободная добыча и продажа всех минералов, кроме золота и серебра;

11. И. К. Кириллову было указано надзирать за башкирами и казахами и «если же те, или другие будут волноваться, то употреблять один народ против другого, сбе-

регая русское войско». Действительно, Абулхаир уже в 1737 году по указанию правительства участвовал в «усмирении» башкир¹, а его сын Нуралы — в погоне за калмыками (1771 г.).

В связи с политикой царизма натравливать («употреблять») один народ против другого, нельзя не указать и на следующие исторические события. В 1742—1743 годах между ханом Младшего жуза Абулхаиром и правителем Оренбургского края Неплюевым произошел известный инцидент на почве аманата², имевший серьезные последствия для русско-казахских взаимоотношений. Так, кочевники по наущению султана Дербешалия стали совершать набеги на русские линии. В 1744 году они ограбили русские караваны, а также задержали поручика Гладышева, направляющегося к каракалпакам.

Многие набеги казахов на русские пограничные линии были вызваны местью за жестокие «воинские поиски»³, когда казаки захватывали в плен неповинных людей, а также частыми нападениями из-за русских укрепленных линий башкир и калмыков.

¹ Участие Абулхаира в подавлении восстания в Башкирии объяснялось не только выполнением воли царской администрации, но и стремлением казахского хана воспользоваться создавшейся ситуацией и распространить свою власть и на башкирский народ. Как отмечает П. И. Рычков, в конце 1737 года Абулхаир в сопровождении казахских старейшин приехал в Башкирию «под видом того, аки бы оный народ от их замешания удержать и успокоить, в самом же вещи, как то после явно учинилось, искал сего, чтоб одного из детей своих в Башкирии ханом учинить, обнадеживая башкирский народ, что он один в состоянии всему башкирскому народу у ся и[мператорского] в[еличества] упросить всемилоштивейшее прощение, и за то обирал от них многие подарки». История Казахской ССР, т. I, стр. 258.

² В Оренбурге в качестве аманата (заложника) находился родной сын Абулхаира Ходжа Ахмед, которого хан просил обменять на своего побочного сына Чингиза. Однако губернатор И. И. Неплюев отказал в просьбе хану. Это вызвало резкое недовольство Абулхаира. Обострению отношений между казахским ханом и Оренбургским губернатором способствовали и некоторые другие действия царской администрации, направленные на ослабление политического влияния Абулхаира в казахских жузах. В частности, Неплюев отказал Абулхаиру в его просьбе задержать в Оренбурге группу старейшин Младшего и Среднего жузов, являвшихся противниками хана.

³ Необходимо отметить, что в 1779 году Екатерина II особым рескриптом на имя Оренбургского губернатора разрешила войскам преследовать казахов, захватывать их в плен и т. д. Таким образом, сама правительница разрешала воинские походы в казахские степи.

Отмеченные инциденты были использованы царским правительством для «наказания» казахов. В апреле 1744 года наместник хана волжских калмыков Дундук-Даш получил правительственную грамоту с предписанием собрать большую вооруженную силу и, получив в Астрахани порох и свинец, идти против казахов. Неплюев разрешал калмыкам взять всю добычу от ограблений казахов в свою пользу. Однако в связи с возникшей опасностью войны с джунгарами указанный проект не был доведен до конца, но теперь Неплюев стал «склонять» уже казахов «к набегам на зюнгаров» (здесь речь шла о волжских калмыках.— К. К.).

Уже в 1771 году Неплюев предупредил Нуралы-хана о якобы готовящемся нападении калмыков и «именем высшего правительства предоставил ему право сражаться с ними и пользоваться от них всею возможною добычею...»

Наконец, в инструкции И. К. Кириллову рекомендовалось иметь «верные и скорые» сведения о пограничных с Россией народах, особенно о джунгарах. Предлагалось изыскать средства для прекращения набегов джунгар на казахов и наоборот. Следует заметить, что бежавший из Башкирии руководитель восстания башкир Карасакал нашел пристанище в казахских степях. Впоследствии он спровоцировал нападение казахов на джунгар. В ответ на это в казахские степи вторглось 15-тысячное войско джунгар, которое, преследуя казахов и разоряя аулы, дошло до Оренбурга.

Комендант Оренбурга указал джунгарам на нарушение ими договора о ненападении между Россией и Джунгарией и о необходимости решать вопросы, связанные с набегам казахов, через русское правительство.

По прибытии в казахскую степь Кириллов вскоре убедился в том, что предположения, которые так легко составляются в кабинетах за тысячи верст от объекта исследования, трудно осуществлять на деле. Хотя русской экспедиции и удалось основать в 1735 году город Оренбург, но вместо расширения торговли с Казахстаном и Средней Азией и поисков полезных руд для обогащения Российского государства пришлось вести борьбу с башкирами, среди которых происходило волнение по поводу постройки русской крепости.

В 50-е годы XVIII века из-за преследования царской

администрации много башкир скрылось в казахских степях. Неплюев потребовал от казахских правителей выдать ему беглецов-мужчин, оставив женщин и детей у себя. Это вызвало справедливый гнев башкирского народа. Межнациональная вражда разгорелась с новой силой. Толпы башкир при попустительстве пограничных властей («Неплюев... тайным образом велел начальникам крепостей и кордонов не замечать» (?!) самовольных переходов из Башкирии в казахские степи...) устремились в казахские аулы, грабя, разоряя их и убивая, увозя женщин и детей...

Такова была политика царизма в отношении «инородческих» национальностей. Взаимные истребления народов продолжались до тех пор, «пока Неплюев нашел средства (?) оное прекратить»,— писал впоследствии А. И. Левшин¹.

И. К. Кириллов был не только крупным администратором петровской эпохи, но и известным автором исторических «сочинений».

В первом опыте статистико-географических описаний России, составленных И. К. Кирилловым («Цветущее состояние Всероссийского государства», 1727 г.), были подведены некоторые общие итоги развития промышленности, торговли и различных учреждений в период царствования Петра I (книга была написана через два года после смерти Петра Великого). И. К. Кириллов намеревался издать трехтомный «Атлас Всероссийской империи». К сожалению, свет увидел только I том, вышедший в 1732 году.

Воздавая должное заслугам И. К. Кириллова в области географических работ и административных мероприятий в Казахстане, следует отметить, что он был одним из кровавых карателей башкирского народа, восставшего в 30-х годах XVIII века против колониальной политики царизма в Башкирии. Это восстание было жестоко подавлено под руководством Кириллова.²

¹ Хотя Левшин и считает, что такая политика и ее «последствия дают повод обвинять правительство русское в жестокости», однако автор пытается оправдать ее необходимостью спасения «вверенного... края». А. И. Левшин. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, т. I, М., 1832, стр. 217.

² См. Н. В. Устюгов. Башкирское восстание 1737—1739 гг. М.—Л., 1950; С. И. Руденко. Башкиры. Л., 1955.

В. Н. Татищев и его «История Российская...»

После смерти И. К. Кириллова в 1737 году его место занял Василий Никитич Татищев (1686—1750 гг.). Он продолжал сооружение города Оренбурга. При В. Н. Татищеве (в 1738 г.) хан Абулхаир дал обещание русскому правительству покровительствовать и защищать русские караваны при переходе их через казахские степи.

В. Н. Татищев был известным публицистом, администратором и историком. Он являлся представителем передового дворянства. Татищев в своей «Истории Российской...»¹ дал положительную оценку деятельности Петра I. Своим трудом В. Н. Татищев хотел «воздаты должное» деятельности Петра I.

При составлении труда В. Н. Татищев пользовался не только русскими летописями, но и источниками на арабском, турецком, персидском, татарском, калмыцком, греческом, латинском и других языках. Сам автор в подлиннике читал книги на немецком и польском языках. Было использовано около 1 000 различных литературных источников, в том числе работы Нестора, Геродота, Страбона, Абулгази-хана, Птолемея и др.

При этом В. Н. Татищев критически относился к работам иностранных авторов. В частности, он, объясняя причины «разности зпаний (званий.— К. К.) народов»², пишет, что искажения имен народов зависело от ряда обстоятельств: «от недовольного знания, частью от неосторожности писателей учинялось» (вместо Чингиз писали Зингис, Чегодай — Заготай и др.), «не меньше же могли переводчики и переписчики испортить» («особливо Страленберг много лет в Руси быв, с татарами частое обхождение имел, но слова русские и татарские неправильно писал...»); «некоторые же народы, переходя для мест, сами себе имена перменяли и тем в истории темноту нанесли...»³.

Изучая труды Птолемея, В. Н. Татищев отметил, что

¹ В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен, неуспынными трудами через тридцать лет собранная и описанная... ч. I, II, III, IV, Спб., 1768.

² Там же, стр. 75.

³ Там же.

он не указал Аральского моря и текущих «в оное великие реки Аму, Кувакан и Сыр»¹.

В связи с этим В. Н. Татишев утверждает, что древнегреческие и римские исследователи путали названия и местоположения многих рек Казахстана. Так, Яксартом называлась река Эмба (Джамба), под которой, однако, подразумевали «Аму, текущую в Арал». Но Геродот и Страбон Аму именовали Араксес...² и т. д.

Все это вынудило В. Н. Татишева приступить к изучению некоторых районов Казахстана. Он «посылал описывать» берега около Яицкого залива «от мыса Тюленья или Тюк-Карагани, называемы Мангишлах... до Ембы и от Астрахани до оной же морем и землею...»³.

В. Н. Татишевым приведены отдельные сведения из книги Константина Порфиrogenита (изданной в Санкт-Петербурге в 1744 году). Император Константин, владения которого простирались по Дунаю, Днепру, Понте, Кавказу, Волге и далее по самый Яик, написал для своего наследника историю своего государства в виде наставления (948 г.). Император ясно пишет, что «выше Казахии находятся кавказские горы...» И далее В. Н. Татишев указывает, что «сие есть всех древнейшее казацкого народа поселения упомянутые».

В главе 18 (часть II) автор отметил, что «европейские писатели... всю восточно-западную Азию Великая Татария именуют...», хотя сами народы «оного не употребляют». Автор ссылается на свидетельство «любомудрого асессора Оренбургского... Рычкова», который по требованию В. Н. Татишева выяснял этот вопрос с «ученым ахуном бухаром» («епископом магометанским»).

В. Н. Татишев указывает, что «сами киргиз-кайсаки... от неведения обще татарами именуются», хотя имя татар «весьма мало знаемо» им.

Интересуясь историей казахов и народов Средней Азии, В. Н. Татишев в бытность свою в Оренбурге просил бухарцев, хивинцев и других, чтобы они «старались старинные истории, на каком бы языке ни были, не опасаясь цены, купить и привести». Так, о городе Туркестане

¹ В. Н. Татишев. История Российская с самых древнейших времен, неуспынными трудами через тридцать лет собранная и описанная... Спб., ч. I, II, III, IV, 1768, стр. 82.

² Там же, стр. 171.

³ Там же, ч. I, стр. 5.

В. Н. Татищев получил от бухарского ахуна следующие данные:

Город построен «внучатами Тюрка, сына Афета, от которого и звание получил».

«По персидской истории сей град построен от Джемшит шаха», который соорудил крепость для своих воинов.

В. Н. Татищев сообщает, что «близ Туркестана гроб великого их святого Ходжи Ахмета не малого каменного здания; о сем (то есть об Ахмете.— К. К.) пространная басня (!) чудес показана...»¹

Речь идет о мечети-мавзолее, сооруженном по велению Тимура в конце XIV — начале XV века в Туркестане и названном именем Ходжа Ахмета Ясави (дата рождения неизвестна — умер в 1166 г.). Ясави был не только известным фанатиком-проповедником ислама XI—XII веков, но и поэтом. В его книге «Диван-и-Хикмет» («Книга о премудрости») читатель может обнаружить наряду с проповедью аскетизма и религиозного смирения многие материалы по истории, этнографии и т. д. различных племен народов Средней Азии.

О казахах и киргизах В. Н. Татищев также сообщает некоторые исторические сведения: «Алатай киргизы, народ кочевой и сильный за Ташкентом, от обитания большой Казахской орды в 5 и 6 днях, обитают около градов Ходжанта, Наимачина и Мадшалана, в горах каменных и малопроездимых, кои Алатау зовутся»².

По В. Н. Татищеву, «киргиз-кайсаки за Яком обитают под разными званиями». Казахи, живущие в районе Аральского моря, имеют «особного хана и в области их сказывают золотую руду и слюду, токмо достоверности не получено. Они сеют жита, и имеют скота довольство».

В. Н. Татищев считает, что «Кипчак род знатный Кайсак, и обитают с ними, но не мешался. Оных почитают до 9 000 войска собрать могут. Сего рода, яко и табын находится немало в Крыму, в Нагаях и Башкирии»³.

Описывая восточных соседей России, В. Н. Татищев пишет, что «киргиз-казаки, народ многолюднейший из всех сих» и «обитают от Яика до Аральского моря, иногда

¹ В. Н. Татищев. История Российская... стр. 282.

² Там же, стр. 293.

³ Там же, стр. 286.

и за оное к югу до Каспийского моря, некогда проходят к северу до гор Китык, ипогда за оные к Сибири до реки Ишим набеги чинят».

Он отметил, что казахи делятся на три части («сотни»), каждая из которых имеет своего хана. Казахские земли граничат с народами, населяющими Туркмению, Хиву, Кара-Калпакию и «Зюнгорию» (то есть Джунгарию). В. Н. Татищев указывает, что казахи Младшей орды могут собрать «от 40 до 50 000 войска». Автор приводит родовое деление казахских жузов («в Меньшей — Алчин, Джатыр...», «в Средней — четыре, яко Найман, Аргин, Увак-Гирейцы и Кипчак»), «сии роды паки на многие поколения разделяются»¹.

Большая орда, по В. Н. Татищеву, «обитает... по рекам Чирчик, Арыт (Арысь.— К. К.) и Каляса около Туркестана...» Эта орда «почитается за подданных Зюнгорских, войска их не собирается более 10 000».

В. Н. Татищев, как и другие русские путешественники и историки XVIII века, обратил внимание на обычаи, нравы и обряды этих народов. Он описал, в частности, редкие случаи развода (женщина-казашка потребовала развода от мужа, которому за разбой «носа немного обреза...»)²; обряды свадьбы; многоженство, калым, обычай давать имена младенцам посторонними (нередко приезжие русские в знак дружбы и уважения малышам чеченников давали русские имена).

Весьма критически он оценивал географические работы России не только своих соотечественников («О русской географии древней я никоего известия не нахожу, где бы это порядочно показано было», но и зарубежных авторов («в иностранных всех... о России... нет ни единой, чтоб хотя половиною истинной подобилась: более имена перепорчены, описания неправильны, нужное пропущено, на место того неизвестное внесено...»)³

Эти недостатки географических работ тех времен были известны Петру I, который приказал перевести на русский язык несколько географических работ. При этом главы о России из этих работ по указанию царя были выкинуты и написаны заново русскими авторами. Последние были вынуждены «от всех градов обстоятель-

¹ В. Н. Татищев. История Российская... стр. 287.

² Там же, стр. 582.

³ Там же, стр. 502.

ные описания»¹ получить для составления географии России.

В. Н. Татищев считал, что картографический труд «Большой Чертеж...» содержит немало явных погрешностей и пророчек... однакож она как для географии русской весьма нужна и полезна, для этого я оную изыскал, пополнил и роспись алфавитную положил»².

Из предшествующих картографических работ В. Н. Татищев указал на ландкарту России, составленную при Борисе Годунове («с довольным искусством»), в которой было показано Синее (Аральское) море, расположенное на территории Казахстана.

В. Н. Татищеву в период его пребывания в военной команде Оренбургской экспедиции было велено, «собрав геодезистов», приступить «к сочинению русской генеральной ландкарты».

Деятельность В. Н. Татищева была высоко оценена великим русским поэтом А. С. Пушкиным, который в своей статье «О Татищеве»³ дает довольно полный обзор биографии видного русского ученого и государственного деятеля XVIII века. В частности, А. С. Пушкин указывает, что в начале 1737 года В. Н. Татищеву были «поручены все дела Оренбургской экспедиции». В январе 1738 года он отправился в Самару, откуда предполагалось начать военные действия против «непокорных башкирцев».

Далее А. С. Пушкин пишет, что В. Н. Татищев «выбрал место для перевода Оренбургской крепости, помещенной на весьма неудобном месте». Отмечается, что в это время «киргизский хан Нибирс (?)» прибыл в русский лагерь» и новый начальник Оренбургского края «принял сего владельца с почестью: он присягнул России в верности подданства». В. Н. Татищев использовал этот случай для расширения торговых связей с казахскими жузами: он отправил караван в Ташкент и «послал вместе с оным двух офицеров для географических наблюдений».

Однако караван не достиг цели: он благополучно миновал земли Младшего и Среднего жузов, но был «раз-

¹ В. Н. Татищев. История Российская... стр. 503.

² Там же, стр. 506.

³ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., М., 1947, т. 5, стр. 605—610.

бит», как пишет А. С. Пушкин, «при Большой» орде. В этот же период В. Н. Татищев «установил... оренбургскую меновую торговлю и собрал первую пошлину с торгов и акциз с продажи питей»¹. В последующем новый начальник степного края принялся «за устройство крепостей» и с этой целью «он обозрел весь Оренбургский край». В. Н. Татищев руководил борьбой против волжских калмыков и башкир, временами оказывавших «неповиновение», отгонявших табуны от новопостроенных крепостей и грабивших купеческие караваны.

В 1741 году В. Н. Татищев был назначен в Астрахань губернатором. А. С. Пушкин приводит мнение доктора Терха, сопровождавшего князя М. М. Голицына в его поездке в Персию, о В. Н. Татищеве: «Октября 27, 1744 г. прибыли мы в Астрахань. Губернатором был там известный ученый Василий Никитич Татищев, который пред сим образовал новую Оренбургскую губернию. Он говорил по-немецки, имел большую библиотеку отличнейших книг и был в философии, математике и особенно в истории весьма сведущ. Он написал Российскую историю, которая, по кончине его досталась кабинет-министру барону Ивану Черкасову». Черкасов передал ее Ломоносову.

Характеризуя В. Н. Татищева, А. С. Пушкин подчеркивал, что он «жил совершенным философом и имел особенный образ мыслей». Несмотря на слабое здоровье, он был «дейтельным и решительным в делах». По А. С. Пушкину: «Татищев решился первый привести в систему разнородные повествования о России». Он занимался изучением («разбором») «древних законов русских и объяснял основательными примечаниями Русскую Правду и Судебник царя Ивана Васильевича с дополнительными к нему указами»².

Таким образом, А. С. Пушкин характеризует В. Н. Татищева как крупного государственного деятеля, ученого, патриота, борového с немецким влиянием (сильный гнев Бирона вызвали предложения В. Н. Татищева «переменишь те немецкие названия, коими определяются степени горных чинов») и за развитие русской науки.

¹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 607—608.

² Там же, стр. 609.

О маршруте экспедиции офицера К. Миллера через казахские степи

Можно считать, что экспедиции Кириллова, затем Татищева и других положили начало постепенному изучению, обследованию и описанию Казахстана. Таким образом, русские люди начинают проникать в глубь казахских степей. Одним из первых русских, пересекших степь от Оренбурга до Туркестана, был офицер К. Миллер.

На последних страницах книжки Д. Гладышева и Муравина «Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 годах» помещена статья «О карте миллерова маршрута от Орска до Зюнгарских владений и обратно», изданная под редакцией действительного члена Русского географического общества Я. В. Ханыкова¹.

О поездке офицера русской армии К. Миллера имеется также упоминание в «Истории Оренбургской» П. И. Рычкова.

Майор К. Миллер (кроме чина о нем в литературе пока ничего не известно) в 1738 году возглавлял русский торговый караван, державший путь в Ташкент. Для описания тракта и проведения географических исследований вместе с ним был послан подпоручик Алексей Кушелев. Однако караван по пути в Ташкент был ограблен, люди уведены в плен, за исключением К. Миллера, который спасся благодаря покровительству хана Среднего жуза Джанибека. Подробное описание пути, составленное А. Кушелевым, погибло при разгроме каравана. Все же К. Миллеру и бывшим с ним людям удалось узнать расстояние между Оренбургом и Туркестаном, а также собрать некоторые сведения о Туркестане и Ташкенте.

Из описания, составленного К. Миллером и использованного П. И. Рычковым, видно, что русские достаточно всесторонне и глубоко стали заниматься изучением нового края.

Если по описаниям казахского края у предшественников К. Миллера имелись лишь отрывочные данные, то приведенные им материалы богаты деталями, что свидетельствует об очевидности сообщаемых фактов.

¹ Д. Гладышев, Муравин. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 годах. Спб., 1851, стр. 83—85.

В период пребывания в Оренбургском крае К. Миллер был вторично послан тогдашним оренбургским начальником Неплюевым к властителю «Зюнгари» Галдан-Церену для объявления противозаконности стремлений последнего напасть на «киргиз-кайсаков», подданных русской державы. К сожалению, об этой последней поездке майора Миллера не сохранилось более или менее основательных литературных материалов.

Я. Ханыков пишет, что в одной из приобретенных им рукописей найден документ, который в нашей литературе является единственным свидетельством о странах, лежащих к востоку от Арала (вероятно, Аральского моря.— К. К.). В частности, именно якобы Миллер дал достоверное известие о странах, расположенных к востоку от Арала¹.

Экспедиция Д. Гладышева и Муравина в казахские степи

В 1739 году вслед за первой экспедицией, возглавляемой майором Миллером, проникшей достаточно глубоко в казахскую степь, была направлена вторая экспедиция под начальством поручика Гладышева и геодезиста Муравина. Поводом для организации ее послужила новая просьба хана Младшего жуза Абулхайра построить город на берегу реки Сыр-Дарьи. Экспедиции было приказано осмотреть местность и описать ее. Это указание было выполнено Гладышевым и Муравиным. Но, к сожалению, никаких биографических данных об авторах не сохранилось. Их путевые журналы не были известны до 1850 года², когда действительным членом географического общества Я. Ханыковым были опубликованы путевые записи русских исследователей под названием «Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 годах Гладышевым и Муравиным»³.

Некоторые материалы, собранные Гладышевым и Муравиным, как и сведения майора Миллера, были исполь-

¹ См. «Поездка из Орска в Хиву...». Спб., 1851, стр. 85.

² См. «Географические известия». Октябрь — декабрь, 1850, стр. 519. Как сообщил Я. Ханыков, рукописи Гладышева и Муравина хранятся в Оренбургском архиве.

³ «Поездка из Орска в Хиву...» в 1851 году издается Я. Ханыковым отдельной книжкой.

зованы П. И. Рычковым в его «Истории Оренбургской», опубликованной в 1759 году в журнале «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие», а также в его же «Топографии Оренбургской», вышедшей в этом же году.

Гладышев сообщает, что на пути от Оренбурга до кочевья Абулхаир-хана в районе Аральского моря экспедиция подверглась ограблению. Несколько человек из ее состава было взято в плен, а Гладышева и его спутников казахи отпустили, якобы говоря, «что в подданстве-де обретается один Абулхаир-хан, чего и сына своего в Россию отдал, и за то подарки получает, а мы-де не в подданстве»¹.

С ханом Абулхаиром Гладышев встретился в его аральских владениях. Затем русское посольство отправилось вместе с Абулхаиром к персидскому шаху Надиру, чтобы предупредить повелителя Ирана о желании казахского хана обратить Хиву в русское подданство. Шах задумал поймать Абулхаира в ловушку и с этой целью обещал дать ему Хиву. Но Абулхаир, разгадав замысел шаха, отправился с русским посольством в район Аральского моря и здесь в торжественной обстановке возвел в ханское достоинство своего сына Нуралы.

Таково краткое содержание дневниковой записи Гладышева, состоящей из тридцати семи пунктов. Двенадцать пунктов, касающиеся истории «киргиз-кайсацких» дел, были намеренно опущены (как пишет Я. Ханыков), так как издатель этой книги преимущественно интересовался описанием Хивы.

Второй русский посол — геодезист Муравин более подробно описал образ жизни и одежду казахов, озера, реки, леса и горы, которыми была богата интересующая Россию страна. Муравину удалось установить существование рек, впадающих в Аральское море, о которых ничего не сказано у английских путешественников Томсона и Гога, прибывших в казахскую степь почти одновременно с Муравиным. Муравин сообщает, что русские купцы проникли в среднеазиатские степи через Астрахань.

¹ «Географические известия». Октябрь — декабрь, 1850, стр. 526.

ОПИСАНИЕ СИБИРСКАГО ЦАРСТВА

и всѣхъ
ПРОИЗВЕДШИХЪ ВЪ НЕМЪ ДѢЛЪ,

ОТЪ НАЧАЛА

и особливо ОТЪ ПОЯВЛЕНІЯ ЕГО

РОССІЙСКОЙ ДЕРЖАВѢ

ПО СІЯ ВРЕМЕНА

издана

ГЕРАЛДОМЪ ОРИЕНТИКОМЪ МИЛЛЕРОМЪ

Императорскій и Профессоръ Ученыхъ Занятій

Академіи Наукъ и Свирскіе

Александровскаго Чина

КНИГА ПЕРВАЯ

ВЪ САНКТ-ПЕТЕРБУРГѢ

при Императорской Академіи Наукъ 1750. года.

Титульный лист «Описания Сибирского
царства...» Г. Ф. Миллера.

Г. Ф. Миллер о казахах и их землях

Крупнейшим исследователем Сибири был профессор Г. Ф. Миллер, который вместе с тем дал и много ценных материалов по истории казахского народа.

Десятилетнее (1733—1743 гг.) пребывание в Сибири обогатило Г. Ф. Миллера массою ценных сведений по этнографии и археологии. Плодом его поездки является капитальный труд «Описание Сибирского царства», вышедший в Санкт-Петербурге в 1750 году. Второй том увидел свет лишь в отрывках, напечатанных в сборнике «Sammlung russische Geschichte» и в журнале «Ежеме-

сячные сочинения к пользе и увеселению служащие» в 1755—1764 годах. После «Примечаний к ведомостям» этот журнал был наиболее популярным научно-литературным изданием XVIII века.

Так как профессор Миллер работу по обобщению и публикации материалов путешествия вел очень медленно, то продолжение «Описания Сибирского царства» было поручено академику И. Э. Фишеру, который это поручение и выполнил. Однако «*Sibirische Geschichte*»¹ И. Э. Фишера не является продолжением работы Г. Ф. Миллера, а представляет собой сокращенное издание всей работы последнего.

Г. Ф. Миллер, изучая историю Сибири, не ограничивался русскими источниками. Историю Сибири он вообще не мыслил вне связи с историей Казахстана и Средней Азии. Для своей работы он использовал источники и на языках азиатских народов. «История соседственных азиатских народов,— писал ученый,— и состояние их земель, сколько обстоятельства позволяют, есть должность Российского историко-писателя, потому что в нашей части севера еще мало о том известно»².

Видный советский ученый С. В. Бахрушин (1937 г.) дал работе Г. Ф. Миллера следующую оценку: «Но самой замечательной стороной «Истории Сибири» Миллера является последовательное стремление автора научным путем разрешить этногенетические вопросы...

На место фантастической генеалогии народов, господствовавшей в течение всего XVIII века в ученой литературе... Миллер кладет в основу классификации народов научный принцип языкового сходства. Так, отличает он енисейских киргизов от живущих на бухарской границе от Яика реки к востоку киргиз-кайсаков»³.

Придавая огромное значение изучению «киргиз-кайсацкого» края, только что присоединенного к России, Г. Ф. Миллер, будучи редактором «Ежемесячного сочинения...», старался привлечь к сотрудничеству в этом журнале П. И. Рычкова, известного исследователя Оренбургского края.

¹ И. Э. Фишер. *Sibirische Geschichte*. Спб., 1774.

² Г. Ф. Миллер. Описание Сибирского царства. Спб., 1750, Предисловие, стр. 3.

³ С. В. Бахрушин. Г. Ф. Миллер, как историк Сибири. «История Сибири», М.—Л., 1937, стр. 31.

На страницах своего журнала Г. Ф. Миллер напечатал «похвальную речь» П. И. Рычкову.

В 1755 году в «Ежемесячных сочинениях» была помещена статья П. И. Рычкова под заглавием «Переписка между двумя приятелями о коммерции»¹. Так между двумя исследователями установились дружеские отношения.

Впоследствии Г. Ф. Миллер принял активное участие в выдвижении и избрании П. И. Рычкова членом-корреспондентом Российской Академии наук. До конца жизни Г. Ф. Миллер оставался другом не только П. И. Рычкова, но и его сына Н. П. Рычкова — исследователя Младшего «киргиз-кайсацкого» жуза. В свою очередь, П. И. Рычков высоко ценил труд Г. Ф. Миллера «Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена», изданный Российской Академией наук в 1750 году. Непосредственной причиной выхода в свет этой книги Г. Ф. Миллера явилось указание президента Российской Академии наук графа К. Г. Разумовского о необходимости приведения в порядок материалов Камчатской экспедиции и издания подробного описания Сибири на русском языке. Как известно, труды Российской Академии вообще издавались на латинском языке. К. Г. Разумовский предложил профессорам Г. Ф. Миллеру, И. Э. Фишеру и С. П. Крашенинникову, а также адъюнкту Штеллеру подготовить и издать труды академии на русском языке.

Первоначально книга Г. Ф. Миллера «Описание Сибирского царства...» была издана на немецком языке. Затем в академии книга была переведена на русский язык. Предисловие к русскому изданию, по-видимому, написал сам автор.

При составлении «Описания Сибирского царства...» Г. Ф. Миллер пользовался многочисленными литературными источниками, среди которых следует указать не только материалы Сибирского архива, но Сибирские и Строгановские летописи.

Он критически использовал татарские, греческие, римские и другие литературные источники. Так, описывая жизнь и быт татар («первый и главнейший» народ Сиби-

¹ «Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова». Под ред. П. Пекарского, Спб., 1867, стр. 35.

ри), Г. Ф. Миллер делает весьма многочисленные и разнообразные ссылки на книги Абулгази Баядур (Багадур)-хана, Марко Поло, Страленберга, Н. Витсена, иезуитов Мартиния, Суспета и др.

Работа Г. Ф. Миллера состоит из отдельных параграфов. Первое упоминание о казахах («киргизах») встречается на странице 13 в параграфе 16. Здесь указано (со ссылкой на Абулгази-хана), что «киргизцы» прежде в Сибири по реке Икрать-Мурань жили. Автором перечислены восемь рек, по берегам которых якобы жили казахи в Сибири. Эти реки впадали в Икрать-Мурань.

Как пишет Г. Ф. Миллер, Абулгази-Багадур-хан реку Икрать-Мурань отождествляет с Енисеем, а Страленберг — с Аргунью. Сам Миллер путем лингвистических сопоставлений приходит к предположению о тождестве реки Икрать-Мурань с Амуром.

«Киргизцы» жили в междуречье Енисея и Селенги. По Абулгази-Багадур-хану, недалеко от устья Икрать-Мурань, впадающей в океан, стоял «великий город киргизцев» под названием Алакцинь («Пестрый», как пишет Миллер). Жители этого легендарного города имели только пегих, пестрых лошадей, откуда и собственно произошло название города. Вблизи Алакциня находились богатейшие серебряные рудники, поэтому население пользовалось только серебряной посудой. В связи с этими данными следует отметить, что сам Миллер, приводя материалы восточного историка Абулгази, справедливо заметил: «В древних географических и путешественных описаниях об отдельных землях обыкновенно находится много неправды»¹. И поэтому описание «великого города Алакцинь» представляется неправдоподобным, тем более, что оно основано на словесных сведениях «узбекских бухарцев»², то есть узбекских купцов.

Г. Ф. Миллер отмечает, что в период завоевательных походов Чингис-хана «киргизский» хан Урус-Инала охотно стал его подданным, подарив в знак покорности птицу шунгар (правильнее сунхар. — К. К.), то есть кречета.

После смерти Чингис-хана «киргизская» земля досталась в наследство меньшему сыну хана Толаю. А после

¹ Г. Ф. Миллер. Описание Сибирского царства... Спб., 1750, § 21, стр. 17.

² Там же, стр. 13.

гибели последнего — его жене, которая якобы снарядила отряд в тысячу человек для поисков города Алакциня. Из этого отряда на родину вернулось не более 300 человек, так как остальные погибли из-за «нездорового воздуха» города Алакциня. Миллер, основываясь на этих данных Абулгази, считает, что в Сибири (в районе Амура или Енисея) нет мест с «нездоровым воздухом» (по-видимому, речь шла о малярии.— К. К.) и поэтому вообще трудно установить, когда «киргизцы» пришли в верховья Енисея...

Г. Ф. Миллера, естественно, интересовало расселение казахов по Иртышу, Тоболу, Ишиму и т. д. Автор по этому вопросу сообщает, что когда Чингис-хан покорил «киргизцев», то царевич «казачьей орды» Тайбуга (сын Мамык-хана) просил во владение места по рекам Иртыш, Тобол, Нура и Ишим. Чингис-хан якобы удовлетворил просьбу Тайбуги, который эти земли оставил в наследство своим потомкам. Последние владели до впадения их в зависимость от Казанского ханства.¹

Г. Ф. Миллер описал одно из ранних взаимоотношений «киргизцев», населявших окрестности Томска, с Россией. В 1606 году «князь» кочевников Номча отправил в Томск свою жену с прошением о принятии в российское подданство. Однако томские воеводы отняли у «ханши» собольи шубы, что кровно обидело Номчу.

Номча пошел «огнем и мечом», на чулымских татар, подданных России. И в последующие годы «киргизцы» уклонялись от подданства России, хотя в 1616 году они снова были «приведены в российское подданство»².

Заметим, что труд Г. Ф. Миллера не лишен серьезных ошибок и недостатков, вызванных не только мировоззрением автора, но и общим состоянием уровня науки того периода. Будучи сыном своей эпохи, он отдает определенную дань выдумкам «о чудесах». Так, автор «Описания Сибирского царства...» самым серьезным образом утверждает, что утонувший в водах Иртыша бывший когда-то в глазах правительства «разбойным атаманом» казак Ермак и мертвый продолжал творить «чудеса», «исцелял» больных, «помогал» охотникам и т. д.³

¹ Г. Ф. Миллер. Описание Сибирского царства... § 56, стр. 13.

² Там же, стр. 406.

³ Там же, стр. 193.

Тем не менее книга Г. Ф. Миллера содержит богатейшие данные о далеком прошлом татар, ойрогов, бурятов, монголов, якутов, казахов, киргизов и др.

Труд Г. Ф. Миллера является ценным пособием в изучении истории казахского народа, хотя многие положения автора давно устарели. «Описания Сибирского царства...» было издано на немецком языке. Таким образом, материалы о восточных народах России, в том числе и о казахах, стали достоянием ряда западноевропейских стран.

РУССКО-КАЗАХСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Труды П. И. Рычкова о Казахстане

Первые описания поездок в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию, сделанные русскими путешественниками, носили отрывочный и односторонний характер.

Более полным систематизированным трудом, освещающим историю «киргиз-кайсаков» от времен Петра Великого до начала 1750 года, является книга Петра Ивановича Рычкова «История Оренбургская».

«История Оренбургская» впервые была помещена в журнале «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» в 1759 году. Опубликованию ее в значительной мере способствовал издатель журнала Г. Ф. Миллер.

По сравнению с предшествующими исследованиями о «киргиз-кайсацком» крае «История Оренбургская» явилась первым обстоятельным трудом, освещающим процесс присоединения казахов к России. Правда, в ней очень мало данных об истории образования казахского народа, о взаимоотношениях его с русскими, о причинах народных волнений, которые происходили среди казахов. Однако собранный автором богатый фактический материал не потерял своего значения до настоящего времени.

П. И. Рычков в период работы над «Историей Оренбургской» довольно широко пользовался сведениями о казахах, собранными его предшественниками, в частности майором К. Миллером, Гладышевым и Муравиним и др.

Прекрасно зная Оренбургский край, П. И. Рычков считал необходимым обратить внимание России, в част-

1762 № 131.
**ТОПОГРАФИЯ
ОРЕНБУРГСКАЯ,**

по естѣ:
Минералогическое
обстоятельное описание
оренбургской губернии,

сочиненное

Коллежскимъ Совѣтникомъ и Импера-
торской Академіи Наукъ Корреспон-
дентомъ

ПЕТРОМЪ РЫЧКОВЫМЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВЪ САНКТ-ПЕТЕРБУРГѢ

при Императорской Академіи Наукъ
1762 года»

Титульный лист «Топографии Оренбургской...»
П. И. Рыкова.

ности правительства и Академии наук, на необходимость проведения исследовательских работ по изучению природных богатств и экономики нового края.

Вторым обстоятельным трудом об Оренбургском крае явилась книга П. И. Рыкова «Топография, или описание Оренбургской губернии», которая упрочила литературную славу автора. «Топография...» печаталась на страницах журнала «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» в течение 1762 года. Во второй своей работе автор выступил горячим энтузиастом исследования Оренбургского края, а не в роли чиновника, как в предыдущей работе, где Рычкову важнее всего

было дать полное описание мероприятий русского правительства в целях распространения российского влияния в «киргиз-кайсацкой» степи.

При составлении «Топографии...» П. И. Рычков широко использовал материалы Оренбургской губернской канцелярии (различного рода справки, доклады правительству и т. д.), а также данные многолетних личных наблюдений.

Появление в свет книги «Топографии, или описания Оренбургской губернии» имело огромное значение, поскольку о новой земле, еще почти никем не описанной, тогдашнее общество и само правительство России узнало много весьма интересного и любопытного.

О значении труда П. И. Рычкова можно судить и по тому, что «Топография...» была переведена на немецкий язык Бюшингом и Х. Г. Газе. Эту книгу переводил и академик Паллас, использовавший ее в своей работе «Путешествие по разным провинциям Российской империи».

Путешествие Н. П. Рычкова в казахскую степь

Последователем Петра Ивановича Рычкова по изучению казахского края был сын его Николай Петрович Рычков — участник экспедиции, возглавляемой академиком Палласом, снаряженной Академией наук в 1768 году по указанию Екатерины II.

Объехав Казанскую, Уфимскую, Пермскую и Оренбургскую губернии, Н. П. Рычков сообщил Академии наук ценные сведения об этих местах. Труд «Журнал, или дневные записки путешествия капитана Н. Рычкова по разным провинциям Российского государства» был напечатан в 1770—1772 годах за счет академии.

В 1771 году Н. П. Рычков посетил некоторые районы Казахстана в составе русского отряда, снаряженного в погоню за волжскими калмыками.

Бегству калмыков непосредственно предшествовали следующие события. Один из калмыцких ламов, будучи в заговоре с нойонами (князьями), за несколько лет до этих событий притворился умершим. Но через три года «мертвый» «ожил» и явился с грамотой от далай-ламы Тибета, в которой «подтверждалось» чудесное оживление калмыцкого ламы и его «святость».

«Святой» лама стал верховным духовным лицом волжских калмыков (далай-ламой Лангпи). Калмыцкие нойоны, подстрекаемые правителями Джунгарии, использовали Лангпи для своих корыстных целей: далай-лама, пользуясь невежеством и суеверием народа и непрерывностью авторитета «святого», стал «возбуждать народ идти в Зюнгоррию и восстановить древнее владычество...»

И вот в зимнюю стужу 1771 года народ был снят с насиженных мест и погнан нойонами в сторону Джунгарии.

Бежавших калмыков было около «30 тысяч кибиток», столько же воинов. Всего, вероятно, бежало 120 тысяч человек. Калмыцкий народ это бегство воспринял как несчастье и сопротивлялся, однако нойоны ехали «позади орды, гоня сокрушающийся и походом утомленный народ». Много калмыков погибло от холода и голода, а также во время сражений с преследовавшими их казаками Младшего жуза.

Как представителю царской власти, хану Нуралы в 1771 году было приказано принять все меры к приостановлению бегства волжских калмыков с территории России.

Предприняв погоню за калмыками и дав два больших сражения, в результате которых беглецы лишились многих лошадей и попали в затруднительное положение, Нуралы-хан заявил П. И. и Н. П. Рычковым, что он-де счастлив возможностью доказать свое усердие правительству, так как со времени вступления в подданство России не имел возможности принимать личное участие в войнах России с пруссаками и турками.

В 1771 году в Орской крепости для преследования калмыков был снаряжен особый отряд, направленный в погоню через казахские степи. Одновременно для исследования территории по маршруту отряда был направлен Николай Рычков, который собрал весьма обширный материал, изданный в 1772 году Российской Академией наук.

В своей книге «Дневные записки путешествия капитана Н. Рыčkова в киргиз-кайсацкой степи» автор пишет: «Как скоро в экспедиции нашей получено сие известие (то есть отправление войск в казахскую степь.— К. К.), то, признав сей случай удобным для описания

гость мало знаемой страны, рассуждено было отправить
и ~~еще~~ Главным предметом езды моей было исследова-
ние достопамятных мест, находящихся во владении кир-
гиз-кайсацкого народа, и собрание продуктов, находимых
в этой стране¹.

Свою задачу Н. Рычков выполнил достаточно четко
и ~~полно~~. В его работе наряду с описаниями природных
у ~~мест~~ (к востоку от реки Ирғиз «начинаются места
высокие и каменистые, украшенные множеством высоких
гор...») содержатся богатые материалы по характе-
росте быта, нравов и обычаев, патриархально-фео-
дальных законов и других особенностей казахского
жизни.

Н. П. Рычкова интересовали все стороны жизни ка-
захского народа, поэтому также детально его этногра-
фические зарисовки. В частности, от взгляда путешест-
венника не ускользнуло то, что «все обряды... произво-
дятся у киргизцев во время свадеб и во время погребе-
ния усопших, суть остатки тех древнейших обыкновений,
которые имели языческие народы, обитавшие в пределах
восточной Азии, и принявшие наконец веру магометан-
скую». Действительно, в обрядах казахского народа бы-
ло немало элементов от обрядов языческих предков,
«связанных» догматами шариата.

Н. П. Рычков правильно констатировал, что казахи,
как сам он пишет, «киргизцы хотя и содержат веру ма-
гометанскую, но неизвестно им не только истинное бого-
судство сего закона, но ниже самые малейшие духов-
ные обряды».

Автор отметил, что казахи не имеют своих священни-
ков. Превращают к ним «лицемеры» ходжи, ахуны и мул-
лы из Ташкента, Туркестана, Хивы. Эти мусульманские
священники быстро обогащаются «подлогом своей свя-
тости», а затем уезжают...

Внимание пытливого русского исследователя при-
вели к и судебно-правовые законоположения казахов.
Н. П. Рычков сообщает, что «киргизы не имеют ни прав,
ни суда к разбиранию народных тяжб; но на смертоубий-
ство и воровство имеют они странное установление, их
предками утвержденное. Сии два злодеяния наказуются
у них таким образом. Убийца не жертвует у них голо-

¹ Н. Рычков. Дневные записки... Спб., 1772, стр. 3.

Титульный лист «Дневных записок...»
Н. П. Рычкова.

вою своею за убиенного, но вместо того за то платит он 100 лошадей, одного пленника, двух верблюдов, наилучший суконный кафтан, черную лисицу, ястреба или беркута, панцирь и некоторые военные снаряды, ближайшему родственнику убитого. Сей устав киргизцы называют кун.

Установление противу воровства называется у киргизцев айбана (айб.— К. К.). Сила оногo состоит в том, если вор будет пойман с лошадьёю или с бараном, и приведет его пред старшину того улуса, то взыщут с него за одну 27 лошадей или 27 баранов».

Н. П. Рычков пишет, что якобы народ заставил даже

хана Нуралы платить «кун» за увечье одного простого казаха...

С большой теплотой пишет Н. Рычков о казахских женщинах, в которых «гораздо больше естественной простоты и добродушия, нежели в мужчинах». Далее автор отметил, что «сколь ленивы к работе вообще киргиз-кайсаки, столь трудолюбивы женщины в их народе». Все, что «принадлежит до присмотру за скотом, до правления домашнего и до рукоделия...», — все это дело рук женщины-казашки.

Как офицера российской армии, Н. Рычкова интересовали вопросы вооружения казахов, наличие воинских доспехов и т. д. Он отметил, что казахи на вооружении имеют копья, сабли, стрелы и ружья с фитилями. Хотя ружья казахов и не имеют ни полки, ни курка, однако, замечает Н. Рычков, стреляют они метко (правда, казахи вынуждены стрелять спешившись, ставя свои ружья на рожки). Ружья казахи покупают в Ташкенте, но порох некоторые из них делают в «улусах». Им известен состав черного и белого пороха, но искусство свое хранят строго в тайне.

Каждый казах в походе имеет 3—4 сменных лошадей, самую лучшую из которых оставляет на день сражения, а другие везут седока или припасы. Поэтому в день казахские воины проходят 60—80 верст.

Военная одежда у знатных и простых казахов отличается от обычной тем, что на спине верхнего платья нашиваются по два суконных или кожаных мешочка, в одном из которых зашита молитва от оружия неприятеля, в другом — молитва, делающая воина храбрым.

«Дневные записки путешествия капитана Н. Рычкова...» весьма богаты и интересны по своему содержанию. Все наблюдаемые им события обрисованы довольно увлекательно. Язык его прост и ясен, только некоторые обороты, характерные эпохе, напоминают, что книга написана почти около двух веков назад. Характеризуя нравы, обычаи, права и законы казахов, Н. Рычков сознательно опустил из своего описания все, что касается хозяйства их, так как он считает, что эта сторона жизни кочевников достаточно полно представлена в работе академика П.-С. Палласа. Надо заметить, что Н. Рычков с умом, большим вниманием и талантом наблюдал и писал казахскую степь и ее обитателей.

Труд Н. П. Рыкова в целом по богатству фактического материала представляет известный интерес и в настоящее время.

Путешествие П.-С. Палласа по разным провинциям России

Много было сделано по исследованию «киргиз-кайсацкого» края командиром ученой экспедиции Российской Академии наук академиком Петром-Симоном Палласом, знаменитым натуралистом и путешественником.

В 1768 году П.-С. Паллас совместно с Фальком, Георгом, Рычковым, Лепехиным и Зуевым отправился в длительное путешествие по России. В результате этой экспедиции П.-С. Паллас выпустил работу под названием «Физическое путешествие по разным провинциям Российской империи, бывшее в 1768 и 1769 годах»¹.

Касаясь описания отдельных народностей Сибири и Урала, П.-С. Паллас сообщает некоторые сведения и о «киргизцах», как он называет казахов.

«К вечеру... — пишет Паллас, — приехали мы к киргизцам, которые тогда кочевали в больших войлочных кибитках... Казалось, что киргизцы боялись нас больше, нежели мы их... Как скоро они уверились в безопасности, то господа и слуги к нам собрались, показывали веселое лицо, подчивали нас приятным... кумысом и рассказывали разные легенды»².

Как и Н. Рычков, П.-С. Паллас записывает легенду о происхождении казахов. «Сей народ называет сам себя киргиз-хазак, — пишет автор. — Прежде жили купно с турками и распространялись до Ефрата; там управляли ими особые владельцы, из числа коих Иазид-хан был последний в сей стране. Сей (хан. — К. К.) хотел овладеть турецким престолом, и для этого умертвил двух Магометов внуков — Хозан и Хусанн... Но как сие смертоубийство открылось, то турки как его, так и всех киргизцев из их жилища прогнали вооруженною рукою...

¹ Книга эта вышла в Санкт-Петербурге в 1773 году и переиздана в 1809 году.

² П.-С. Паллас. Физическое путешествие по разным провинциям Российской империи... СПб., 1809, стр. 566.

После того их орда поддалась некоторому Киргиз-хану»¹.

Как утверждал и сам П.-С. Паллас, эта легенда носит сугубо религиозный характер и поэтому не имеет никакого отношения к истории казахского народа.

П.-С. Паллас подробно описывает быт казахов, указывая, что жили они в войлочных кибитках (чаще до 20 человек); нужные вещи для хозяйства покупали у русских или у азиатских купцов; что в большинстве случаев казахи сами выделывали кожу для шитья

одежды: что мужчины носят бумажный полукафтан и простую рубашку и т. д. Верхнее платье казахи подпоясывают ремнем, на котором обыкновенно висит пороховница с порохом и мошья с пулями, так как зажиточные кочевники имели огнестрельное оружие. П.-С. Паллас отметил, что порох казахи делали сами. Для изготовления его со старых могил собирали селитру, затем перемывали ее и мешали с горючей серой и углем...

Летние шапки казахи шили из войлока, обшивая их материей, верх вышивался пестрым узором. Шапки эти были кверху заострены и имели широкие повисшие поля. Одну сторону шапки подворачивали и т. д. Так же подробно П.-С. Паллас описал одежду казахских женщин.

Сообщая о правовом положении «киргизцев», автор указывает, что народ живет в неограниченной вольности. Однако каждое поколение или аймак имеет над собою главного, которому он подчиняется. Те, кто имеет в подчинении большое число людей, называются ханами, султанами, а также биями, ходжами и мурзами. Всякий

Вооруженный казах.

¹ П.-С. Паллас. Физическое путешествие по разным провинциям Российской империи... стр. 567.

Казах-кадник.

раз, когда нужно принять важное решение идти куда-нибудь партиями или отправляться на войну, устраивают большое собрание и т. д.

П.-С. Паллас уделил много внимания вопросам развития торговых отношений с казахами, подчеркнув при этом особую роль Оренбурга.

Автор считает, что освоение Оренбурга было важно для развития торговли. П.-С. Паллас предлагает населить зажиточными купцами «город и фабрики в нем завести» и товары для «азиатов»

готовить (шерстяные ткани, бархат, медные и чугунные котлы, посуду, иглы, наперстки, стекла и т. д.).

П.-С. Паллас отметил, что «киргизцы» покупают хлопчатобумажные ткани у русских купцов, а последние — у бухарцев. Было бы выгодно, пишет автор, самим готовить эти ткани, тем более, что «в полуденной части Российского государства довольно находится таких мест, в которых может расти хлопчатое дерево»¹.

Автор сожалеет о том, что и торговля шелком не приведена в совершенство. Не используется для пользы государства и верблюжья шерсть, которая за бесценок покупается у казахов и калмыков (за пуд от 80 копеек до 2 рублей 15 копеек). Можно легко развести верблюдов внутри государства (для этого есть тучная паства между Яиком и Волгой)².

Особое значение П.-С. Паллас придает торгу с казахами (обмену скота). Ежегодно в Оренбурге выменивают у казахов 40—60 тысяч голов баранов на 10 тысяч лошадей и угоняют их в Россию. «Ныне баранов бьют в Оренбурге и др. городах на Волге и только топленое

¹ П.-С. Паллас. Физическое путешествие по разным провинциям Российской империи... стр. 350.

² Там же, стр. 351.

сало с немалою прибылью развозят в гавани сего государства, откуда оно отпускается в чужестранные земли под именем Российского сала...» П.-С. Паллас замечает, что летом в Оренбурге почти даром можно достать баранины, потому что русские купцы бывают довольны лишь прибылью от сала...

Казахи, кроме крупного и мелкого рогатого скота, продавали русским волчьи и лисьи шкуры, мерлушки, кошмы («пестрые и красивые»). «Как киргизцы не очень искусны в торгу, и берут при промене много худых товаров и всякой мелочи, то российским купцам приходит от них великая прибыль...», — отмечает Паллас.

Работа П.-С. Палласа богато иллюстрирована зарисовками, изображающими различные народности России. Правда, лица переданы лишь схематично, но очень тщательно и верно переданы костюмы.

Необходимо отметить, что труд П.-С. Палласа пользовался большим вниманием последующих исследователей Казахстана. Огромное значение его работе придавали известные путешественники и ученые Гр. Потанин и Чокан Валиханов.

В своих воспоминаниях о Чокане Валиханове Гр. Потанин пишет: «Чокан принес из недоступного книгохранилища путешествие Палласа и дневниковые записки Рычкова. Толщина книг, их формат, старинная печать, старинные обороты речи и затхлость бумаги — как это было удивительно необыкновенно, полно поэзией старины!.. С увлечением мы читали книгу Палласа, особенно те ее страницы, в которых описывались родные для нас места... Это нас с Чоканом особенно интересовало. Не будем ли мы подражать впоследствии путешественнику»¹.

«Описание народов...» И.-Г. Георги

Участником экспедиции П.-С. Палласа был и Иоганн-Готтлиб Георги — этнограф-путешественник, профессор минералогии при Российской Академии наук. Отправившись в путешествие в 1770 году из Москвы, он объехал почти всю Сибирь.

¹ Гр. Потанин. Записки Русского географического общества, т. XXIX, Спб., 1904, стр. 16—17.

На основании собственных наблюдений и записок, а также сочинений путешественников П.-С. Палласа, Н. Рычкова и других Георги подготовил и издал на немецком языке «Описание всех обитающих в Российском государстве народов...» На русском языке эта работа вышла в Санкт-Петербурге в 1776—1777 годах в трех частях, вторично в 1779 году уже в четырех частях.

Книга И.-Г. Георги явилась трудом, обобщающим существовавшие в русской литературе описания народов России. Георги, в частности, сумел объединить многие материалы, разбросанные в отдельных трудах исследователей Средней Азии и Казахстана.

Вторая часть работы И.-Г. Георги почти целиком посвящена описанию «татарских народов», в том числе и казахского. Следует отметить, что автор стремился придать своей книге и внешне близость к быту описываемого народа: в виллетках на обложке книги изображены юрты и картины кочевой жизни «киргиз-кайсаков».

Свое описание «киргизцов» И.-Г. Георги начинает с истории происхождения слова «кирк-кирсак», то есть казах или «киргиз-кайсак», о чем, как отмечалось выше, подробно сказано у П.-С. Палласа и у Н. Рычкова.

И.-Г. Георги дал интересные зарисовки быта, нравов и обычаев казахов. «У киргизцев, — пишет он, — вид точно такой же милой и свободной, как у казанских татар... Глаза у них, которые поменее, может быть и оттого, что они более сжимают веки по причине желтеющих степей и ослепляющего снега. Глаза веселы, а не грозны. Они одарены от природы изрядным разумом, любят пустоши... ласковы... следовательно, не кровожадущи. Грабительства их, также жестокость и несправедливость можно почесть следствиями сурового и необузданного рода жизни их, нечеловеческого стремления к мщению, ложных понятий о чести, смелости, нежели природным к тому влечением».

И.-Г. Георги отмечает, что торговля России с казахами ведет к исправлению и в нравах кочевников.

Казахские женщины ценятся за домовитость, добросердечие и «за соболезнавание о невольниках, которым облегчают они часто побег и не без собственной опасности».

Об образе жизни и занятиях казахов И.-Г. Георги привел также подробные данные. Казахи живут в под-

Наряд богатой женщины-казашки.

вижных юртах и ради скотоводства странствуют в степях: летом — к северу, зимой — к югу... Автор указывает, что звериный и рыбный промыслы у казахов играют подсобную роль, а о земледелии и не думают. Скот составляет основу и пропитания, и одеяния, и благосостояния их. Лошади и верблюды у казахов содержатся на подножном корму.

И.-Г. Георги коснулся и ремесел, которыми занимаются казахи. Есть среди них кузнецы, но не искусные, поэтому топоры, ножи, оружие покупают, хотя некоторые из них умеют делать порох.

Женщины-казашки доят скот, выделывают кожу, ткут, валяют войлок и варят мыло. Влияние русского образа жизни сказалось и в том, что в 1770 году хан стал

заготавливать сено, наняв для косьбы казаков. Георги считал, что по сравнению с другими кочевыми народами «живут киргизцы» хорошо. Для питания имеют достаточно скота. Никто из них не хочет быть рабом и слугою у другого, но богатые наделяют бедных скотом, а бедные — «приглядывают за скотиною своих благодетелей».

Разумеется, классовые отношения в казахском обществе существовали, и они были далеки от идеальных взаимоотношений, которые стремился показать И.-Г. Георги.

О нравах казахов И.-Г. Георги пишет, что они «в обхождении между собою и с иностранцами, которые у них не в полону, поступают, правда, они невежливо, но при всем том их угощают и дружески принимают».

О приемах гостя у казахов И.-Г. Георги сообщает следующее: «Для чести убивают... овцу и готовят пятипалую яству (бисбармак), которую они... втискивают гостям в рот пальцами».

Характеризуя торговлю казахов с соседними народами, И.-Г. Георги указывает, что при торговых операциях с Россией, Хивой и другими основным торговым стандартом является овца. Для оживления торговли с казахами русское правительство соорудило в Оренбурге Азиатский торговый двор, который состоял из нескольких сот лавок, построенных четырехугольником. Торговля между русскими и казахами шла беспощинно в Оренбурге, Троицке, также в Уральске, Петропавловской крепости, Омске, Усть-Каменогорске. Торговали казахи в основном лошадьми, крупным рогатым скотом, овцами, мерлушками, невыделанными кожами, верблюжьей шерстью, армяком, волчьими и лисьими мехами, войлоком. Только в одном Оренбурге казахи продавали ежегодно около 150 тысяч овец. Брали они сукна, шелковые и шерстяные ткани, платки, сапоги, ленты, котлы, бисер, нголки, серьги, кольца, муку, пшено и др.

Автор отмечает, что земледельцы Бухары и Хивы берут убойную скотину и верблюдов для своих караванов, взамен они снабжают казахов оружием (что было запрещено правительством делать русским купцам).

Таково в основном содержание труда И.-Г. Георги. И хотя книга его, по существу, является результатом добросовестной компиляции трудов многих русских путешественников и ученых, однако автор, объединив це-

лый ряд материалов и приведя их в систему, сделал определенный вклад в науку по изучению Сибири и, в частности, Казахстана.

Казахи в «Сибирской истории...» И.-Э. Фишера

В 1774 году в Санкт-Петербурге была издана на русском языке «Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли Российским оружием» историка и археолога Иоганна-Эбергарда Фишера (1697—1771 гг.). Его труд впервые увидел свет в 1768 году на немецком языке под названием «*Sibirische Geschichte von der Entdeckung Sibiriens bis auf die Eroberung dieses Landes durch die russischen Waffen*».

Зимой 1739 года Академия наук командировала И.-Э. Фишера в Сибирь на смену Г. Ф. Миллеру. Командировка длилась более девяти лет. Поручение по исследованию края И.-Э. Фишер не выполнил полностью.

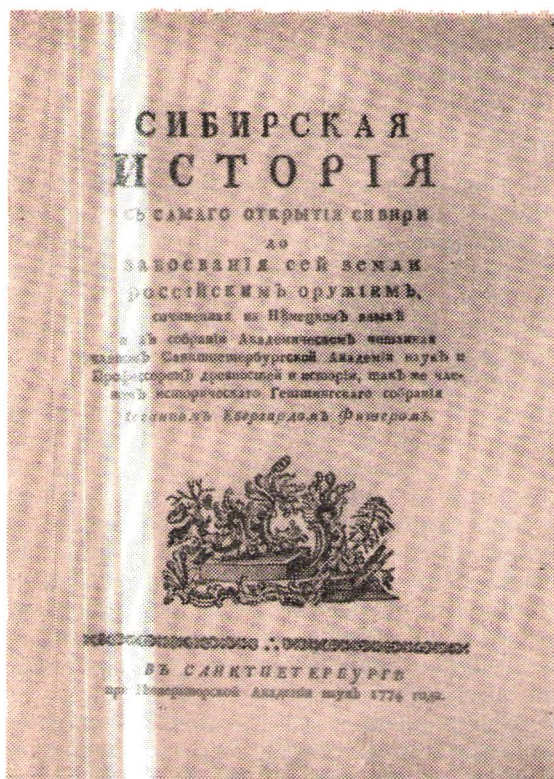
Если сопоставить «Сибирскую историю...» И.-Э. Фишера с работой Г. Ф. Миллера «Описания Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Росской державой по сие времена», вышедшей в Санкт-Петербурге в 1750 году, то можно видеть явное использование первым материалов Г. Ф. Миллера.

И.-Э. Фишер считает (§ 52), что все поколения, которые именуются киргизами, одного «происхождения...» и «они принадлежали к наследному уделу Шейбана-хана, который от «брата своего Батия-хана получил их в подарок».

Слово «казах», по мнению И.-Э. Фишера, не имя народа, оно указывает на своеобразную жизнь, связанную с набегами и разъездами и отсутствием постоянных жилищ. В связи с этим автор подчеркивает и беспокойный нрав «казахьей орды», которая «в набегах и разъездах может быть превосходила всегда других народов».

И.-Э. Фишер упрекает сочинителя примечаний на французский перевод книги Абулгази за отождествление кипчаков и казахов (сам Фишер пишет «казахъ»).

Автор различает киргизов, живущих у реки Енисей и у Саянских гор от так называемых «махометанских киргиз», хотя, по Фишеру, в нравах своих эти народы братья.

Обложка книги «Сибирская история...» И.-Э. Фишера.

Таким образом, в работе И.-Э. Фишера содержится весьма незначительное количество новых данных по Казахстану по сравнению с трудами его предшественников.

Казахские степи в творчестве писателя В. Могутова

Писатель Василий Могутов в 1777 году выпустил в Санкт-Петербурге книгу «Редкое и достопамятное известие о бывшей из России в Великую Татарию экспедиций под именем посольства...»

Основной целью автора было не столько желание «потомкам» о «деяниях прародителей» оставить письмен-

ное свидетельство, сколько стремление дать возможность современникам извлечь необходимые уроки из трагической судьбы экспедиции в Хиву.

В. Могутов подробно излагает цепь событий, непосредственно предшествовавших отправке экспедиции в Хиву.

В 1713 году из туркменского рода Садыр в Туккараганскую пристань на Каспии прибыл Ходжа-Нефес, который через Астрахань был доставлен Петру I. Нефес рассказал царю о некой реке в Бухарии, в которой якобы есть золото.

Крещеный из кабардинских черкес князь Александр Бекович-Черкасский в 1716 году был послан Петром I в качестве посланника в Хиву и Бухарию, чтобы узнать от надежных людей о золотоносной реке. Кроме того, послу вменялось в обязанность сбор подробных сведений «о всех тамошних обстоятельствах, особливо о Восточной Индии, и о тамошней коммерции сухим и водяным путем».

В составе посольства были офицеры Кочин, Урусов, Кожин, Давыдов, Бранд, а также корабельные и галерные мастера, солдаты и др.

В июле 1717 года А. Бекович-Черкасский сухим путем с войском (казаки, шведы, ногайцы, купцы-бухарцы и др.) вышел из Астрахани по направлению Гурьева, а оттуда двинулся к реке Эмбе, через которую войска переправились на плотях.

В течение короткого времени он прошел через безводные места и был в 120 верстах от города Хивы. Хивинский хан Ширгазы с 24-тысячным войском совершил нападение, но русские дали крепкий отпор. Тогда хивинцы пошли на хитрость и перебили все посольство, не пощадив и Бековича-Черкасского.

Таким образом, начатая экспедиция не имела ожидаемого результата, но послужила, по мнению В. Могутова, предметом к заведению Оренбургской губернии.

Из хивинского плена только немногие русские возвратились на родину, в том числе и уральский есаул Бородин, который и поведал о трагическом конце экспедиции.

Но Петр I приказал, «елико возможно стараться киргиз-кайсацкие орды склонить к Российской стороне, а затем Бухарию, Хиву».

Далее В. Могутов рассказывает, что Петр I не достиг

существенных результатов в деле присоединения края и только при Анне Ивановне казахи Малой орды добровольно присоединились к России.

В одиннадцатой части работы В. Могутов кратко охарактеризовал водные (Каспийское и Аральское моря и реки) и сухопутные пути, а также крупные торговые центры: Ташкент, Самарканд, Туркестан, Бухару и др. Автор подробно останавливается на описании Оренбургской ярмарки, то есть на торговле между русскими и азиатскими купцами.

Хотя книга В. Могутова не сделала особого вклада в историческую науку и литературу о Казахстане по сравнению с работами других исследователей, она интересна тем, что автор высказал мысль о роли торговли в сближении народов России, Казахстана и Средней Азии.

Жизнь казахов в описании Ф. С. Ефремова

Значительный интерес среди русских литературных трудов XVIII века о Казахстане вызывает работа Ф. С. Ефремова¹, выдержавшая трехкратное издание, что, разумеется, свидетельствует о ее ценности.

Впервые книга Ф. С. Ефремова была издана в 1786 году под названием «9-летнее странствование Российского унтер-офицера Ефремова в Бухарии, Хиве... и пр.». Как будто это первое издание книги было осуществлено без ведома и согласия автора.

С 1763 года Ф. Ефремов находился на военной службе солдатом Нижегородского полка. В период восстания Пугачева, в 1774 году Ф. Ефремов был командирован с отрядом на заставу Донгус, лежавшую по дороге от Оренбурга к Илецкой Защите.

В отряде Ефремова было 20 солдат и одна пушка. Через несколько дней застава подверглась нападению пугачевцев. Ефремов после соответствующего отпора был вынужден бежать в сторону Оренбурга, но попал в плен. Ночью ему с двумя товарищами удалось бежать. Они спрятались на берегу речки Донгус. Но утром бег-

¹ Ф. С. Ефремов. Странствование Филиппа Ефремова в киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение его оттуда через Англию в Россию. Третье вновь переделанное, исправленное и умноженное издание, Казань, 1811.

СТРАНСТВОВАНИЕ

ФИЛИППА ЕФРЕМОВА

*Въ Киргизской степи, Бухарии, Хивѣ,
Персїи, Тибетѣ и Индіи и возвращеніе
его оттуда чрезъ Англію
въ Россію.*

*Третье вновь перепечатанное, исправлен-
ное и умноженное изданіе.*

КАЗАНЬ.

Въ Университетской Типографіи

1811 года.

Титульный лист «Странствование Филиппа
Ефремова...»

лецы были обнаружены и взяты отрядом казахов в 200 человек (по-видимому, это были также участники пугачевского движения) в плен. «Киргизцы тотчас схватили их (пишет издатель. — К. К.), посадили на своих лошадей, под брюхо коней подвязали их ноги и увезли в свои улусы или жилища. Они продержали их там два месяца».

Добрый хозяин ежедневно к ранам Ефремова как на голове, так и на руке «прикладывал сжженный войлок, отчего...» тот «и излечен был».

Выздоровевший Ф. Ефремов был продан бухарцу за...

четыре выделанные красные телячьи кожи. Его купил приказчик Гафура Хожи, зять аталыка Данияр-бека, приближенного Бухарского хана. После трудного перехода через казахские степи в холодное время года Ефремов был доставлен к аталыку, который определил пленника в охрану своих жен и наложниц. Затем Ефремову было поручено командование над 10, потом 50 воинами. Он был во многих походах, видел замечательные города, узнал дороги. В одном из походов Ефремов взял в плен знатного самаркандца, за что был повышен в должности («юзбаши») и стал командовать сотнею, среди которых было 20 русских (пленных).

Ф. Ефремов участвовал и в неудачном походе бухарцев на Персию. Во время похода на Хиву Ф. Ефремов отличился в сражении с войском Хивинского владельца — ишака Магадами. Затем, вернувшись в Бухару и подкупив писаря, он бежал в Кукан (Коканд), а оттуда в Кашгар, выдав себя за купца-ногайца (заметим, что много лет спустя так же, выдав себя за купца, проникает в Кашгарию и Ч. Ч. Валиханов, офицер русской армии, первый казахский ученый).

Ф. Ефремов побывал в Кашгаре, Аксу, Яркенде, а оттуда направился в Тибет. Был в области Цонг, или Цанг, почти 30 дней и там познакомился с тремя паломниками, шедшими в Мекку. Ефремов также переоделся в одежду мусульманских паломников.

Паломники из Тибета в Кашмир пошли пешком («большие пропасти, узкие проходы и худые дороги»). Недалеко от индийского города Джаннани у Ефремова распухла нога, которая нагноилась.

Ефремов проболел около месяца. Лечил его кашмирец. Случайная встреча с армянином помогла Ф. Ефремову выбрать правильное направление. Наконец он попал в Калькутту, а оттуда — в Англию, и в августе 1782 года Ф. Ефремов вернулся в Санкт-Петербург.

В «Замечаниях Ефремова об Азиатских странах», в коих он находился, имеются сведения о территории «киргиз-кайсаков».

«Страны киргизской степи довольно много имеют гор, кои однакож весьма пологи; от вершины какой-либо из них до подошвы простирается несколько верст; инде находятся там весьма обширные равнины; и почти вся степь состоит из таковой поверхности».

Через 60—70 верст попадались речки с кустарниками. О саксауле Ф. Ефремов пишет, что он «столь крепок, что нельзя рубить его топором, и по своей хрупкости не рубится, а вырывается с корнем или просто ломается».

«Почва земли здесь отчасти довольно хороша, серовата и пыльна, почти на всей степи одинакова и подходит часто к чернозему. На дороге песков почти нет».

Казахские охотники с собаками.

Трава малорослая, изредка тальник, между ними — полынь.

Климат в степи довольно хорош и здоров, летом тепло, а зимою — холодно. Часто случаются ветры, зимою — глубокие снега; вообще климат повсюду единообразен. Ближе к Бухаре (Сыр-Дарье) теплее.

«Киргизцы большей частью рослы, здоровы, белы, широколицы, с малыми глазами, хищны. Скотоводство и хищность (ныне же и торговля) — суть главнейшие их занятия. Они не имеют постоянных жилищ и местопребывания; переходят с одного места, когда скотина поест всю траву на оном, на другое; ставят кибитки (род палаток) и живут в них даже зимою. Во время зимы располагаются у речек и лесов, в низинах (защита от ветра). Кочевье их состоит из 30, 40, 50... кибиток, у султанов, ханов — 100 и более. Собрание кибиток представляет аул».

По дороге из Оренбурга в Бухару Ф. Ефремов видел мало аулов: они, видимо, находятся в стороне (в 30 и более верстах). Летом казахи кочуют ближе к России, зимой — к Сыр-Дарье.

Казахи любят ловить птиц и зверей (лисиц, диких коз, волков, медведей). Ценят охоту с беркутом. Сами выделывают овчину и шьют тулупы; армяки ткнут из верблюжьей шерсти. Летом употребляют в пищу баранье и коровье мясо и кобылье молоко (кумыз), зимой — лошадиное мясо («оно много горячит») и «крут» (правильно курт.— К. К.), «делаемый из коровьего молока и овечьего молока, облив оный мясным отваром»; пьют просяную жидко сваренную кашу. Во время дороги кладут они курт в свои турсуки, или кожаные мешки. Кожу для них снимают с убитых лошадей, с задних ног, и с широкого конца зашивают, с узкого отверстия наливают курт с водою. Смешавшись от тряски у седельных тороков, курт превращается в густое молоко — напиток. Летом ходят или ездят казахи в гости друг к другу. Обхождение их хорошее, хотя ныне часто ссорятся. Употребляют соль, которую берут в Илецкой Защите.

В каждой «орде» есть хан, в ауле старшему отдается предпочтение. Нет никаких законов, нет и грамотных. Хотя у казахов и нет законов, но некоторые наказания их, по Ефремову, довольно строги: отрубивший у кого-либо палец лишается по желанию человека, «коему он сие причинил и приговору других также через отрубление у себя пальца; за смертоубийство казнится смертью же».

«Торг киргизцев преимущественно состоит... в скоте и людях, с Российской же и бухарской — в железе (ныне — хлебе), халатах, крашении и пр.; между собой они почти не торгуют», — отмечает Ф. С. Ефремов.

«Оружие киргизцев состоит в луках, пиках, саблях и ружьях с фитилями». Пленных используют на пастьбе скота, давая им на зиму и лето тулуп и «челбары» (овчинные шаровары) и из сырой лошадиной кожи сапоги.

В своей книге Ефремов подробно описывает жизнь казахов. Однако он обращает внимание также и на естественные богатства края, его климат, реки и леса, почву и животный мир. Труд Ф. С. Ефремова интересен и тем, что материалы в нем основаны на непосредственных впечатлениях самого автора.

Казахские мотивы в творчестве Г. Р. Державина

В 1773—1774 годах Г. Р. Державин принимал непосредственное участие в подавлении движения Пугачева. Впоследствии он опубликовал «Записки» с описанием своих несправедливых действий в тот период. Эта работа была подвергнута резкой критике в статье Н. Г. Чернышевского «Прадедовские нравы».

Г. Р. Державин находился в Саратове, чтобы оттуда «пресечь дорогу Пугачеву в случае побега его на Иргиз. Известясь о сношениях Пугачева с киргиз-кайсаками», он успел отрезать их от кочующих орд по рекам Узе-ням...¹ Вылазка Г. Р. Державина чуть не закончилась трагически для него: отряд перешел на сторону Пугачева, который предпринял погоню за гвардейским офицером... «Один из казаков, сопровождавших Державина, был заколот Пугачевым. Державин успел добраться до Саратова...»²

Еще раньше, как указывает А. С. Пушкин, гвардии подпоручик Державин, находившийся при главнокомандующем А. И. Бибикове, составил тексты благодарственной речи и письма казанских дворян Екатерине II по случаю принятия императрицей звания «казанской помещицы». Этот жест царицы, по мнению ее, должен был поднять дух дворянства, напуганного размахом пугачевского движения.

Поэт Г. Р. Державин в силу консервативности своего мировоззрения не понял характера пугачевского восстания. Важно свидетельство его о том, что казахи участвовали в движении Пугачева. Так писал поэт: «...киргиз-кайсаки действовали по наущению Пугачева, от которого, по объявлению пленных, присланы были в их орду беглые из татар с Яику казаки»³.

Потомок татарского мурзы Баграма, покинувшего в XV веке Большую орду и перешедшего на службу к русскому князю Василию Темному, впоследствии принявшего крещение, Г. Р. Державин в своем творчестве также отдал некоторую дань «киргиз-кайсацкой» тематике.

¹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 418.

² Там же, стр. 410.

³ «Жизнь Державина». Под ред. Я. Г. Грота. Спб., 1880, стр. 186.

Весной 1783 года в журнале «Собеседник любителей русского слова» была опубликована знаменитая ода Г. Р. Державина «Ода к премудрой киргиз-кайсацкой царевне Фелице, писаная некоторым мурзою, издавна проживающим в Москве, а живущим по делам своим в Санкт-Петербурге». В оде была дана смелая критика ближайшего окружения Екатерины II. Не только по содержанию, но и по форме это произведение было необычным.

Великий критик В. Г. Белинский называет «Фелицу» одним из самых «лучших созданий Державина».

Появление казахского мотива в творческой биографии русского поэта далеко не случайно. Годы детства, а также время службы в армии у Г. Р. Державина связаны с Казахстаном.

Таким образом, последние десятилетия XVIII века характеризуются повышенным интересом к «киргиз-кайсацкой» степи со стороны самых различных представителей русского общества. Об этом, в частности, свидетельствует и творческая биография русского поэта Г. Р. Державина.

* * *

Следовательно, казахская тематика своим становлением и развитием в русской литературе (в исторической, географической, художественной и др.) и журналистике обязана историческому процессу присоединения Казахстана к России, который начался в 30-х годах XVIII века.

Представленные в работе материалы позволяют считать, что интерес к жизни казахского народа и к его землям в русском обществе возрастал из года в год, из десятилетия в десятилетие, так как с продвижением России в Азию усиливались роль Казахстана во внешних сношениях империи с рынками Индии, Китая, Средней Азии и др. В Казахстане стали постепенно скрещиваться интересы России и таких деспотических государств, как Джунгария, Хива, Бухара, Коканд и др. Поэтому XVIII столетие сыграло выдающуюся роль во взаимоотношениях России и Казахстана, что нашло свое отражение в целом ряде историко-литературных памятников этого периода.

Однако следует подчеркнуть, что русские исследователи и путешественники по своим мировоззрениям были

крайне неоднородны. Наряду с проводниками официальной колониальной политики царизма в «инородческих» окраинах были и прогрессивные деятели, которых глубоко интересовала судьба казахского народа. Поэтому учение В. И. Ленина о двух течениях, о двух культурах в каждой национальной культуре является верным ориентиром в оценке деятельности тех или иных русских исследователей XVIII века, оставивших материалы, касающиеся казахской тематики.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАЗАХСТАНА В 1800—1868 ГОДАХ

Хотя к концу XVIII века Россия все еще оставалась аграрной страной с феодально-крепостническим строем, однако в недрах ее старой социально-экономической формации развивались элементы новых буржуазных производственных отношений и с каждым десятилетием росло и стремительно двигалось вперед капиталистическое производство. Правда, успехи развития промышленности в России в целом были невелики.

Развитие русского общества в период первых десятилетий XIX века сопровождалось возникновением острых социальных противоречий, чему способствовали: рост эксплуатации крестьян и дальнейшее обнищание народных масс, усиление процесса разложения феодальных отношений и дальнейшая интенсификация проникновения капиталистических элементов в экономику страны.

Русскому народу, разгромившему Наполеона и надевавшемуся на улучшение своей жизни, правительственным манифестом 1814 года было обещано, что он «получит мзду свою от бога».

Разгромив Наполеона, монархи России, Пруссии и Австрии в 1815 году создали реакционный Священный союз, на «бандитских»¹ конгрессах которого обсуждались меры борьбы с национально-освободительными и революционными движениями в Европе. Главную роль в Священном союзе играл русский император. Как писал декабрист М. Фонвизин, «Александр стал во главе монархических реакционеров... По низложению Наполеона

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 252.

главным предметом всех политических действий императора Александра было подавление возникшего повсюду духа свободы и укрепление монархических начал...»¹

Монархи России, по В. И. Ленину, «то заигрывали с либерализмом, то являлись палачами Радищевых и «спускали» на верноподданных Аракчеевых...»²

На свирепую реакционную политику Александра I крестьянские массы отвечали борьбой против помещиков. Волнения происходили и среди войсковых частей. Только за период 1813—1825 годов в стране вспыхивало не менее 540 крестьянских волнений. Однако «крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли»³.

В эти годы наблюдается заметный подъем революционных настроений среди передовых представителей дворянства. Возникают тайные общества дворян-революционеров: Союз спасения, или Общество истинных и верных сынов Отечества; Союз благоденствия; Южное общество; Северное общество и Общество соединенных славян.

В. И. Ленин различал три периода в истории русского революционного движения: «... 1) период дворянский, примерно с 1825 по 1861 год; 2) разночинский или буржуазно-демократический, приблизительно с 1861 по 1895 год; 3) пролетарский, с 1895 по настоящее время»⁴.

Главными представителями дворянского периода русского революционного движения были декабристы и Герцен. Характеризуя движение декабристов, В. И. Ленин привел слова Герцена о дворянских революционерах: «Дворяне дали России Биронов и Аракчеевых, бесчисленное количество «пьяных офицеров, забияк, картежных игроков, героев ярмарок, псарей, драчунов, секунов, серальников», да прекраснодушных Маниловых. «И между ними — писал Герцен — развились люди 14 декабря, фаланга героев, выкормленных, как Ромул и Рем, молоком дикого зверя... Это какие-то богатыри, кованные из

¹ Общественные движения в России в первую половину XIX века. Спб., 1905, стр. 180.

² В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 28.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 384.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 223.

чистой стали с головы до ног, воины-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия»¹.

Таким образом, «в 1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма...»². Это был серьезный удар по самодержавно-крепостническому строю.

После разгрома восстания 14 декабря 1825 года «на поверхности официальной России... видны были только... свирепая реакция, бесчеловечные преследования, усугубление деспотизма»³. И в этот период безнадежности и упадка сил, в атмосфере порабощения и преследований «одна лишь звонкая и широкая песнь Пушкина звучала в долинах рабства и мучений...»⁴.

Но и в годы реакции не затихает борьба народа за свои права. Так, уже 1830 год ознаменовался победой буржуазной революции во Франции и восстанием в царстве Польском. Растут и массовые движения в России: вспыхивают «холерные» бунты, восстают солдаты военных поселений.

Разложение феодально-крепостнического уклада жизни в России сопровождалось не только обострением классовой борьбы, но и дальнейшим развитием прогрессивной национальной культуры русского народа. В первые десятилетия XIX века в России наряду с культурой реакционного дворянства развивалась и культура прогрессивная, культура декабристов и Пушкина.

Прогрессивная русская литература 10—30-х годов XIX века развивалась в борьбе с крепостничеством и самодержавием. Она смело продолжала освободительные традиции великого революционера Радищева.

Развитию и укреплению позиций представителей литературы прогрессивного направления способствовало «время от 1812 до 1815 года», время, которое «было великою эпохой для России»⁵. В. Г. Белинский подчеркивал, что «12-й год... пробудил... спящие силы» России и «открыл в ней новые, дотоле неизвестные источники

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 19.

² В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 234.

³ А. Н. Герцен. Избр. соч., М., 1937, стр. 397.

⁴ Там же, стр. 399.

⁵ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XII, 1926, стр. 88—89.

сил... способствовал зарождению публичности, как началу общественного мнения». Великий критик особо отмечал, что «12-й год нанес сильный удар коснеющей старине...»¹. Этой «коснеющей стариной» был крепостной строй в России.

Развитие русской литературы этого периода связано с именем А. С. Пушкина (пушкинский период русской литературы, как метко назвал В. Г. Белинский).

И, несмотря на тиранию и преследование, свободолобная мысль, революционные традиции декабристов живут и подхватываются новым поколением русских революционеров, первым представителем которых явился В. Г. Белинский.

Великий критик совместно с А. И. Герценом способствовал развитию общественной мысли России, они закладывают основы русской материалистической философии. На новом, буржуазно-демократическом этапе русского революционного движения на арене общественно-политической жизни России появляются революционеры-разночинцы.

Каждому из этапов революционного движения России соответствовала своя печать, своя литература. Всемирное значение русской литературы заключалось именно в том, что она руководствовалась наиболее прогрессивными идеями своего времени.

Бесценным содержанием пушкинского периода русской литературы является победа принципов художественного реализма, разработанного гением русского народа.

Декабристы, требуя ликвидации абсолютистско-крепостнической системы, стремились широко пропагандировать свои политические идеи через литературу. Литераторы-декабристы А. Бестужев, К. Рылеев, В. Кюхельбеккер, В. Раевский, А. Одоевский, Ф. Глинка и другие наряду с А. С. Пушкиным способствовали созданию передовой национальной русской литературы.

С идеями декабризма непосредственно была связана творческая деятельность не только Пушкина, но и его крупнейших современников: А. Грибоедова, П. Вяземского, Н. Языкова, О. Сомова и многих других писателей и поэтов пушкинского периода.

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XII, 1926, стр. 89.

Декабристы-литераторы боролись за национальную самобытность и народность русской литературы. Они требовали глубокого изучения устного творчества народа и его исторического прошлого. Стараясь использовать в качестве рупора своих идей легальную печать, декабристы активно сотрудничали в журналах: «Сын отечества» (1814—1815 гг.), «Соревнователь просвещения и благотворения» (1818—1825 гг.), «Полярная звезда» (1823—1825 гг.) и в альманахе «Невский зритель» (1820—1821 гг.).

Передовая русская литература и журналистика не только 10—30-х годов, но и последующих десятилетий XIX века находилась под общим идейным влиянием декабризма и развернула смелую борьбу против крепостничества и деспотизма в стране. Однако, как подчеркивал Н. Г. Чернышевский, «не русские журналы пробудили к новой жизни русскую нацию,— ее пробудили славные опасности 1812 года»¹. Отечественная война 1812 года вызвала не только патриотический подъем различных слоев русского общества, но и способствовала оживлению всеобщего интереса к социально-политическим проблемам эпохи.

Литература и журналистика декабристского направления утверждали идею свободомыслия и просветительства, осуждали крепостнический строй в стране, призывали к братству всех народов.

В 40-х годах XIX века усилилась борьба народных масс против крепостного права. За период с 1825 по 1855 год лишь по официальным данным было 674 крестьянских волнения. Большой размах приобретали и движения рабочих на мануфактурных предприятиях. Волнения были и в армии.

Николай I не «заигрывал» с либерализмом; его тупая и жестокая реакционная политика вызывала гнев и возмущение прогрессивных людей России. Протест против самодержавия и крепостничества николаевское правительство пытается отвести созданием реакционной «теории официальной народности». Автором формулы «православие, самодержавие и народность» был министр просвещения С. С. Уваров.

В 40-х годах XIX века формируются революционно-

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. IV, М., 1948, стр. 765.

демократическое, либеральное и славянофильское течение общественно-политической мысли России. В течение 40—50-х годов революционная мысль в России развивается под идейным влиянием А. И. Герцена и В. Г. Белинского.

События 50—60-х годов XIX века вновь потрясли империю Романовых. Крымская война 1853—1856 годов, принесящая позорное поражение царскому самодержавию, ускорила ликвидацию феодально-крепостнической системы в России. Отмена крепостного права сняла все путы, тормозившие развитие капитализма в России. «19-е февраля 1861 года,— как отмечал В. И. Ленин,— знаменует собой начало новой, буржуазной, России, вырвавшейся из крепостнической эпохи»¹.

Несмотря на половинчатый характер реформы 1861 года, отмена крепостного права вызвала «цепную» реакцию: в 60—70 годах появилось множество буржуазных реформ в области местного самоуправления, судопроизводства, просвещения, военного дела, финансов и др.

Ликвидация крепостного права в России сопровождалась не только бурным развитием капиталистической экономики, ростом городов, появлением новых путей сообщения и т. д., но и некоторым повышением культурного уровня населения. Одновременно с этим происходит усиление русификации и христианизации местного населения с помощью созданных самодержавием «русско-инопороческих» школ. В 1865 году в России создается «Миссионерское общество для содействия распространения христианства между язычниками», к коим были отнесены все народности империи нехристианского вероисповедания.

Кукая реформа 1861 года (герценовский «Колокол» писал: «Вообще крепостное право *не отменено. Народ царем обманут!*») вызвала волну крестьянского движения в 1861—1863 годах.

«Падение крепостного права,— писал В. И. Ленин,— вызвало появление разночинца, как главного, массового деятеля и освободительного движения вообще и демократической, бесцензурной печати в частности»².

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 96.

² В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 224.

Демократический подъем в русском обществе в 60-х годах сопровождался некоторым развитием прогрессивной периодической печати. В 50—60-х годах самым любимым журналом передовых читательских кругов России был «Современник», а затем «Отечественные записки». Эти журналы были органами революционных демократов, критиков и писателей Чернышевского, Добролюбова, Некрасова, Салтыкова-Щедрина.

Революционно-демократическое направление «Современника» оказало влияние на формирование прогрессивных, демократических мировоззрений у представителей интеллигенции Украины (Т. Г. Шевченко), Грузии (Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели), Казахстана (Ч. Ч. Валиханов) и др.

Прогрессивное, демократическое направление было характерно в 60-х годах и для журнала «Русское слово», в котором печатались острые публицистические статьи Д. И. Писарева, заточенного за них в 1862—1866 годах в Петропавловскую крепость.

А. И. Герцен на страницах «Колокола» выступал с резкими разоблачениями колониальной политики царизма в казахских степях.

В. Г. Белинский и Н. Г. Чернышевский в своих печатных трудах указывали на необходимость правдивого описания всех сторон жизни и быта, нравов и культуры народов окраин империи. В частности, Н. А. Добролюбов справедливо считал, что «настоящий патриотизм, как частное проявление любви к человечеству, не уживается с неприязнью к отдельным народностям»¹.

В 1800—1868 годах казахский народ резко отставал по уровню экономического, культурного и политического развития от собственно России, хотя к этому времени уже значительная часть Казахстана была присоединена к ней. Правда, южная часть Казахстана, входившая в состав Большого жуза, была политически связана с соседними деспотическими государствами Средней Азии, в первую очередь с Кокандским ханством. Последнее до середины XIX века держало под своей властью значительную часть населения Южного Казахстана.

В первые десятилетия XIX века, особенно во время Отечественной войны 1812 года, значительно возрасла

¹ Н. А. Добролюбов. Соч., т. 3, стр. 227—228.

роль Казахстана как рынка сбыта и источника животного-водческого сырья для России. Влияние экономики последней на хозяйственную жизнь казахских степей заключалась в том, что часть кочевников стала переходить к оседлости, заниматься земледелием и торговлей. Все это вело к постепенному распаду натурального хозяйства казахов.

Царское правительство поощряло развитие торговли с Казахстаном, отменяя пошлины для русских купцов. Меновая торговля расцветала не только в городах (Оренбург, Троицк, Семипалатинск, Уральск и др.), но и развивалась на форпостах, в казачьих станицах. Нередко русские купцы торговали и в казахских аулах.

В результате интенсивного роста торговли в различных пунктах Казахстана возникли сезонные ярмарки, в которых стали принимать участие и крупные казахские феодалы и перекупщики-алыпсары.

Постепенно меняется и характер торговли. В обороте у местного населения появляются деньги. Но даже к середине XIX века денег в обороте у казахского населения было мало: они в основном находились в руках баев-торговцев и горожан.

В связи с появлением на территории Казахстана первых городов и ростом спроса горожан на продукты питания, вслед за земледелием в отдельных районах развиваются в небольших размерах товарное рыболовство и добыча соли для рынка.

С запросами рынка связан и рост пушного промысла в казахских степях, а также изготовление изделий из армячины и кошмы.

Русские торговцы ввозят в Казахстан железо, что способствует появлению профессиональных ремесленников-кузнецов из коренного населения.

В Казахстане возникают новые очаги земледелия, в основном в пойме Урала, Тургая, Иртыша и других рек; происходит постепенное оседание части казахского населения. Интенсивное освоение северных и западных районов Казахстана русскими крестьянами-земледельцами содействует росту земледелия и у казахов. Постепенно у них развивается и сенокосение.

В 20—40-х годах XIX века существенные изменения произошли и в политической жизни Казахстана. В 1822 году царское правительство издало новое законоположе-

ние об управлении степным краем. «Устав о сибирских киргизах», разработанный Сперанским, упразднял власть ханов в Среднем (1822 г.) и Младшем (1824 г.) жузах. Ханская власть во Внутренней орде была упразднена в 1845 году.

«Устав» Сперанского предусматривал новое административное деление жузов — на округа, в каждом из которых главная роль в управлении отводилась царским чиновникам, назначаемым губернатором.

Деятельность султанов-правителей фактически находилась под постоянным контролем русских чиновников. Сами султаны-правители по сути являлись чиновниками царского правительства, поскольку от последнего получали жалование. Из ведения суда биев были изъяты многие важные уголовные и гражданские дела. Власть биев, старшин родов была ограничена.

Запрещалось приобретение новых рабов (кулов). Началось открытие лечебниц и школ.

Несмотря на то, что реформа 1822 года по управлению казахскими жузами была проведена с целью укрепления власти царизма, тем не менее она содействовала ликвидации непрерывных столкновений между отдельными родами, от которых, прежде всего, страдали беднейшие слои населения.

Реформа 1822 года до некоторой степени ограничивала произвол казахских феодалов над шаруа и кулами. «Устав», несмотря на антинародный характер, сыграл, таким образом, некоторую положительную роль в дальнейшем экономическом и политическом развитии Казахстана.

Мероприятия царского правительства вызывали определенные изменения и в структуре казахского общества. Номинальная политическая власть (под контролем царских чиновников) сохранилась у султанов-правителей. Ограничена была власть биев: правители родов назначались лишь с согласия царской администрации. Постепенно теряют власть над народом и батыры. Если «Устав» 1822 года запрещал приобретение новых рабов (кулов), то к 60-м годам рабство было вообще отменено на территории Казахстана. С падением власти султанов постепенно сходит на нет и институт тюленгутства. В этот период на арену политико-экономической жизни выходит байство, среди которого появляются не только торговцы

скотом, но и ростовщики. В своем хозяйстве баи прибегают к кабальным методам эксплуатации (в основном к системе отработок, позже — наемному труду).

Дальнейшее расслоение казахского общества вызвало рост бедноты. Тяжелые формы феодально-байской эксплуатации и частые джуты разоряли скотоводов-шаруа, которые в поисках средств существования вынуждены были идти в кабалу не только «к своим» баям, но и в наймы к казакам-кулакам.

Отходничество казахской бедноты особенно выросло в начале 50-х годов XIX века, когда в Казахстане появляются первые предприятия по добыче соли, золота, серебра, свинца и др.

Часть шаруа переходила к земледелию (джатаки, египиши).

На усиление гнета феодалов казахские шаруа отвечали классовой борьбой: они отказывались или уклонялись от уплаты налогов; совершали откочевки в другие места; угоняли байский скот и, наконец, с оружием в руках поднимались против своих угнетателей. Так, например, в 1836—1837 гг. поднялось антифеодальное и антиколониальное восстание шаруа в Букеевском ханстве под руководством Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова.

В 50—60-х годах, а особенно после Крымской войны 1853—1856 годов Россия была весьма заинтересована в рынках и сырьевых ресурсах Казахстана и Средней Азии. Однако устремления России в этом районе Азии столкнулись с экспансионистской политикой Британской империи. Так, в 1865 году правительство последней предпринимает энергичные шаги для проникновения в бассейны важнейших водных артерий Средней Азии и Южного Казахстана: рек Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи.

Кокандские беки и хивинские феодалы, пытаясь завоевать южные районы Казахстана, разоряли казахские аулы. Власть среднеазиатских ханов распространялась до нижнего течения Сыр-Дарьи, в Приаралье и до Или.

В грабительских налетах кокандских и хивинских феодалов на казахские аулы нередко принимали участие и сами казахские султаны, которые, лишившись фактической власти в 20—30-х годах, стремились восстановить ханство в Казахстане. Таковы реакционно-монархиче-

ские движения султанов Каратая Нуралиева, Арынгазы Абулгазиева, Губайдуллы Валиханова, Саржана и Кенесары Касымовых. Эти движения носили реакционный характер и были направлены на реставрацию изжившего института ханской власти и укрепление патриархально-феодалных устоев. Они были направлены против укрепления дружбы казахского народа с Россией, на отрыв Казахстана от исторически необходимого процесса его развития.

Казахское население южных районов не раз выступало против поборов и насилия хивинских и кокандских феодалов (1843, 1845 гг.). Нередко казахи массами откочевывали к русским пограничным линиям, ища защиты и поддержки.

В это время царское правительство проводит ряд мероприятий, направленных на укрепление своих позиций на юге Казахстана и в Средней Азии. В 40—50-х годах появились русские укрепления на Аральском море, на реках Сыр-Дарье и Иргизе. В 1853 году русские войска взяли кокандскую крепость Ак-Мечеть — один из опорных пунктов кокандцев по насильственному управлению казахским населением. В осаде крепости участвовал и ссыльный поэт-петрашевец А. Н. Плещеев.

Русские войска начали строительство укрепленных линий вдоль Сыр-Дарьи. В дальнейшем Сыр-Дарьинская укрепленная линия была соединена с Сибирской. Последняя образовалась в результате успешных продвижений русских войск со стороны Семипалатинска на юг, в Заилийский край. Это продвижение, начатое в конце 40-х годов, завершилось в первой половине 50-х годов успешным присоединением к России значительной по размерам территории Большого жуза и сооружением крепости Верный в 1854 году.

В 1860 году кокандцы были разбиты объединенными силами русских войск и казахских добровольцев. Узун-Агачская победа имела большое значение для освобождения Семиречья от гнета феодалов Коканда.

Несмотря на ожесточенное сопротивление среднеазиатских ханств, подстрекаемых англо-турецкой агентурой, в 1864 году русские войска заняли Чимкент, в 1865 году — Ташкент, в 1866 году русские отряды перешли Сыр-Дарью и вступили на территорию Бухарского эмирата, окончательное присоединение которого к России

в 1868 году позволило освободить и казахское население, жившее в северной части эмирата.

В 1873 году Хивинское ханство было занято русскими войсками. В 1876 году территория Кокандского ханства вошла в состав Туркестанского генерал-губернаторства.

Окончательное завершение процесса присоединения Казахстана к России связано с поражением среднеазиатских ханств и освобождением казахских земель, ранее захваченных ими.

Англо-русское соперничество в Средней Азии закончилось полной победой России.

В. Бартольд писал, что «после завоевания кокандских крепостей в Семиречье и по Сыр-Дарье изучение русскими киргизских степей уже не встречало препятствий», и далее: «Из всех народов турецкого происхождения особенное внимание исследователей обращали на себя, по своей многочисленности и по обширности занимаемой ими территории, киргиз-кайсаки; об этом народе на русском языке существует обширная литература, рассеянная по различным периодическим изданиям»¹.

Развитие капитализма в России не могло не оказать своего влияния на все стороны жизни, на все части обширной империи, в том числе и на жизнь казахского народа, на Казахстан. Под влиянием капитализма происходит постепенное разрушение патриархальных устоев в степи. Капитализм, как осьминог, втягивает в свою орбиту степной край, насыщаясь соком ее недр, пуская свои длинные и кровожадные щупальцы во все новые области Казахстана. Казахстан для русского капитализма был колонией, представлявшей богатейшие возможности сырья и рынка.

Развитие капитализма в России сопровождалось колонизацией национальных окраин, Казахстана в частности, путем переселения жителей из центральных губерний и создания в казахских степях новых поселков, сел, станиц.

Переселенцы принесли в казахскую степь новые для казахов приемы обработки земли, новую, более передовую экономику и культуру в быту. Казахи воочию могли

¹ В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925, стр. 250.

убедиться в преимуществах оседлого образа жизни перед кочевым; земледелия — перед экстенсивным скотоводством; постоянных жилых домов — перед сезонными юртами и т. д. Казахи сами постепенно приобретают навыки в обработке земли, используя сельскохозяйственные орудия русских (соху, борону, плуг и др.). Для скота некоторые из них стали заготавливать сено, иногда для этой цели нанимая русских косцов. В степи возникают постоянные зимовки: глинобитные и деревянные дома с дворовыми постройками.

В 50—70-х годах происходит усиленная разведка недр Казахстана с целью обнаружения полезных ископаемых. На базе разведанных полезных ископаемых строятся небольшие предприятия по добыче золота, угля и др. Эти маломощные, технически слабо оснащенные предприятия служили целям хищнической добычи и обогащения русских, а затем и иностранных капиталистов. В степи появляются предприятия по первичной обработке продукции скотоводства: кожевенные заводы, шерстомоечные предприятия, маслозаводы и др.

На этих карликовых капиталистических предприятиях за бесценок использовался труд кочевников. Так появляются в зародыше национальные кадры казахского пролетариата.

Перед тяжелой капиталистической эксплуатацией были равны и русские рабочие и казахские пролетарии. Совместный труд научил их совместным выступлениям против общего классового врага: казахские рабочие под руководством своих русских товарищей постепенно готовятся к классовым битвам в грядущем.

Бывшие кочевники привыкают к необычной жизни первых городов, появившихся в степи: Оренбурга, Павлодара, Петропавловска, Кокчетова, Семипалатинска и других, — и сами становятся горожанами.

С ростом городов в Казахстане развивается и торговля в степи: города становятся не только очагами капиталистических предприятий, но и центрами торговли. В них происходят грандиозные сезонные ярмарки, на которые съезжаются акулы купечества центральных городов России, а также Ташкента, Коканда, Бухары и др. На этих ярмарках казахи приобретают предметы первой необходимости, а также получают возможность для развлечения: на ярмарках выступают местные и приезжие «ско-

морохи», певцы-импровизаторы, сказители, устраиваются скачки и бега.

Торговые связи России с Казахстаном и со странами Средней Азии в 50—70-х годах XIX столетия стали еще более успешно развиваться, чему благоприятствовали существовавшие караванные тракты через казахские степи между Оренбургом, Петропавловском, Астраханью и торговыми центрами Средней Азии. Последняя имела установившиеся веками торговые связи с Персией, Китаем, Афганистаном, с одной стороны, Россией и Казахстаном — с другой.

Средняя Азия на рынки России и Казахстана поставляла шерсть, хлопок, сухие фрукты, пряности. Казахстан же русский рынок обеспечивал скотом и продуктами скотоводства. Россия вывозила в Казахстан и Среднюю Азию многочисленные предметы, среди них изделия из железа (топоры, котлы и пр.), табак, хлопчатобумажные ткани и т. д.

О размахе торговли России с Казахстаном и Средней Азией остались данные и в литературе. Так, венгерский ученый Вамбери писал, что в Средней Азии и Казахстане «нет ни одного дома, ни одной палатки... где бы не встречалось какого-нибудь русского изделия».

Проникновение капитализма в Казахстан способствовало более быстрому и резкому расслоению границ между различными классами казахского общества. В казахских степях никогда не было единства между угнетенными и угнетателями, между ними существовали непримиримые противоречия. Эти противоречия особенно усугубились в период усиленного проникновения российского капитализма в казахскую степь, когда казахские крестьяне — шаруа оказались под двойным жестоким гнетом: «своих» феодалов-баев и царской администрации.

Одним из выражений растущих противоречий между классами казахского общества явился систематический уход бедняков — кедеев из родных аулов в казачьи станицы, русские села и города, где они нанимались в качестве батраков к купцам и кулакам или рабочими на капиталистические предприятия.

Процесс присоединения Казахстана к России сопровождался глубокими и широкими изменениями в социально-экономической, культурной и политической жизни

казахского народа. Царизм считал Казахстан одной из окраинных колоний империи и произвольно провел здесь административно-политическое деление, создал бюрократический военно-административный аппарат по управлению краем.

В 1868 году правительство издало «Положение» по управлению большей частью Казахстана. Территория края была разделена между тремя генерал-губернаторствами: Оренбургским, Западно-Сибирским и Туркестанским.

Новое административно-политическое деление Казахстана способствовало разрушению основ существовавших издревле родо-племенных отношений, облегчало распад сложившихся патриархально-феодальных союзов и объединений. Вся полнота власти в областях и уездах края перешла в руки царских чиновников. Под контролем последних находилась деятельность волостных правителей и аульных старшин из казахов, преимущественно из феодальной знати.

Однако, несмотря на бюрократический характер управления царского аппарата, новое административное деление ликвидировало базу постоянных феодальных междоусобиц, набегов, барымты, разорявших казахских трудящихся.

Согласно «Положению» 1868 года, казахская земля считалась собственностью государства, что давало основание для широкого заселения края русскими крестьянами.

С появлением русских крестьян-переселенцев в казахских степях расширяется земледелие, к которому постепенно приобщается и местное население. Если земледелием вначале занимались бедняки-джатаки, не имевшие возможности кочевать, то впоследствии земледелие привлекает внимание середняков и баев. Последние используют наемный труд батраков. Позже казахские баи начинают вывозить излишки хлеба на внутренние рынки Казахстана и России.

В рассматриваемый период (1800—1868 гг.) интерес к Казахстану и его населению все больше возрастает в русской литературе и науке, в русском обществе в целом. Этот все возрастающий интерес и внимание теснейшим образом связаны с процессом вовлечения Казахстана в орбиту российских государственно-политических

и культурно-экономических устремлений, совпадавших со стремлениями наиболее прогрессивных и политически дальновидных казахских деятелей. Не случайно, что литературные материалы о Казахстане стали чаще появляться на страницах русской печати в 20—60-х годах XIX столетия, когда и в экономике степного края происходят важные изменения, связанные с проникновением в хозяйство кочевников товарно-денежных отношений, когда и в политической жизни Казахстана эти годы ознаменовались ликвидацией ханской власти в казахских жузах. Вполне естественно и закономерно, что все это в совокупности вызвало усиливающийся интерес к новым землям, к новым возможностям для молодого, бурно развивающегося российского капитала — отсюда появление большого количества очерков и научных описаний Казахстана и отражение этого интереса в художественной литературе и журналистике России. В этом отношении весьма характерен так называемый «киргизский» эпизод в романе «Иван Выжигин» Ф. Булгарина, писателя, который был верным приказчиком социального заказа русской буржуазии и весьма чутко реагировал на политический барометр страны.

В 30—70-х годах XIX века Казахстан и его народ в русской научной и художественной литературе и журналистике получают реалистическое отражение, постепенно вытеснявшее романтическое любовное изображение казахской экзотикой. В этом смысле весьма интересны казахские мотивы в русских повестях и поэмах Т. Г. Шевченко, который, пожалуй, одним из первых в русской литературе стал на путь реалистического изображения казахской степи, вместо традиционного экзотического штампа.

Если в 30-е годы XVIII века казахская тематика начинает входить робкими шагами в русскую журналистику и литературу, то в 30—70-е годы XIX столетия она занимает постоянное место на страницах печати России, привлекает все большее, все растущее внимание широкого круга русской общественности.

В 60-е годы XIX века в основном завершается период присоединения Казахстана к России, что открывает новые широкие возможности для улучшения и развития социально-экономических и культурных связей двух народов в рамках единого государства. Отныне, с 60-х го-

дов, судьба всего казахского народа навечно связана с судьбой русского народа.

Не будет преувеличением утверждение, что почти во всех журналах и газетах России, особенно 50—70-х годов, печатались весьма разнообразные материалы (занимательные очерки, коротенькие сообщения или обстоятельные корреспонденции) о казахском народе, о Казахстане. Однако в этих материалах следует различать и классовую сущность взгляда исследователей.

В соответствии с учением В. И. Ленина о наличии двух культур в каждой национальной культуре в классовом обществе и в России рассматриваемого периода XIX века существовали две культуры, в частности, имелось два взгляда в подходе к изучению, исследованию и описанию Казахстана, жизни и быта казахского народа.

Великие русские революционеры-демократы Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов возглавляли лагерь демократической русской печати, на страницах которой публиковались материалы о казахах и Казахстане с позиции гуманизма и демократизма, с позиции искренней веры в светлое будущее казахского народа.

Другой лагерь, лагерь реакционной, процаристской печати в публикуемых материалах рассматривал казахов лишь как «диких инородцев» и звал к вечному сохранению отсталости края, воспевал ее мнимое «патриархальное приволье», противопоставляя последнее «пагубному» влиянию цивилизации и культуры... Такой взгляд, в частности, проповедовал реакционер Ф. Булгарин.

Среди первых исследователей Казахстана встречаются имена не только отдельных чиновников из состава колониальной администрации, но и известных русских ученых и путешественников, а также иностранцев-востоковедов и, наконец, первых казахских ученых, воспитанников русских школ (Ч. Ч. Валиханов и др.).

Естественно, что характер опубликованных материалов по Казахстану и о жизни казахского народа определяется не только содержанием фактического материала исследователя, но и общим политическим направлением журнала, а также мировоззрением автора.

В материалах, публикуемых в весьма немногочисленных прогрессивных, демократических журналах России

середины XIX века, ясно ощутимо бережное и дружеское отношение к кочевым народам государства, вера в лучшее будущее, в торжество идей братского содружества русского и других народов.

На страницах прогрессивной печати поднимаются вопросы о необходимости глубокого изучения жизни, быта, обычаев и нравов народов окраин; поощряются экспедиции с целью изучения их земель. Внимание читающей публики России обращается не на экзотику и «приволье», а на бедность и отсталость кочевых народов, на необходимость улучшения их жизни путем расширения торговли и проведения других гуманистических, демократических мероприятий.

Таким образом, политико-экономические и культурные связи России и Казахстана в течение 1800—1868 годов XIX столетия становятся все более тесными. Завершившийся в 60-х годах процесс присоединения Казахстана к России имел огромное прогрессивное значение для казахского народа. Отныне многогранная и многообразная жизнь его и земля становятся объектами не только хищнической эксплуатации русской буржуазии, царской администрации, но они привлекают внимание и вызывают сочувствие широких кругов демократической общественности России. Последнее нашло отражение на страницах русской литературы и журналистики 1800—1868 годов.

КАЗАХСТАН В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ЖУРНАЛИСТИКЕ НАЧАЛА XIX ВЕКА

К началу XIX века Казахстан в целом, Младший жуз в особенности переживал исключительно острый период своей истории: вспыхнуло восстание Срыма Датова, усилилась борьба за власть между отдельными правителями (ханом Айчуваком и султаном Каратаем). Ввиду обострения отношений местного населения с пограничной русской администрацией значительная часть казахов переселилась в южные районы Младшего жуза, где переселенцы вынуждены были потеснить своих сородичей. Земли не хватало, лучшие угодья находились в руках крупных феодалов. Из-за нехватки пастбищ чаще стали возникать межродовые распри. Часть разорившихся казахов начала переходить к оседлому образу жизни; патриархально-родовой строй стал постепенно разлагаться.

В это время Россия переживала либеральную пору первых лет царствования Александра I. В частности, правительство вынуждено было признать, что поводом к неурядицам в степи явились беспричинные действия («воинские поиски») против казахов со стороны пограничных начальников.

Поэтому в своем указе на имя Оренбургского губернатора от 11 февраля 1803 года Александр I категорически запретил применение военной силы для усмирения казахов и рекомендовал в отношении их принимать более мягкие меры, проявляя и «справедливость и ласковость»¹.

¹ «Труды Общества по изучению Казахстана», т. 7, вып. 2, Қзыл-Орда, 1926, стр. 20.

На основании этого указа губернатор Оренбургского края Волконский отказал в просьбе хана Младшего жуза Айчувака и султана Каратая прислать карательные отряды в степь.

Царское правительство еще при Екатерине II стремилось привить казахам оседлый образ жизни. Это стремление правительства по известным причинам не имело успеха. Для того времени такой крутой поворот в образе жизни коренного населения не соответствовал формам казахского кочевого хозяйства. К тому же средства на постройку жилых домов царским правительством не отпускались.

Напряженное положение наблюдалось в Среднем жузе, где после смерти хана Аблая между его сыновьями началась борьба за власть. Царское правительство использовало это обстоятельство для окончательного присоединения Среднего жуза к России. Часть казахов Среднего жуза, разоренная феодальными войнами, сама искала убежища близ русских крепостей.

Характер непосредственных сношений русских с казахами стал с каждым годом улучшаться. С момента основания ряда русских крепостей на территории Казахстана торговые караваны могли уже с большей безопасностью проходить по степи. Посланцы России чаще стали приезжать в Казахстан, а казахи — в пограничные укрепления. Это сближение способствовало более тесному ознакомлению русских с казахской землей. Исследования, сделанные в начале XVIII века путешественниками Рычковым и Фишером, Миллером и другими, стали дополняться новыми данными по Казахстану.

Как отмечалось выше, первые десятилетия XIX века характеризуются значительным обострением отношений как между казахскими народными массами и местными феодалами, так и между казахским населением и самодержавием. Царское правительство стремилось во что бы то ни стало ускорить процесс вовлечения степи в орбиту социально-экономического развития России. Ставленник его в Младшем жузе хан Айчувак был стар и не оправдал доверия царизма, поэтому он был смещен. На его место поставили хана Каратая, который также «не оправдал доверия». И только грозные события 1812 года отвлекли внимание правительства от казахской степи. Назначение нового хана было приостановлено.

Влияние самодержавия в степи постепенно ослабело. Это не могло не отразиться и на ходе исследовательских работ по Казахстану. В частности, экспедиции, направляемые в Казахстан и Среднюю Азию, нередко захватывались в плен на полпути. Показательна в этом отношении история экспедиции во главе с доктором Саввой Большим.

Записки Саввы Большого о казахах

В 1802 году по велению императора в Бухарию была снаряжена экспедиция в составе Саввы Большого, Якова Гавердовского, И. Богдановича и др.

15 января 1803 года экспедиция выехала из Санкт-Петербурга в направлении Москва — Владимир — Нижний Новгород — Казань — Оренбург. В Оренбурге к экспедиции присоединились переводчики, а также довольно большой купеческий караван (свыше 100 навьюченных верблюдов с подарками для Бухарского, Хивинского и Кабульского ханов, а также с хронометрами, барометрами и термометрами, ящиком с лекарствами и пр.).

В конце июля 1803 года караван-экспедиция подверглась нападению отряда султана Абулгазы Каипова. Савва Большой был взят в плен неким Алтын-Бай-Хулюком. Последний жестоко издевался над пленным доктором: то держал у горла лежащего Саввы нож, то начинал его засыпать песком.

Пока совершался переход грабителей в свои «улусы», Савва-пленник переходил от одного хозяина к другому.

Савва Большой иронически пишет, что все вещи экспедиции, в том числе барометр, термометр и другие инструменты, были «справедливо» разделены между всеми грабителями путем деления их на мелкие части...

Наконец пленник был доставлен в аул, принадлежавший роду телеу (телеу.— К. К.), расположенный на берегу Сыр-Дарьи. Его появление вызвало чрезвычайное любопытство аулчан. Здесь пленник прожил четыре месяца. В его обязанности входили: заготовка и рубка дров, обеспечение семьи водой, чистка территории от навоза и т. д. Кормили доктора пшенной кашей («кара куже» — пишет С. Большой), горстью просяной мякины («талкан»), которую пленник кушал, смешав с водой, под окрики хозяев: «бұлгап-бұлгап жіі», то есть

«ешь, смѣшав-смѣшав». В качестве напитка пленнику предлагался «шалап» — кислое молоко с водой.

Затем пленник попал к султану Абулгазы Каипову, богатство которого «состояло тогда в осьми дойных овцах, двух коровах, трех или четырех верблюдах и одной лошади...». Савва прожил у султана 5 месяцев. Вскоре Каипов уехал воевать с каракалпаками, где затем стал ханом...

Некоторые казахи, узнав, что Савва русский доктор, выпрашивали его у старшей султанской супруги Бисай, чтобы посмотреть больного. Только приедет в аул доктор, как и здоровые и больные все поголовно приходят к нему и протягивают руки, говоря: «тамбрум ста!» (пощупай пульс). После того доктор должен отгадывать, здоров или болен его пациент.

Казахи называли С. Большого Саба, Сабабай, Саббафака, Сабетники, Даргир, а некоторые — Иван или капер (безбожник немагометанин) и пр. В целом русский врач пользовался большим уважением у населения.

Не имея ни книг, ни бумаги, часто С. Большой вынужден был вести необходимые записи очиненным тростником на бараньих лопатках и других костях или вырезывал слова на камнях. Вместо чернил он употреблял сок акткеновых ягод. Записки эти он глубоко зарывал в песок, думая, что если умрет в степи, то, может быть, со временем они кому-нибудь и попадутся.

После своего освобождения из плена С. Большой добирается до Оренбурга, а оттуда возвращается в Санкт-Петербург, где и издает свои записки¹.

В них С. Большой дал весьма интересное описание своего маршрута до плена, а также при возвращении на родину. Он называет многие реки, горы, пески и т. д., которые встречались на его пути в Казахстане. Так, он отметил наличие «цветной яшмы и сердоликов» в долине реки Ори.

О хозяйстве казахов С. Большой сообщает следующее: «В киргизской промышленности первое место занимает скотоводство... Звериная и рыбная ловли суть побочные упражнения киргизцев, и производятся только для забавы. На звериный промысел ходят они с просты-

¹ Записки Саввы Большого были опубликованы в 1822 году в журнале «Сын Отечества» (1822, ч. 76, №№ 11, 12, 14; ч. 77, № 15; ч. 80, № 35).

ми своими собаками, с учеными беркутами и карагушами (вероятно, каршыга — сокол.— К. К.), бьют стрелами из лука и пулями из ружей и проч.».

У казахов, отмечает автор, есть скорняки и кожевники, сапожники и портные, слесари и кузнецы, серебряники («зергир») и плотники, но все они не слишком искусные мастера.

С сожалением отмечает автор, что лишь незначительная часть казахов «весной при удобных местах в земледелии... упражняется». Интересно, что в 1804 году пленник засеял «при реке Сыре... табак», так как казахи очень любят табак для нюхания...

Местами торговли казахов, по С. Большому, являются Оренбург, а также Орская и Троицкая крепости, куда доставляется скот и некоторые домашние изделия.

В своих «Записках» С. Большой подробно описал предметы кочевого быта казахов, давая довольно точные переводы названий их: котел — «казан», чашка — «аяк», ложка — «касу» и т. д. Им приведены материалы по характеристике питания и пищевых продуктов казахов. Перечислены основные атрибуты национальной одежды (шуба — «тон», сапоги — «итык», зипун — «чакмен» и т. д.).

Автор сообщает, что у казахов нет ни школ, ни мечетей. На вопрос С. Большого, почему казахи не обучаются грамоте, знатнейший и богатейший Алималинский рода... старшина Тархман Каракубек-бий отвечал: «Чтоб этакую глупостью заниматься и ломать себе голову, есть муллы, которые что надобно прочтут и напишут»¹.

Это замечание С. Большого свидетельствует не только о невежестве, но и о самодурстве бия.

На свой вопрос, почему у казахов не видно мечетей, Савва Большой получил весьма своеобразный, но довольно красноречивый ответ от своего спутника Саина Каратамора: он показал на пустыню, а затем, «слезши с лошади... преклонив колена, вознес молитву...— вот тебе и мечеть!»— говорила вся молчаливая инсценировка, ловко произведенная спутником пленного доктора.

С. Большой писал, что исчисление времени казахи ведут по лунному течению, полагая на каждый месяц по тридцать дней. И хотя астрономические познания их

¹ «Сын Отечества», 1822, ч. 80, № 35, стр. 29.

весьма невелики, но всякий казах твердо знает полярную звезду («Темир казых») и некоторые созвездия.

Доктор отмечает музыкальную одаренность казахов и их любовь к песне. «Природное стихотворство и красноречие киргизцев весьма любопытны,— пишет автор.— Хороший песенник искусно вкладывает в свою песню довольно длинную речь или отборные стихи, которые поет или говорит без всякого приготовления»¹.

О музыкальных инструментах казахов С. Большой писал, что они (дудка — «сыбызгы», балалайка — «домбра», гудок — «кобыз» и др.) используются («отличаются») скоморохами и лекарями...

Записки Саввы Большого ценны своей достоверностью, а также обилием тех деталей в описании обычаев, быта и т. д., которые очень оживляют историческую ткань материала, имеющего почти полуторавсковую давность. Необходимо также отметить, что в записях его сохранилось довольно значительное количество казахских слов, впервые введенных в русскую литературу в почти правильном правописании и транскрипции. Видимо, сам пленник прекрасно знал казахский язык.

Казахстан в «Описании России» Е. Ф. Зябловского

Вопросы торговли с Казахстаном очень интересовали самодержавие. На эту тему большую работу выполнил профессор Санкт-Петербургского университета Евдоким Филиппович Зябловский. Еще будучи учителем в Сибири, Е. Ф. Зябловский на собственные скудные средства совершал поездки по разным провинциям страны, составляя описания их. В 1808 году в Санкт-Петербурге выходит в свет его книга «Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии» в пяти частях. Во второй книге Е. Ф. Зябловский выделил главу «Сухопутная внешняя торговля с Бухариею, Киргизскою ордою и Хивою».

Труд Е. Ф. Зябловского содержит некоторые ценные данные о характере обмена товарами между российскими купцами и народами Средней Азии и Казахстана. Автор указывает, что этот обмен был неравноценным, не-

¹ «Сын Отечества», 1822, № 35, стр. 53—54.

равноправным и торговля носила характер неприкрытого грабежа со стороны русской буржуазии.

Но, несмотря на это, как показывает изучение и исследование многочисленных исторических, архивных, литературных и других источников, дружеские сношения между русским и казахским населением с каждым годом все больше развивались, крепили культурно-экономические связи между ними. Русские люди уже стали появляться в качестве желанных званных гостей у казахского населения, а чиновники администрации — у ханов, султанов и др.

Простые казахи особенно сердечно приветствовали русских ученых, путешественников, исследователей.

Очерки Н. Мамышева о жизни и быте казахов

Одним из исследователей казахской степи был Николай Родионович Мамышев¹. Пребывание его в гостях у казахов имело следствием появление в 1809 году в печати очерка «Прием и угощение у киргизов». В нем автор описывает особенности приема и своеобразного угощения у одного из казахских султанов.

Султанами, пишет Н. Р. Мамышев, называются все, иногда и очень небольшие владельцы, а также ханские родственники, власть которых весьма ограничена. Они, эти султаны, походят с этой стороны на малороссийских помещиков, владеющих некрепостными людьми, так называемыми подданными, которые всегда от господ своих отойти могут... Некий драгунский капитан, стоявший со своим эскадроном на одном линейном форпосте, узнавши о приезде его светлости казахского султана, захотел сделать ему визит.

За две или за три версты от коша (войлочного казахского лагеря) встретили русского офицера приближенные султана, прося от его имени остановиться на малое время со всею своею свитой.² Наконец капитан прибыл

¹ Н. Р. Мамышев (1777—1840 гг.) — воспитанник горного училища, впоследствии горный начальник Камско-Боткинского и Горноблагодатских заводов. Обербергмейстер Н. Р. Мамышев доказал существование некоторых редких металлов в горах Урала.

² «Вестник Европы», 1809, ч. 44, № 8, стр. 271—272. В год опубликования очерка Н. Мамышева редактором «Вестника Европы» был известный поэт В. А. Жуковский.

и сел саженьях в двадцати пяти от султана. Когда все приготовления к обеду были закончены, то по обеим сторонам дороги, по которой надлежало носить кушанье, от султанской юрты и до самой кухни вытянулись два частых строя казахов. Это верх пышности — и чем богаче и роскошнее хозяин, тем далее от своей юрты становят кухню, тем более поставляется столовых служителей...

В знак своего особенного благоволения, пишет Н. Р. Мамышев, султан подзывал к себе придворных и других чиновников, которые подходили к нему с благоговением, сложив на груди крестообразно руки, разевали как можно шире свои рты, а его «многомочие» брал с тарелки по щепотке мясо и благосклонно раскладывал по оным свои порции. «Облагодетельствованные» приближенные отходили от султана с раздутыми щеками и с величайшим подобострастием... старались проглотить султанскую подачку.

В апрельском номере журнала «Вестник Европы» за 1809 год появился второй очерк Н. Р. Мамышева «Пристрастие сибиряков к конским скачкам»¹.

Характеризуя «пристрастие» казахов и сибирских казаков к конским скачкам, автор подчеркивает, что просвещенная Англия, которая славится своими конскими скачками, должна уступить пальму первенства Сибири и Казахстану по крепости и выносливости лошадей. «Таковы же в ней и люди», — замечает автор.

Очерки Н. Р. Мамышева представляют большой интерес как с точки зрения реального изображения быта и нравов казахов, так и по характеру литературного изложения материала.

Казахи в «Статистическом обозрении Сибири» М. Н. Баккаревича

В 1810 году вышла в свет книга М. Н. Баккаревича «Статистическое обозрение Сибири...»². Она состоит из двух частей: в первой дано описание «естественного состояния» Сибири, в том числе и Казахстана (указаны моря, реки, озера, горы, степи, флора и фауна, полезные

¹ «Вестник Европы», 1809, № 7, стр. 168—170.

² М. Н. Баккаревич. Статистическое обозрение Сибири, составленное на основании сведений, почерпнутых из актов правительства и других достоверных источников. Спб., 1810.

ископаемые и пр.); во второй приведены материалы по «нравственному, гражданскому или политическому» состоянию Сибири и Казахстана.

Автор отмечает распределение казахов на три «орды» и указывает, что живут они «в пространнх степях между Уралом и Иртышом».

Баккаревич подчеркивает, что Россия не имела союза с Большой казахской ордой, хотя Малая и Средняя орды с 1738 — 1739 годов «состоят некоторым образом в подданстве России» и «в залог верности своей посылают в разные пограничные города по несколько молодых своих людей из княжеского или другого знатного рода».

Останавливаясь на взаимоотношениях России с казахами, автор указывает, что «народ сей состоит больше под покровительством, а не в подданстве России; и почти не принадлежит к народам сибирским». «Киргизцы, вероятно, названы так по имени своего родоначальника», — замечает М. Н. Баккаревич. Он ссылается на народные предания казахов об их происхождении от «ногайских татар». Но автор приводит и другое мнение: «Некоторые же почитают их потомками монголов». Как бы то ни было, только о происхождении казахского народа ничего верного сказать автор не может, тем более, что и самое название народа стало известно в Европе «не прежде покорения Сибири российским оружием». Однако, основываясь на сходстве «языка киргизцев с языком татар», автор «с довольною вероятностью» предполагает, что казахи «татарской породы».

М. Н. Баккаревич дает следующую общую характеристику народам, отнесенным им к «татарским», в том числе и казахам: из татар редко кто бывает ростом очень велик; они по большей части худощавы, лицами продолговаты и на вид здоровы. Вообще сложение недурное. Они проворны, весьма метко бьют из лука и храбрые наездники. Они честолюбивы, горды, ума не дального, не ленивы, но любят покоиться; те из них, кои исповедуют магометанский закон, трезвы, умеренны и соблюдают чистоту.

Язык «турукский», или турецкий, туркестанский. Употребляют арабские буквы. Обряды совершаются на арабском языке, «хотя и редкие его понимают». «Браки, погребение мертвых и вообще все духовные требы отправляются у них сообразно предписанию Алькорана.

Впрочем за жен они дают калым, то есть плату, состоящую в скоте, деньгах и одежде, и от 20 рублей простирающуюся иногда, считая все на деньги, до 500 рублей».

Хотя труд М. Н. Баккаревича по истории Сибири и не посвящен специально Казахстану, тем не менее в нем содержатся полезные материалы по отдельным вопросам русско-казахского политического, экономического и культурного взаимоотношения. Правда, многие высказывания автора не отличаются оригинальностью и свежестью.

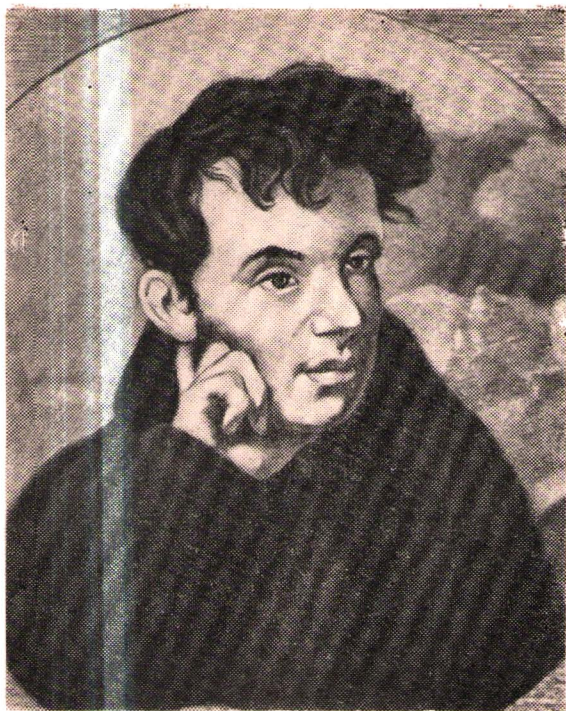
Однако даже краткое изложение сведений о казахах, сделанное нами на основании исследования ряда источников, свидетельствует о нарастании интереса у русских ученых, путешественников и администраторов не только к богатству края, к возможностям торговых и политических сношений и влияний, но и о стремлении изучать быт и нравы казахского народа, его прошлую историю, установить происхождение казахов, определить характер их языка с точки зрения законов лингвистики.

Можно утверждать, что первоначальные представления русских исследователей, основанные на отрывочных сведениях иностранных авторов, а также на материалах кратковременных пребываний в казахской степи русских людей, постепенно приобретали характер объективных, реальных описаний. Это, в частности, можно видеть и из работы Баккаревича о происхождении казахов.

* * *

«В последние годы XVIII века произошел великий переворот во всех воззрениях на историю человеческой цивилизации,— писали в 1810 году авторы петербургского «Проекта Азиатской Академии».— Восток, представленный до тех пор лживыми рассказами нескольких авантюристов и запыленными рукописями горстки ученых, был единодушно признан колыбелью всей цивилизации мира. Случайными причинами такой «реабилитации» были успехи англичан в Индии, завоевание священного языка браминов — творений Зороастра, исследования библии немецкими учеными и учреждение Азиатского общества в Калькутте».

Интерес к Востоку получает заметный отклик и среди ученых России. Ими была подсказана правительству мысль о создании специального учреждения по изучению

В. А. Жуковский (1783—1852 гг.), выдающийся русский поэт, автор проекта Азиатской Академии
Гравюра Ф. Вендрамини с портрета О. А. Кипренского (1817 г.).

Средней Азии и Казахстана в целом. Возникла идея создания в России Азиатской Академии. «Проект Азиатской Академии» был опубликован В. А. Жуковским в «Вестнике Европы»¹. В это же время в Санкт-Петербурге была напечатана французская книга «Project d'une Académie Asiatique», которую перевел В. А. Жуковский.

В своем предисловии В. А. Жуковский писал, что читатели «Вестника Европы» останутся благодарными за перевод этого сочинения, в котором они заметят многие важные мысли. «Остается нам пожелать, чтобы

¹ «Вестник Европы», 1811, ч. 55, № 1, стр. 27—52, стр. 96—114. Подпись в конце статьи (В. Ж.) и указание Ольхина в его словаре.

в России заведена была Азиатская Академия, которой расположение соответствовало бы важности ее цели, а средства — величию Русской империи. И если наш легкий опыт обратит внимание правительства на тот великий предмет, который мы с некоторых сторон изобразить старались, то мы почтем намерение наше исполненным...»¹

Еще в 1804 году в ряде русских университетов были созданы кафедры восточных языков. Коллегия иностранных дел вырабатывает в 1806 году проект учреждения классов татарского, арабского и турецкого языков при Казанском университете, персидского, грузинского и армянского языков — при Тифлисском и, наконец, японского, китайского и маньчжурского языков — при Иркутском. В 1809 году выдвигается план образования при Казанском университете «Восточного училища» по образцу подобных учебных заведений, существовавших в Париже и Вене. В 1810 году в Санкт-Петербурге выходит «Проект Азиатской Академии». Главная роль в составлении его принадлежала молодому ориенталисту Клапроту, впоследствии знаменитому ученому с мировым именем.

Сухопутная граница необъятного протяжения, ставившая Россию в соприкосновение со многими народами Европы и Азии, в частности Востока, а также все растущие интересы огромного государства здесь должны были сочетаться с задачами просвещения и цивилизации. Поэтому не без основания «Вестник Европы» обращался к читающей публике: «Гордость Европы слишком долго пренебрегала Азией; теперь настало время дать лучшее направление этой гордости... чтобы открыть в них новые причины славы, а может быть и способы к распространению нового блеска. Дух изыскания был хорошо вознагражден за первые усилия свои, и нет причин отчаиваться в новых побздах; сие только изыскание может способствовать нам положить на основаниях твердых общее начертание успехов человеческого разума»².

Хотя проект Азиатской Академии и не получил реального осуществления, тем не менее, начиная с 1817 года, по настойчивой рекомендации виднейшего европейского

¹ «Вестник Европы», 1811, ч. 55, № 2, стр. 111.

² Там же, № 1, стр. 32.

ориенталиста, знаменитого ученого Сильвестра де Саси, в сановном Петербурге начинают преподавать арабский и персидский языки два его ученика — Деланж и Шармуа.

Таково было то общее положение в первые десятилетия XIX века, когда в русском обществе заметный резонанс получает движение в пользу изучения древнего Востока, колыбели человеческой цивилизации. Отсюда и острый интерес к восточным языкам и литературе. Одновременно в странах Востока была произведена серия археологических изысканий. Так, в 1800 году в Ташкент были посланы горные чиновники Бурнашев и Поспелов. В 1823 году снаряжается сухопутная экспедиция полковника русской армии Берга для осмотра и изучения побережий Аральского и Каспийского морей (ставилась задача определить возможности постоянного судоходства на них и др.). Десятилетием раньше, в 1813 году Назаров и в 1819 году Н. Муравьев предприняли аналогичные исследования некоторых пунктов казахской степи, стремясь доставить правительству необходимые разведывательные данные. Таким образом, любознательность ученых и путешественников невольно подготавливает основы будущих военных кампаний. И в этом смысле весьма характерно новое явление в науке: появление прежде неизвестного термина — «ученые трофеи»... Первыми «учеными трофеями», доставленными в результате персидской и турецкой кампаний в Санкт-Петербург, были богатейшие библиотеки из Ардебилля и Ахалцыха. Видную роль в сохранении и доставке уникальных книжных фондов сыграл О. Сенковский¹.

Естественно, что казахская степь в этот период стала исследоваться значительно шире и более детально, чем в XVIII веке. Так, уже в 1815 году в Казахстан была направлена новая крупная по тому времени экспедиция во главе со штабс-капитаном Гене, маркшейдером Германом, шихмейстром Меньгениным, которая должна была вести разведку недр в казахских степях. Участники экспедиции обратили внимание и на ранее известные в русской литературе факты из жизни казахского народа, на деление казахов на три «орды», каждая из которых, в свою очередь, подразделяется на многие роды или

¹ Сб. «Литературное наследство», М., 1941, т. 1, № 43—44.

поколения и т. д. Наряду с этим участники экспедиции отметили любовь кочевников к импровизации, поэзии и музыке. Так, один из провожатых казахов рассказывал о своих «несчастьях... насильстве и хищении кипчаков (крупное родо-племенное объединение, вошедшее в состав казахского и других народов Средней Азии) длинную повесть некоторого рода стихами, которые пел он всякому, кто хотел слушать, когда он был в таком расположении, то и на всякий вопрос отвечал также стихами и пением. Такое явление в обычаях народа, почти полудикого, конечно, не позволяет сделать ни малейшего сравнения с известными итальянскими импровизаторами, но может быть доказывает врожденную всем народам чувствительность к красоте поэзии и музыки»¹.

Таким образом, русские исследователи стремились охватить различные стороны жизни кочевников, понять духовные интересы казахского народа.

Очерк А. Д. Боровкова «Поездка на Илецкую Защиту»

Не раз восхищала русских исследователей казахская земля своими несметными богатствами недр, своими безграничными просторами. Так, автор очерка «Поездка на Илецкую Защиту» А. Д. Боровков² с восхищением писал о величии беспредельной степи, где природа представляла перед взорами путешественника в своей ностронутый, дикой красе. Вот как передает свои впечатления автор очерка: «Светило дня сокрылося, густой мрак распростерся над поверхностью земли, я простился и с киргизцами и с неисчерпаемым соляным хранилищем. Не знаю, какое-то предчувствие уверяло меня, что настанет время, когда сии дикие уединенные места будут заселены по-европейски, что на обширных степях киргиз-кайсаков возвысятся города великолепные, и народы стран сих получат не только образование, но и просвещение — просвещение, прочих созданий, на земле обитающих.

¹ «Вестник Европы», 1816, ч. 88, стр. 303.

² Александр Дмитриевич Боровков основал в 1816 году в Санкт-Петербурге «Общество любителей российской словесности», которое с 1817 года предприняло издание журнала «Соревнователь просвещения и благотворения». Первым редактором журнала был А. Д. Боровков.

Мечта! Мечта! — скажут многие; но мечта сия восхитила душу любопытного странника, довольного совершением им поездкою»¹.

Мечта русского путешественника не могла осуществиться в период самодержавия, которое было заинтересовано в закабалении народов, а не в просвещении их. Мечта путешественника, вместе с тем и мечта казахского народа, сбылась почти ровно через сто лет, после свершения Великой Октябрьской социалистической революции.

Очерки Г. И. Спасского и И. П. Шангина

Интересные сведения о Казахстане содержатся и в журнале «Сибирский вестник» (1818—1825 гг.). С первого года издания в нем появляются статьи и материалы о быте «инородцев»-казахов, а также ряд рассказов о народах стран, сопредельных с Сибирью. Издателем журнала был известный историк Сибири, по образованию горный инженер Г. И. Спасский.

В первой части «Сибирского вестника» Г. И. Спасский поместил очерк «Пример великодушия и человеколюбия»², в котором описывается следующее событие. На правом берегу реки Иртыша близ Усть-Каменогорской крепости была расположена деревня Глубокая. В 1802 году против этой деревни, на левом берегу по течению Иртыша, зимовали семьи казахов в трех юртах, не принявших русского подданства. Во время половодья казахи в страхе оставили свои юрты и имущество и удалились на возвышенность, которая не была занята водою; однако же и это место вскоре сделалось ненадежным. Вода беспрестанно прибывала, несчастные кочевники не имели лодки, и никто из них не умел плавать, и казалось, что гибель их была неизбежна. Крестьянин Федор Макаров, житель деревни Глубокой, услышав крики о помощи, вместе с другими крестьянами едет выручать тонущих. Лишь только казахи услышали призывающий их голос, они тотчас бросились к лодкам...

Рассказ Г. И. Спасского говорит о том, как простой

¹ «Соревнователь просвещения и благотворения», Спб., 1819, № 1, стр. 37—38.

² «Сибирский вестник», Спб., 1818, ч. 1, отдел «Смесь», стр. 285—289.

народ был дружен между собою, независимо от национальной принадлежности. Приведенный факт — яркое свидетельство духовной близости народных масс, быстро находивших общий язык. И взаимоотношения между простыми людьми разных народов были совсем иными, нежели между царской администрацией и коренным населением, которое страдало от переплетения грабежа царизма с гнетом местных феодалов. Следует также учесть, что и среди русских крестьян, селившихся в степи, было много беглых крепостных.

Первые русские переселенцы в казахских степях.

Крупной по объему и ценной по значению из собранных материалов является работа Г. И. Спасского «Извлечение из описания экспедиции, бывшей в киргизской степи в 1816 году»¹.

Издатель Г. И. Спасский получил материалы от командира экспедиции маркшейдера И. П. Шангина. Целью экспедиции было освидетельствование открытых в степи рудных приисков и измерение путей, ведущих к ним.

По распоряжению корпусного командира экспедиция должна была отправиться из крепости святого Петра (ныне Петропавловск) 1 мая 1816 года. Маркшейдер И. П. Шангин по приезде в Омск должен был немедленно отправиться в степь.

Так как экспедиция не имела ни точной географической карты, ни астрономических приборов для опреде-

¹ «Сибирский вестник», СПб., 1820, ч. IX, стр. 1—40; 41—70; 70—88; ч. XI, стр. 1—24.

ления широты и долготы мест, путешественники решили начать путь к назначенному руднику при озере Иманкуль из трех крепостей: Святого Петра, Пресновской и Пресногорской.

И. П. Шангин вел подробную запись о всех местах, которые он проезжал. Сколько ни старались сначала Шангин, потом майор Набоков, приехавший в степь после Шангина, открыть месторождение медных руд, им это не удалось осуществить.

Будучи в степи, И. П. Шангин интересовался происхождением того или иного названия гор. Описывая каждую из них, Шангин приводит иногда интересные данные. Так, гора Иман-Тау, прежде якобы называвшаяся Копчи («многосопочная»), приняла новое свое имя, по преданию казахов, по двум причинам. «Дуб» по-казахски называется «иман» (емен.— К. К.)... Небольшие дубовые деревья будто бы найдены были одним казахским старшиною на сей горе, среди соснового леса... срублены были и разделены по частям между народом для вечного хранения в семействах, в знак народного благополучия и свободы. Так думают и уверяют некоторые из казахов, у которых И. П. Шангин, кажется, действительно видел хранящиеся дубовые дощечки.

Однако всеобщее мнение об этой горе совсем другое: каждого россиянина, имеющего бороду, казахи прежде называли «имам», по имени магометанских духовных лиц, думая, что борода принадлежит одним только им. Однажды несколько казахов встретили у озера русского крестьянина, искавшего от них спасения в лесу близ горы Копчи. Казахи приняли крестьянина, якобы из-за его бороды, за духовное лицо и по неограниченной ненависти своей к закону христианскому и служителям его, возведя сего мнимого духовного, или «имама», на самую вершину горы, бросили оттуда на каменистую «подшву оной». В память сего происшествия как будто и названа упомянутая гора Иман-Тау.¹

И. П. Шангина восхищают удачные казахские названия рек, озер, гор, долин, лугов и равнин. Автор восклицает: «Какие приличные имена дают... удивительно!» Он приводит несколько примеров: «Гора Якши-янгыс-тау (в переводе — Одна из лучших гор) истинно прекрасна.

¹ «Сибирский вестник», 1820, ч. IX, стр. 26—27.

Какой живописный вид озера, с западного берега о скалы ея разбивающегося!

Какая прекрасная отдаленность гор, теряющихся в необозримой равнине, с вершины ея!»¹

В очерке «О древних развалинах в киргиз-кайсацкой степи»² Г. И. Спасский писал, что обширное пространство, называемое казахской степью, включает в своих пределах не только Аральское море, многие озера, реки, горы, пустыни («непроходимые пески»), но имеет также большое количество древних памятников гражданского искусства. Эти памятники свидетельствуют о простой пастушеской жизни казахского народа.

Путешественники находили развалины многолюдных городов, магометанских мечетей и идолопоклоннических капищ, а также остатки водопроводов, служивших для орошения пашен. В очерке «Замечания о древностях в киргиз-кайсацкой степи»³ сообщается, что эти развалины делятся на три рода: на остатки зданий, на развалины замков и крепостей и на земляные валы, на курганы, с принадлежащими к ним мавзолеями.

Некоторые сведения о суеверии казахов содержатся в очерке Г. И. Спасского «Путешествие по южным Алтайским горам в 1809 году»⁴. На берегу Иртыша путешественникам пришлось видеть два человеческих следа длиной один в пять, а другой в два с половиной вершка. Точность и соразмерность следов позволили принять их за обыкновенные человеческие отпечатки ног, хотя казахи якобы принимали их за адамов след...

По части естественной истории Г. И. Спасский сообщает данные, приведенные ранее его предшественниками: Г. Фишером, Г. Пандером, которым удалось найти в Казахстане новые разновидности птиц, животных, а также пресмыкающихся.⁵

В очерке «Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды»⁶, содержание которого заимствовано из рукописи капитана Андреева и из устных замечаний и со-

¹ «Сибирский вестник», 1820, ч. IX, стр. 34—35.

² «Сибирский вестник», 1818, ч. 3, т. IX, стр. 98—102.

³ «Сибирский вестник», 1822, ч. 20, стр. 141—148.

⁴ «Сибирский вестник», 1818, ч. 3, стр. 28—64.

⁵ «Сибирский вестник», 1823, ч. 1, стр. 1—8.

⁶ «Сибирский вестник», 1820, ч. IX, стр. 71—78; 79—110; 111—140; ч. 10, стр. 141—164; 165—172; 173—204.

общений П. К. Фролова, Г. И. Спасский приводит много сведений о музыке и песнях, сказках и былинах казахского народа.

Автор утверждает, что казахи очень любят разные забавы и увеселения, которые, однако же, большею частью просты и грубы. Конское ристание (скачки) или бег составляет одно из главнейших увеселений казахов, которое имеет место не только при свадьбе или каких-нибудь общественных и семейных праздниках, но на самых даже поминках, отправляемых по усопшим... При летних перекочевках девушки нередко занимаются также скачками на конях, соревнуясь с молодыми и холостыми мужчинами (сравните с материалами Н. Р. Мамышева: почти дословное повторение!).

Казахи, отмечает автор, имеют также и музыкальные инструменты, как струнный кобыз, величиною с обыкновенную скрипку, только без верхней доски, с натянутыми двумя волосяными струнами; на нем играют смычком «без всякой однако же приятности». Из духовых музыкальных инструментов Г. И. Спасский указал на «зыбызгу» (сыбызгы. — К. К.) — особый род дудки, которая делается из дерева или толстого травяного стебля, обвивается крепко ниткою и имеет несколько отверстий. Следует отметить, что автор не упоминает о казахской домбре — инструменте, наиболее широко распространенном в народе.

Г. И. Спасскому казалось, что казахи почти не имеют «складных» песен, а воспевают то, чем занимаются или на что смотрят; и «всякий из них импровизатор, хотя и не очень замысловатый». Это утверждение, конечно, не вполне соответствует истине.

Внимание автора привлекли казахские народные сказки с их обширными и иногда довольно замысловатыми сюжетами. «...Сколь ни просты сии произведения детского, так сказать, воображения, но они могут иногда служить к познанию нравственности и обычаев народных», — замечает он.¹

Материалы Г. И. Спасского о казахских музыкальных народных инструментах, песнях и сказках весьма ценны и интересны еще и потому, что это были одни из самых ранних сообщений в русской журналистике

¹ «Сибирский вестник», 1820, кн. 1, ч. 10, стр. 157—159.

и литературе начала XIX столетия. Однако суждения автора о крайней примитивности казахских музыкальных инструментов и напевов свидетельствуют о недостаточной компетентности его в этой специальной области человеческой культуры. Известно, что ряд казахских музыкальных произведений, в частности кюи-мелодии, сохранились до наших дней именно потому, что они имеют огромную эстетическую ценность. Кюи в старину обычно исполнялись на кобызе или домбре. Так, до наших дней дошли знаменитые кюи о жаворонке, защищающем своих птенцов от нападения змеи..., кюи легендарного Асан-Кайгы, в частности об «Аксак-Кулане», верном легендарном крылатом коне поэта. Красота музыкальной ткани старинных мелодий казахского народа неоспорима, о чем свидетельствует и глубокий интерес широкой публики к народным музыкальным произведениям.

Высказывание Г. И. Спасского об отсутствии содержания в казахских песнях не соответствует действительности. Как правило, казахские народные песни в сюжетном отношении чрезвычайно насыщены. Глубокую музыкальность их подчеркивает первый собиратель казахских песен А. Затаевич в своей книге «1 000 песен киргизского народа (напевы и мелодии)», вышедшей в Оренбурге в 1925 году.

Нельзя согласиться с утверждением автора, что казахи поют о том, что они видят перед собой. Можно допустить, что казахи — проводники экспедиции, от которых в основном Г. И. Спасский черпал свои впечатления о песнях неизвестного народа, могли не знать песен, а при изъявлении желания слушать их стали импровизировать, воспевая все окружающее.

Следует отметить, что Г. И. Спасским впервые в русской литературе была опубликована запись казахского варианта сказки об Едиге. В основе сюжета сказки лежит образ исторического Едиге, военачальника Золотой орды, который жил во второй половине XIV века при Токтамыше и Тимуре.

Записанная Г. И. Спасским сказка начинается так. Некий Сатимир-хан во время охоты находит мальчика. Его нарекают именем Едиге. Найденыш рос не по годам, а по часам и каждое утро приходил к своему названному отцу на поклон.

Хитроумная жена Сатимира советует мужу прове-

рить умственные способности «сына». Испытание Ёдиге началось с втыкания в платье хана булатной иглы. Когда утром пришел Едиге, хан, поднявшись с места, увидел переломленную иглу. В другой раз, когда пришел Едиге к хану, последний подал пиалу кумыса и спросил: «Как-ков кумыс?». Едиге ответил, что кумыс очень хорош, но от посуды идет какой-то дурной запах. В третий раз, когда мальчику подали катык (кислое молоко.— К. К.), то он разрезал его на четыре части и одну из этих частей съел. Это, по толкованию ханской жены, означало, что Едиге, став взрослым, изрубит род Сатимир-хана. Хану необходимо было избавиться от Едиге, и с этой целью он призвал для совета мудреца. Мудрец посоветовал устроить пир, напоить Едиге и убить его.

Для Едиге устроили пышное свадебное пиршество. Однако замыслу Сатимира помешали две его дочери Ханикей и Таникей, которые рассказали Едиге о готовящемся заговоре. Последний на пиру притворился пьяным и был унесен в соседнюю юрту. Оттуда Едиге бежал с помощью дочерей хана. Впоследствии Едиге женился и у него родился сын Ирбатыр. Выросши, Ирбатыр совершает набег на аул Сатимира. Предупрежденный о нападении Ирбатыра, Сатимир прячет в дупло дерева двух своих дочерей, а сам с женой находит пристанище... в шкуре ишака. Узнав об этом, Ирбатыр дерево и ишака привез домой. Хан с женой были умерщвлены, а дочери оставлены в живых.

Позарившись на пленниц, Едиге в отсутствие своего сына Ирбатыра женится на Ханикей и Таникей. Ирбатыр возмущен поступком отца и, горько заплакав, сказал: «Когда же будут сыты твои глаза?». После этих слов Едиге ослеп, а Ирбатыр отправился в поход, где и погиб.¹

Конец сказки свидетельствует о ненасытной жадности Едиге. Кроме легенды об Едиге и ряда других сообщений, Г. И. Спасский приводит и некоторые сведения из истории происхождения казахского народа, но они настолько фантастичны, что нет смысла передавать их.

Г. И. Спасский подробно описал и свадебные обряды казахского народа, хотя он ни слова не говорит о песнях, исполнявшихся при проводах невесты. Этот своеобраз-

¹ «Сибирский вестник», 1820, кн. 1, ч. 10, стр. 189—204.

разный род казахских песен сложился в древнейшие времена. Песни эти — «жар-жар» (друг-супруг), «беташар» (показ девушки), «сынсу» (плач невесты) — заунывные, полные тоски и печали, так как очень редко казахская девушка выходила замуж по своей воле: ее продавали и принуждали к неравному браку. Незавидной была и участь казахской женщины: придя в дом жениха, она становилась рабой новой семьи, и в случае смерти мужа она по закону левирата-амангерства (наследственная передача невесты одному из родственников мужа) переходила из одних рук в другие. Поэтому казахская девушка, уходя из родного дома, горько оплакивала свою будущую тяжелую жизнь.

В своих очерках Г. И. Спасский дает общую характеристику одежды и жилища казахов. Но более подробные материалы на эту тему были приведены его предшественниками (Н. П. Рычковым, Г. Миллером и др.), и Г. И. Спасский, по сути, не внес существенных дополнений, повторяя то, что уже было написано до него.¹

В 1818 году в «Сибирском вестнике» были помещены материалы экспедиции шихтмейстеров Бурнашева и Пospelова под названием «Путешествие от Сибирской линии до Ташкента и обратно в 1800 году».

«Путевые заметки» Бланкеннагеля

20-е годы XIX столетия характеризуются появлением новых литературных трудов и журнальных статей, посвященных жизни и быту казахского народа, описанию социально-экономического положения отдельных районов Казахстана. Очерки и статьи, книги и научные исследования по Казахстану принадлежали перу не только русских писателей и ученых, но офицеров и чиновников. Так, офицер русской армии Бланкеннагель в 1819 году выпустил книгу «Путевые заметки майора Бланкеннагеля о Хиве в 1793 — 1794 гг.».²

¹ В 1856 году в «Москвитянине» была опубликована работа Г. Спасского «Балхаш-нор», в которой дано описание озера Балхаш, расположенного на территории Большого жуза.

² Впервые записки майора Бланкеннагеля были помещены на страницах «Соревнователя просвещения и благотворения» (СПб., 1819, ч. 7, № 9, стр. 259—274; № 10, стр. 38—69) под названием «Из путешествия г. Бланкеннагеля в Хиву». Позже, в 1858 году

Майор Бланкеннагель в 1793 году был послан в качестве врача в Хиву по приглашению Хивинского хана, дядя которого нуждался в лечении.

В своей записке Бланкеннагель высказывает мысль, что, приведя казахов в полную зависимость от России, можно добиться, чтобы они принесли пользу своей службой России, «как башкирцы», что Меньший казахский жуз, расположенный между Оренбургом и Аральским морем, мог бы быть совершенно покорным России.

«Киргизскую Меньшую орду, между Оренбургом и Аральским озером находящуюся, составляет народ кочевой. Сила у них все решит: наисильнейший не только бывает прав, но в большее еще чрез то приходит уважение. Кто из них оказал более грабежей, тот получает почетное название батыра, слово, означающее богатыря»¹.

С утверждением Бланкеннагеля, что батыром (богатырем) считался тот, кто больше отличался в грабеже, нельзя согласиться. Дело в том, что в период междоусобиц местных феодальной знати и притеснений казахского народа извне (со стороны царского самодержавия и соседних феодальных государств), народ был в тяжелом положении и из своей среды выдвигал руководителя, заступника интересов народа, которого и называли батыром. Разбойники никогда не назывались батырами, и герои грабежей не пользовались уважением народа. Известным народным батыром прошлого был Срым Датов, выходец из Младшего жуза, боровшийся против самодержавия и его ставленников в степи в лице ханов.

на страницах «Вестник Р.Г.О.» записки Бланкеннагеля были опубликованы полностью.

Когда уфимский генерал-поручик Пеутлинг донес императорскому двору желание Хивинского хана пригласить русского врача, в Санкт-Петербурге очень обрадовались случаю под благовидным предлогом послать в Хиву наблюдательного человека, который доставил бы достоверные сведения о далеком, но интересном крае. Таким человеком, по мнению правительства, и был майор Бланкеннагель.

¹ «Соревнователь просвещения и благотворения», Спб., 1819, ч. 7, стр. 271—272.

«Записки» Ф. Назарова

Интересные сведения о казахах сообщил Филипп Назаров — переводчик Отдельного Сибирского корпуса. В 1813 году Ф. Назаров был послан в Коканд, откуда он возвратился на родину в 1814 году. Поводом для поездки его было несчастье, случившееся в 1812 году с кокандскими посланниками в крепости Петропавловской: двое из кокандских посланников умерли в пути, возвращаясь из Санкт-Петербурга в Среднюю Азию.

Для выяснения причин этой смерти и был послан Ф. Назаров.

Посольство, возглавляемое Ф. Назаровым, по прибытии в Коканд обменялось подарками с ханом и после исполнения поручения, в сопровождении специальных людей возвратилось в Россию. Но сам Ф. Назаров был оставлен в Коканде до весны следующего года для выяснения действительной причины смерти посланцев. Через год Ф. Назарову удалось вернуться в Петропавловскую крепость. Плодом его путешествия и было сочинение под заглавием «Записки о некоторых народах и землях средней части Азии Филиппа Назарова, Отдельного Сибирского корпуса переводчика, посланного в Коканд в 1813 и 1814 годах», вышедшее отдельной книгой в Санкт-Петербурге в 1821 году.

В своей работе Ф. Назаров указывал, что народы, обитающие в средней части Азии, еще до сих пор остаются малоизвестными русскому обществу; будучи к ним послан и задержан ими, автор старался замечать особенности нравов, обычаи, географическое положение мест и укрепления городов и т. д. Как отмечает Ф. Назаров, знание татарского языка, «как своего собственного», доставило ему те возможности, кои редко находят русские путешественники... Полученные в период путешествия материалы были опубликованы, чтобы тем самым познакомить соотечественников автора с сими «внимания достойными землями»¹.

В записках Ф. Назарова обращают на себя внимание те сведения, которые или отсутствуют у его предшествен-

¹ «Записки о некоторых народах и землях средней части Азии Ф. Назарова... посланного в Коканд в 1813 и 1814 годах». Спб., 1821, стр. 1.

ников по изучению казахской степи или разработаны ими недостаточно полно и четко. Таково, в частности, в книге Ф. Назарова описание своеобразной казахской национальной охоты на зверей с помощью беркута. Автор указывает, что казахи гоняются за зверями на лошадях с собаками и обученным беркутом (орлом), которого сажают вместе с собою на седло, покрыв ему голову томагой (чехлом), чтобы хищник не отвлекался встречающимися ему предметами; при виде зайца, лисицы или дикой козы скачущий казах сбрасывает с беркута чехол и орел стремительно налетает на добычу, схватывает ее когтями и держит до тех пор, пока хозяин его не подоспеет. Беркутов казахи ценят очень дорого.

В своей книге Ф. Назаров весьма красочно передал картину вечернего часа в казахском ауле. К вечеру казахи собирались толпою на берегу, боролись, бегали взапуски, стреляли из луков в цель. Некоторые из них играли подле юрт в домбру... а молодые девушки, сидя в ряд у решеток в юртах и приподняв полы войлоков, сопровождали музыку домбры своим пением.¹

В 1821 году в отделе «Смесь» журнала «Вестник Европы»² было помещено «извлечение» из труда Ф. Назарова под названием «Киргизцы» («Известия взяты из любопытных записок г-на Назарова»).

В этом очерке Ф. Назарова приведены некоторые сведения об административно-правовом устройстве казахских жузов и о пагубных последствиях междоусобиц, барымты.

Автор пишет, что каждая казахская «орда» разделяется на волости, находящиеся под управлением султанов, а волости, в свою очередь, делятся на аулы, которыми управляют бии и старшины. Казахи, по мнению его, не платят никакой дани, а кочевая жизнь избавляет их от большой подчиненности, и «право сильного господствует там во всей силе. Сие столь губительное для общества право порождает почти беспрестанную вражду между волостями; они часто ездят по ночам партиями к соседям для баранты или отгона скота; жены их, будучи также

¹ «Записки о некоторых народах и землях средней части Азии Ф. Назарова... посланного в Коканд в 1813 и 1814 годах». Спб., 1821, стр. 10.

² «Вестник Европы», 1821, ч. 119, № 16, стр. 314—321.

хорошими наездниками, сражаются вооруженные кольями и бердышами»¹.

Как видно, собранные Ф. Назаровым сведения не отличаются свежестью и новизной, так как они были сообщены и описаны до него многими исследователями Казахстана. Однако следует заметить, что последствия барымты тяжело отразились на положении казахов в этот период. Конечно, неправильным является представление автора, что казахи никакой дани не платили, что жилось им «привольно» и «от нечего делать» вместе с женами они совершали нападения с целью барымты.

В начале XIX столетия меняется характер барымты. Это уже не простой угон скота враждебного аула. Вследствие широко распространившейся барымты начало резко ухудшаться хозяйство значительной части трудящихся-казахов. Необходимо также подчеркнуть, что барымта приобретает в этот период и определенный политический характер: еще во времена правления Оренбургского губернатора Неплюева барымта была использована как орудие для разжигания межнациональной розни, вражды между казахским и башкирским народами. Известно, что в 40-х годах XVIII века, когда притесняемые царскими чиновниками башкиры стали переходить границы казахских степей, целью губернатора было во что бы то ни стало остановить это бегство. Неплюев стремился предотвратить возможность братания башкир с казахами. Стремясь использовать казахов в борьбе с беженцами, правительство объявило, что первые имеют право присваивать себе не только имущество, но даже и жен и детей башкиров. Кочевники обязаны были выдавать мужчин-беглецов в руки «правосудия».

Таким образом, правительство официально «благословило» вражду между народами. Это была своеобразная барымта, умело использованная царизмом и его администрацией на местах.

Следовательно, барымта являлась не только одной из форм эксплуатации казахских шаруа местной феодальной верхушкой, но также и средством грабежа царской администрацией коренного населения и разжигания межнациональной розни.

¹ «Вестник Европы», 1821, ч. 119, № 16, стр. 315—316.

Очерк «Киргизцы» Ф. И. Германа

Барымта привлекала внимание и ряда других русских путешественников и исследователей, а также чиновников местной администрации. Так, довольно ярко этот вопрос освещен в историческом очерке Федора Ивановича Германа «Киргизцы»¹.

Отмечая пагубные последствия барымты, Ф. И. Герман писал, что в половине прошлого столетия (речь идет о XVIII веке.— К. К.) действительный тайный советник Неплюев, бывший одним из первых губернаторов нового еще тогда Оренбургского края, воспользовался «барантою» (барымта.— К. К.), употребив ее как политическое средство к удержанию башкирцев от общего побега в «киргизские» степи и соединения с «ординцами»... Неплюев объявил, что государыня жалует перебежавших в степь башкир с женами и детьми и всеми имуществами их в вечное и потомственное владение «киргизцам»... С невероятным ожесточением вспыхнула тогда «баранта» между обоими народами и вечное мщение укоренилось во всех сердцах». «Таким образом достиг Неплюев своей цели; но лекарство сделалось хуже болезни в наше время»²— отмечает автор.

Несомненно, от барымты особенно страдали казахские народные массы. Резко уменьшилась меновая торговля, причиной чего были бедность и разорение населения от губительных опустошений, причиняемых барымтой.

Башкиры не могли быть довольны политикой царизма и подняли бунт. Руководитель бунта Батырши распространял письма среди населения с призывом подняться против царской администрации. В это-то время Оренбургский губернатор Неплюев повторно прибег к хитрости, подкупая казахскую феодальную верхушку милостью императрицы и грозя в случае их послушания страшным наказанием. По инициативе Неплюева было написано подложное письмо к казахам от имени муфтия (патриарха мусульман.— К. К.), в котором сообщалось, что он, муфтий, «подвигу своих одноверцев (казахов.— К. К.) хотя и радуется, но как башкирский народ, о чем

¹ «Вестник Европы», 1821, ч. 121, № 22, стр. 123—138; ч. 122, № 3, стр. 217—227; ч. 4, стр. 290—305.

² Там же, № 21, стр. 136—137.

и им киргизцам известно, вероломный и непостоянный, то он опасается, чтобы... успех в сем предприятии (речь идет о совместном выступлении народов.— К. К.), достигнутый с помощью их, киргизцев, потом первою жертвою... назначит их же киргизцев»¹. Таким образом, Неплюев постоянно стремился натравить один народ на другой.

Как указывает Ф. И. Герман, барымта стала злом и пустила глубокие корни, что вызывало нищету жителей аулов. Нищий казах, лишенный скота — основного источника питания, стал постепенно прибегать к обработке земли. Обычно посевы казахи располагали близ рек и озер, поливали их так часто, как этого требовало знойное небо... Питался бедный казах и скудным ловом рыбы.²

Заметим, что, как и все путешественники, побывавшие в казахской степи, Ф. И. Герман свидетельствует о том, что религия очень слабо прививалась казахскому народу. В пору основания Оренбурга, пишет он, там появились миссионеры шотландского библейского общества, целью которых было распространение книг святого писания христиан среди казахского населения.

Миссионерам нужны были распространители этих книг из людей местного населения. И в 1818 году как будто бы нашелся один человек по имени Ахмет-оглы из Конрада, который изъявил желание распространить священные книги шотландцев... за хлеб. Этот человек в детстве якобы жил в Среднем жузе, затем скитался по разным местам. Был в Мекке и Медине, потом находился в плену у каракалпаков, а от них попал в Оренбург. Ахмет-оглы был послан миссионерами в казахские аулы. Однако библии «распространитель» оставил на большой дороге близ менового двора, а сам с лошадьми и хлебом отправился неизвестно куда. Книги были найдены казахами, ехавшими на мену. О находке они доложили своим старшинам, а те дали знать о том миссионеру. Так население узнало о довольно курьезном происшествии с шотландскими миссионерами, которые по сути были английскими шпионами. После разоблачения их выдворили из Оренбургского края.

¹ «Отечественные записки», Спб., 1825, ч. 24, № 66, стр. 273.

² «Вестник Европы», 1821, ч. 121, стр. 132—134.

Хотя миссионеры и старались распространить в казахском крае христианскую религию, однако последователей ее почти не нашлось. Если и обращались к миссионерам отдельные представители местного населения, то это были казахи-байгуши, общившиеся в результате барымты и приходившие не столько за библиями, сколько за хлебом...

Казахские степи в очерке П. Л. Яковлева

В 1824 году в журнале «Благонамеренный» был помещен анонимный очерк под названием «Письма из киргизской степи и Бухарии к К. И. И.»¹.

Очерк написан в виде писем из казахской степи. Так, первое письмо написано из района залива Сыр-Дарьи (Камышлы) 16 октября 1820 года. Автор указывает, что он обещал и обязался писать. Хотя эта обязанность самая приятная и лестная, но автор долго не принимался за перо и только на 36 день пути он вспомнил о своем обещании... П. Л. Яковлев указывает, что вот уже 36 дней идут беспрерывно степью и видят одно — небо, казахов, верблюдов... «36 дней одно и то же!» — восклицает автор. Конечно, путешественники вставали с зарею... Раздавался барабанный бой — раздавались крики верблюдов. Их выючили. «Вообразите 500 верблюдов среди поля! Кибитки уже сломаны, сундуки, тюки, все вещи в беспорядке разбросаны по земле». Казахи в своих «ужасных» малахаях, ворочают тяжести... Казахи-вожаки обыкновенно едут впереди; «степь так им знакома, как вам Невский проспект», — пишет П. Л. Яковлев.

¹ «Благонамеренный», Спб., 1824, ч. 25, стр. 23—26. Автором этого письма является Павел Лукьянович Яковлев, писатель-беллетрист, один из членов русского посольства А. Ф. Негри, отправленного в Бухарию в 1820 году. Бухарский посланник, дважды посетивший Санкт-Петербург, в 1816 и 1820 годах, известил русское правительство о желании своего хана принять в Бухаре русское посольство. Надеясь дипломатическим путем улучшить перспективы торговых связей с Бухарой и исследовать эту страну поглубже, правительство России решило отправить туда посольство. В его состав вошли действительный статский советник А. Ф. Негри и П. Л. Яковлев (по дипломатической части). Доктор Пандер и барон Мейендорф (полковник главного штаба) были назначены для собирания географических и статистических сведений о странах, которые надлежало посетить.

Подъезжая к месту предстоящего ночлега, все рассыпаются по полю. Тогда можно любоваться лагерем путешественников. «Какая пестрая, живая картина! Какое разнообразие и деятельность! Солдаты, одетые по-домашнему, бегают кругом огней, хохочут... башкирцы бреют друг другу головы тупыми ножами, там киргизы... иной дут в чибызги (сыбызгы.— К. К.), другой подшивает подметки захромавшему верблюду... Вечером картина переменится... Лишь пробьют зорю, все затихло: кой-где мелькает огонек»¹. Взволнованность очерка Яковлева о Казахстане является свидетельством неотразимого воздействия необъятной степи на воображение путешественника.

Казахские мотивы в книге Г. Мейендорфа

Среди всех описаний, сделанных русскими путешественниками, видное место занимает книга барона Мейендорфа, известная под названием «Путешествие из Оренбурга в Бухарию в 1820 г. через степи, простирающиеся на восток от моря Аральского и древнего Яксарта».

Книга эта вышла в Париже в 1826 году и в свое время пользовалась большим успехом. Еще за два года до опубликования ее в России французские издатели интриговали читающую публику красочными объявлениями, напечатанными на обложках новых книг и журналов. До появления в русской печати отрывков из этой работы в «Московском телеграфе»² в отделе «Летописи» было напечатано ее обозрение, составленное по страницам иностранных журналов, а критические заметки на эту книгу были помещены в 10 и 11 частях «Московского телеграфа» за 1826 год.

В 1826 году в 22-й части «Северного архива» появляются первые отрывки из книги Г. Мейендорфа. Так, отрывок «Нравы и обычаи киргизцев. Избрание начальников. Раздоры их. Примеры жестокости. Строгая политика китайцев в отношении к киргизцам» был переведен с французского языка на русский Каменским.

В этом разделе Мейендорф знакомит читателей с общими чертами жизни казахов, населяющих побережья

¹ «Благонамеренный», Сиб., 1824, ч. 25, № 1, стр. 23—25.

² «Московский телеграф», 1826, ч. 8.

Сыр-Дарьи. Автор отмечает, что вдоль реки Сыра никогда не бывает морозов, губительных для стад и беспокойных для людей, живущих в войлочных юртах. Но не климат, а соседи беспокоят казахов: вот уже около шести лет казахи лишены возможности зимовать на этих благодатных берегах, ибо «неприязные им хивинцы грабят их там при всяком удобном случае»¹.

Это высказывание Г. Мейендорфа еще раз подтверждает исторический факт о притеснениях казахского населения восточными соседями — завоевателями, к числу которых относилось и феодальное ханство Хивы. Это тяжелое положение народа нашло отражение в казахском устном творчестве, где так много печальных и заунывных мотивов. От внимания Майендорфа не ускользнуло и то, что казахи проводят нередко половину ночи, сидя на камнях, глядя на луну и сочиняя «печальные песни, на голоса, не менее печальные». Казахские исторические песни напомнили путешественнику о знаменитых подвигах народных героев; эти героические поэмы обычно исполнялись опытными певцами по ремеслу.

Мейендорфу, как пишет он сам, не удалось записать казахские песни и мелодии. В связи с этим автор приводит следующий случай: на просьбу путешественника исполнить какую-нибудь песню кочевник ответил отказом, ссылаясь на свою бедность, и выразил недовольство ханом. Как пишет Мейендорф, бедный «бек» ответил ему так: «Вы хотите, чтобы я спел песню; и так скажу вам, что бек бедный, но добрый, достойнее нечтимого хана». Это высказывание, по-видимому, может характеризовать отрицательное отношение казахского населения к ханской власти вообще.

Описание казахской степи (нравов и обычаев народа) является одним из привлекательных сторон работы Мейендорфа.

Очерки П. Свинына о казахах

Издатель журнала «Отечественные записки» П. Свинын, путешествуя по разным провинциям России, побывал и в казахских степях Оренбургского края. Им были

¹ «Северный архив», 1826, ч. 22, стр. 269.

сделаны зарисовки Оренбурга, Орска и Илецка. В Илецке П. Свиныин интересовался разработкой соли. В результате этой поездки издатель опубликовал свои путевые записки о Казахстане под названием «Картина Оренбурга и его окрестностей»¹.

П. Свиныина интересовали не только природа и естественные богатства края. В Оренбурге он встречается с любителем и знатоком музыки И. П. Стеллих-Верстовским, братом известного русского композитора, а также с поэтами А. Крюковым и П. Кудряшевым. Последние ознакомили путешественника с городом и его окрестностями. В своих путевых очерках П. Свиныин пишет, что Оренбург принадлежит к числу городов, явившихся на лице русской земли после ее «преобразования». История этого города нова, коротка и, по автору, незначительна. О построении его можно сказать, замечает путешественник, что он, как странствующий исполин, идущи вниз по Уральскому берегу, сам выбрал место для своего основания. В царствование императрицы Анны в 1731 году казахский хан Абулхаир, будучи со всех сторон притесняем беспокойными кочующими и некочующими соседями, добровольно вступил... в Российское подданство. По настоянию этого хана правительством было поручено статскому советнику Кириллову провести по Уралу вооруженную пограничную черту, которая бы... разделяла Башкирию от казахской степи.

В издаваемых П. Свиныиным «Отечественных записках» в 1829 году был помещен весьма любопытный по содержанию очерк о казахах Среднего жуза — «О киргиз-кайсаках Средней орды»². Нсизвестный автор характеризует казахов как людей мстительных, но очень простодушных и добрых до беспредельности к своим собратьям: нет вещи, которой бы не разделили, и нет услуги, которой бы не оказали друг другу; гостеприимны в чрезвычайной степени: накормить — значит не обязать, а исполнить долг.

Голодный казах, услышав запах кипящей баранины, идет к незнакомому и будет угощаем, как брат. Званные и незванные обычно у казахов не различаются. Русского и всякого иностранца принимают у себя радушно: юрта,

¹ «Отечественные записки», 1828, ч. 35, № 99, стр. 3—38.

² «Отечественные записки», 1829, т. 3—4, № 26, стр. 342—354.

пища и верное ручательство за личную безопасность предлагаются непритворно. Можно быть обижену в степи какими-нибудь хищниками, указывает автор, но в аулах доставляется твердое покровительство и кунугасы (конак асы.— К. К.), то есть гостю предлагается пища и кров. Обычно проезжающие по своим надобностям по степи, остановясь сзади юрты, кричат: «сайлес» (сойлес.— К. К.), то есть «отвечай»; хозяин выходит. Проезжие сходят с лошадей. Если гость не захочет заехать, то его считают недобрым человеком. К дружбе между собою казахи очень склонны: это известно под словом «дос»— «досталык»— быть другом,— пишет автор. Дарят не только вещи, какие понравились «досу», но отдают и детей в усыновление, что бывает весьма обыкновенным между дружественными семьями; полюболившиеся вещи требуют даже заочно, и она непременно присылается... Уважение к старости беспредельно... Если старик свидится с казахами, бывшими на охоте, то лучшего зверя, хотя бы лисицу или волка, без всякого требования ему привязывают в торока...

Автор подчеркивает, что «простой класс народа киргизского не имеет отличительного названия. Гордо произносимое всяким слово «казах» знаменует свободного, чуждого всякого подчинения, и волю свою ставящего выше всех обстоятельств, презирающего своих султанов и биев».

* * *

20-е годы XIX века в мировой литературе характеризуются дальнейшим развитием романтизма. Как на Западе, так и в России в литературе растет и укрепляется интерес к народной поэзии и ее источникам. Произведения фольклора собираются, изучаются и перепечатываются. Большой интерес вызывают обычаи, нравы и быт «не тронутых» цивилизацией народов; безыскусственность и наивность образа жизни их привлекают внимание Шатобриана, Байрона, Пушкина и их многочисленных последователей и эпигонов.

Как указывает И. И. Замотин в своей книге «Романтизм 20-х годов XIX века», в данную эпоху начинают проникать в нашу (русскую.— К. К.) лирику даже элементы инородческой поэзии. Так, в № 13 «Чтения в Беседе любителей русского слова» помещено стихотворение «Песнь Курайчи Рифейских гор» (прислано с Урала).

Интерес к народной поэзии был настолько велик, что автор песни не сомневался, очевидно, в том, что заинтересует читателя и башкирскими поверьями»¹.

Интерес к народному творчеству захватывает также и широкие круги русского общества. А поэты и писатели с большим вниманием изучают не только русское народное творчество, но и творчество других народов, населявших Россию. «Ни одна страна в свете не была столь богата разнообразными поверьями, преданиями и мифологиями, как Россия. Поэт может в ней с роскошью выбрать то, что ему нравится, отметить то, что не нравится. Скажут, что все сии поверья, предания и мифологии не ясны и мало известны. Может быть, но мы имеем две, довольно ясные и с которыми писатели нас ознакомили: мифологию древних славян и мифологию скандинавскую; кроме сего, сколько в России племен, верующих в Магомета и служащих в области воображения узлом, связующим нас с Востоком. Итак, поэты русские, не выходя за пределы своей родины, могут перелетать от суровых и мрачных преданий севера к роскошным и блестящим вымыслам Востока; от образованного ума и вкуса европейцев к грубым и непритворным нравам народов звероловных и кочующих»². Эти мысли справедливы.

«Беспредельные степи киргиз-кайсацкие» в поэзии П. М. Кудряшева

«Таинственная» Азия все больше привлекает внимание не только ученых и исследователей, но и поэтов, которые не ограничиваются воспеванием Кавказа и Крыма, а обращают свои взоры и к не менее экзотической Средней Азии и Казахстану. Одним из таких поэтов и был Петр Михайлович Кудряшев, по выражению издателя «Отечественных записок» П. Свинына, «певец картинной Башкирии, быстрого Урала и беспредельных степей киргиз-кайсацких».

Биограф Кудряшева П. Свинын познакомился с ним во время своего путешествия по Оренбургскому краю.

¹ И. И. Замотин. Романтизм 20-х годов XIX века. Спб., 1906, т. I, стр. 8—9.

² «Соревнователь просвещения». Спб., 1823, ч. 24, № 11, стр. 132—133.

Услышав о приезде П. Свинына в Оренбург, П. М. Кудряшев написал ему письмо, в котором приветствует его ученое путешествие, долженствующее послужить на пользу России. П. Кудряшев считал, что подобного рода путешествия по Сибири и Казахстану принесут немалую пользу всем русским, любящим свое отечество, о котором ранее принуждены были черпать «известия почти из одних иностранных источников, большею частью наполненных илом пристрастия и тиною ошибок».

Казахстан и Сибирь изучались многими путешественниками, в том числе такими, как Гмелин, Паллас и, наконец, Г. Спасский. Тем не менее поэт считал, что Оренбургская губерния никем или почти никем достаточно полно не описана, за исключением известного сочинения П. Рычкова, которое, быть может, было хорошо в свое время; но «ныне оно очень и очень недостаточно!». П. Кудряшев просит П. Свинына обратить внимание на башкирцев, на этот полукочевой народ, советует ему побывать в деревне Сибяевой, чтобы узнать отличительную характеристику башкирцев, узнать их нравы, «обыкновения», образ жизни, предрассудки и проч. П. Кудряшев пишет, что, возможно, башкирские песни и сказки не имеют оттенков «поэм Ариостовых», но в тех и других есть большое сходство с русскими народными песнями и сказками. В башкирских преданиях, на которых основаны их сказки и песни, всегда встречаются герои-батыры, «нискольکو не похожие на западноевропейских рыцарей, но имеющих особенный характер, свойственный одним башкирцам»¹.

В этом же письме поэт в качестве примера высказанным размышлениям приводит две башкирские песни. Содержание этих песен говорит о вражде между башкирами и казаками, которую в середине XVIII века культивировал оренбургский губернатор Неплюев. В своих песнях П. Кудряшев выступает от лица башкирцев. У него свежи были в памяти воспоминания о минувших временах. И все симпатии поэта на стороне башкирцев. Об этом свидетельствует и его песня:

Что, мой друг любезный, делаешь?
Ты коня седлаешь верного,

¹ «Отечественные записки», 1828, ч. 35, № 100, стр. 146—149.

И с друзьями собираешься
Разгромить киргизцев-хищников,
Отомстить им наказанием
За набеги, разорение.¹

В своем письме к П. Свиньину поэт поместил также «Песнь башкирца после сражения». Автор пишет, что эта «песнь» тоже принадлежит башкирцам, а он хотел бы ее лишь только сообщить издателю «Отечественных записок». Однако, по свидетельству Ивана Маркова, как первая, так и вторая песни принадлежат самому П. Кудряшеву.²

«Песнь башкирца после сражения» написана в духе романтизма начала XIX века. В содержании ее весьма тесно переплетаются идея гражданского долга и вера в загробную жизнь.

Почто сраженного героя,
Почто, товарищи, жалеть?
О, сколь прекрасно среди боя
За веру, верность умереть!
Родных и милых защищая,
Святую родину спасая,
Хотя погибнем — смерть славна;
Без жертв проходит ли война?
Друзья! Оставим сожаленье...
А вы, о падшие в бою!
Вам горестей земных забвенье,
Вам счастье, радости в раю!
Там Гурий девственных лобзанье,
Их ароматное дыханье,
Объятия, улыбка, взгляд
Блаженство храбрых наград!³

Прочитав эту песню, П. Кудряшев далее продолжает: «Сия песня получена мною в 1821 г., во время проезда моего через 6-й башкирский кантон, от одного ученого муллы (жреца), имени которого я теперь не упомяну»⁴.

Сам поэт отмечает весьма приблизительный характер перевода этой песни. Поэтому можно предполагать, что песня является его собственным произведением, особенно судя по лексико-специфическим выражениям («свя-

¹ «Отечественные записки», 1828, ч. 35, № 100, стр. 150.

² «Вестник Европы», 1830, ч. 35, стр. 172—173, 218.

³ «Отечественные записки», 1828, ч. 35, № 100, стр. 152—153.

⁴ Там же, стр. 154.

тая родина», «забвение земных горестей» и т. д.) и общему риторическому и сентиментальному тону произведения, не имеющему ничего общего с народной песней. Об этом, в частности, свидетельствует также и сам автор: «Переводя «Песнь башкирца после сражения», я старался только удержать мысли подлинника, но принужден был отступать от простого слога, составляющего главное достоинство упоминаемой песни»¹.

Получив письмо больного поэта, П. Свиньин отправился в госпиталь, где находился П. М. Кудряшев. На П. Свиньина эта встреча произвела хорошее впечатление. «Несмотря на изнеможение от болезни и одежду больного», издатель нашел в поэме «стройного молодого мужчину, высокого роста, с томными темно-голубыми глазами и выразительным взглядом, полным кротости, добродушия и откровенности»².

После нескольких свиданий П. Свиньин «открыл» в П. Кудряшеве большого знатока жизни и быта башкир, казахов и других соседних азиатских народов, коих и язык ему был совершенно знаком. Он посоветовал поэту заняться такими трудами, «кои бы со временем принесли очевидную пользу ему и словесности русской, обогатив ее новыми произведениями роскошного Востока»³.

П. Кудряшев был поистине певцом Башкирии и ее природы. «Картинность» Урала его поражала, действовала на поэтическое воображение; поэт видел в Башкирии «Азиатскую Швейцарию»:

Во мне ты, муза, оживила
Воспоминая прошлых дней;
Сомной, игравая, бродила,
Где грозный исполнил Рифей,
Алмазными венчаный льдами,
За вековыми облаками
Главой скрывается своей⁴.

¹ «Отечественные записки», 1828, ч. 35, № 100, стр. 154.

² Там же, стр. 161–165.

³ Там же, стр. 163.

⁴ Там же, стр. 172.

Заметим, что многие повести и стихотворения П. Кудряшева, разбросанные по всем русским журналам первой четверти XIX века, были нами найдены впервые (за исключением повести «Кучак-Гали»). В книге Трубицина «О народной поэзии», СПб., 1912, стр. 483–484, приведен следующий список произведений П. М. Кудряшева: «Песня» («Как цветочек от засухи увядает») — альманах «Жасмин

В природе нового края П. Кудряшев находил неисчерпаемый источник для своей поэзии. Многие его стихи — это своеобразные этюды ряда прекрасных пейзажей:

Люблю я с высоты холмов
Смотреть весеннюю порою,
Как ночь незримою рукою
С полей снимает свой покров;
Люблю вечернюю порою

и Роза», М., 1830, стр. 67; «Отечественные записки», 1828, № 100, стр. 145—176 — «Певец картинной Башкирии, быстрого Урала и беспредельных степей киргиз-кайсацких»; «Вестник Европы», 1822, ч. 124, стр. 24 — «Прощание башкирца с милой»; в этом же журнале напечатаны «Песня башкирца перед сражением» — 1823, ч. 131, стр. 167; «Песня башкирца после сражения» — 1828, ч. 161, стр. 198; «На смерть башкирского батыра» — 1828, ч. 163, стр. 26; «Полярная звезда», 1832, стр. 110 — «Сетование киргиз-кайсацкого пленника»; «Отечественные записки», 1826, ч. 28, № 79, стр. 271—290 — «Киргизский пленник»; «Рыцарь Рогдай» и «Углецкая роща» напечатаны в журнале «Славянин», 1828, ч. 8, № 46, № 50. «Оскар д'Альва», из повести Байрона, напечатана в «Благонамеренном», 1825, ч. 30, № 18; «Вестник Европы», 1822, ч. 124, стр. 87 — песня «На голос ты приходишь, дорогая»; «Вестник Европы», ч. 162, стр. 27 — «Русская песня»; там же, 1829, ч. 165, стр. 197 — «Две русские песни»; «Славянин», 1828, ч. 7, № 28 — «Любовь и песня»; «О касаточке»; «Благонамеренный», 1825, ч. 30, № 23, стр. 329 — песня «Друг любезный, ненаглядный»; там же, стр. 335 — «В альбом себе»; там же, № 24, стр. 427 — «Рондо сложное»; «Календарь муз на 1826 г.» — стихотворение «Люблю я с высоты холмов...»; альманах «Памятник отечественных муз на 1828 г.», стр. 107 — «Песнь гвинейца».

Кроме указанного списка, приведенного Трубициным, нами вновь обнаружены следующие произведения поэта (мною были просмотрены все русские журналы первой половины XIX века): «Вестник Европы», 1828, ч. 162, № 163, стр. 289—293 — «Рыцарь Ричард Лагарии»; там же, стр. 293 — «Песня»; там же, 1829, стр. 305—307 — «Гроза»; там же, стр. 197—199 — «Русские песни»; там же, ч. 166—167, стр. 196—197 — «К башкирской девушке»; «Славянин», 1828, ч. VI, № 18, стр. 196 — «Приятелю»; «Отечественные записки», 1826, ч. 28, № 78, стр. 65, 206 — «Предрассудки и суеверия башкирцев»; «Вестник Европы», 1828, ч. IX, стр. 271—272 — «К Розмахнину»; «Отечественные записки», 1829, ч. 39, стр. 378—401, ч. 40, стр. 65 — калмыцкая повесть «Даржу»; там же, 1830, ч. 43, № 124, стр. 161—193 и ч. 44, № 126, стр. 43; 106 — «Искак» (татарская повесть); там же, 1829, ч. 40, № 115, стр. 233; № 116, стр. 423 — «Сокрушитель Пугачева, Илецкий казак Иван» (Оренбургская повесть); «Отечественные записки», 1827, ч. 29, № 81, стр. 82—83 — «Абдряш», башкирская повесть»; «Вестник Европы», 1828, ч. 162—163, стр. 268—270 — «Влюбленный араб», ч. 162—163 — «Мольба Джаура»; там же, стр. 193 — «Эпиграммы»; «Вестник Европы», 1826, ч. 148—149, № 9, стр. 1—7 — «Мечты ратника»; там же, стр. 8—14 — «Воинские игры башкирцев» (отрывок из повести «Абдрахман»); там же, стр. 125—126 — «Башкирская свадебная песня»; там же, 1829, ч. 166—167, № 14, стр. 114—129 — «Царь племени».

Ходить за ближнею горою
И слушать, как шумят ручьи,
Как ветерок в кустах играет
И свищут в роще соловьи.
Люблю смотреть, как разливают
Заря огнистые струи;
Как месяца лучи золотые,
Проникнув воды голубые,
В прозрачном озере дрожат
И звезды на небе горят.¹

К этому периоду творчества П. Кудряшева относится серия повестей, написанных на татарские (повесть «Искак»), калмыцкие (повесть «Даржу») и казахские («Кучак-Гали») темы, а также оренбургская повесть «Иван и Дарья».

Большой интерес представляет повесть «Киргизский пленник», в основу которой лег устный рассказ поэту одного старожила Верхнеуральска о приключении, происшедшем на Оренбургской линии с сыном некоего поручика драгунского полка Федором.

Федору было поручено охранять конский табун недалеко от Верхнеуральска. Однажды ночью на табун напали казахи, которые взяли в плен Федора вместе с лошадьми. Федор достался степному батыру Кутлыбаю, который имел трех сыновей и дочь Баян. Баян, жалая и симпатизируя пленнику, стала каждый вечер приносить Федору что-нибудь из съестного. Кроме того, она пытается устроить ему побег. Это удалось ей сделать, когда отец Баян с братьями поехали в соседний аул на поминки. Влюбленные, не теряя времени, оседлали коней и поскакали в Верхнеуральск, где родители Федора с нетерпением ждали своего сына, хотя не верили в то, что он жив. По возвращении на родину Федор со своей супругой Баян живут счастливо. Баян приняла христианскую веру и ее назвали Ольгой.² Таково краткое содержание повести П. Кудряшева.

Повесть эта характеризует Кудряшева как одного из талантливых представителей русской романтической школы. Живя среди башкиров и казахов, П. Кудряшев темой своего творчества берет жизнь этих народов. Но, будучи связан с новым направлением в литературе,

¹ «Отечественные записки», 1828, ч. 35, стр. 173—174.

² «Отечественные записки», 1825, ч. 26, стр. 272—290.

писатель поэтизирует жизнь и быт кочевников. Стремясь сохранить все краски местного колорита, П. Кудряшев в своей повести прибегает к этнографическим описаниям. Главное внимание автор уделяет характеристике душевного состояния русского пленника и казашки Баян. Наряду с этим следует подчеркнуть, что в основу сюжета повести, по-видимому, взяты реальные события. Действительно, случаи пленения отдельных русских на границе России и Казахстана были не единичны и возможно, что автор сам был очевидцем таких событий, которые произошли с жителем Верхнеуральска. Необходимо также отметить, что нередко были и случаи, когда казахские женщины освобождали русских пленников. Поэтому вполне возможно допустить реальность основы повести.

Этой же теме (пленению русского) посвящено и стихотворение П. Кудряшева «Сетование киргиз-кайсацкого пленника». Омраченный тоской по родине, пленник вспоминает:

Где милый край,
Урала брег,
Мой светлый рай,
Страна утех?
Где мать, отец,
Родных семья,
Кумир сердец,
Адель моя?¹

Это стихотворение характеризует П. Кудряшева как одного из талантливых поэтов-романтиков. «Сетование киргиз-кайсацкого пленника» впервые было напечатано в «Вестнике Европы» в 1828 году, затем в «Полярной звезде».

Из башкирских повестей П. Кудряшева следует отметить историческую повесть «Абдряш»², характеризующую взаимоотношения между башкирами и казаками, вспыхнувшую в середине XVIII столетия вражду между ними. Подстрекателями раздора явились не только сатрапы самодержавия, но и местные феодалы. Давление на башкирский народ со стороны царского правительства, а также сборы ясака казанскими правителями и сибирскими ханами принудили башкирский народ подняться на борь-

¹ «Полярная звезда», 1832, стр. 118.

² «Отечественные записки», 1827, ч. 29, № 81—83.

бу. Одним из серьезных выступлений было восстание башкир в 1755 году. Не устояв против хорошо вооруженных войск царского правительства, башкиры начали массовый побег в казахские степи. Но там они не нашли ожидаемой защиты.

Герой повести Абдряш еще ребенком вместе со своими родителями попал в казахскую степь. Однажды юноша Абдряш увидел у богатого казаха невольницу, 14-летнюю башкирскую девушку по имени Зюлима. Абдряш влюбляется в девушку и пытается ее освободить. Ему удается бежать из аула (так как он тоже был невольником). Жажда мести не покидает молодого башкира. Ему удается собрать вокруг себя беглецов-соотечественников, с которыми он отправляется в поход в казахскую степь. Аул, где жила девушка, Абдряш разорил, но Зюлиму не удалось освободить. В огне борьбы он встречает другую башкирку, Рысбику, которую спасает, а затем «соединяет с ней свою жизнь»¹.

П. Кудряшев писал: «Не наше дело входить в подробности означенных мятежей, не наше дело заниматься описанием мер»². Однако из его повести становится ясна картина событий и отношение писателя к ним. Осуждать меры, применявшиеся царскими чиновниками, поэт не решается, поэтому-то его критика обращена на местных феодалов, которые также являлись причиной неурядиц и распрей между соседними народами.

Занимательный сюжет повести является как бы художественной канвой к большому количеству географических и этнографических сведений, которые приводит П. Кудряшев. Так, рассказывая о пути каравана из Малой Бухарии в Оренбург, автор подробно описывает все пункты следования, приводит названия рек и пустынь.

Писатель подробно рассказывает о «беспечных киргизах» — проводниках каравана. Далее автор повести уделяет большое внимание характеру импровизаций казахов и приводит ряд переводов их песен.

Ранняя смерть прервала творчество талантливого поэта, так горячо любившего Урал, его холмы и долины и беспредельные степи Приуралья.

¹ «Отечественные записки», 1827, ч. 29, №№ 81—83, стр. 126—145; 322—334; 509—520.

² Там же, стр. 132.

«Киргизский пленник» поэта Н. Муравьева

В 20-х годах XIX века были опубликованы крупные художественные произведения о казаках Н. Муравьева и В. Ушакова.

Много толков вызвала поэма Н. Муравьева (1794—1866 гг.) «Киргизский пленник». В русских периодических изданиях было напечатано несколько критических замечаний. Так, в «Московском вестнике» критик под псевдонимом Зоил увидел в этой поэме Н. Муравьева лишь полное подражание пушкинскому «Кавказскому пленнику».

Поэма Н. Муравьева, отмечает критик, также начинается «описанием киргизов. Есть и песня киргизская, есть битва с казаками, есть пленник Федор, есть воспоминания, есть киргизка, есть любовь...»¹. Далее критик иронически замечает: «Все так, но конец не тот. Русский не любил черкешенки; Федор влюбляется в Баяну; они убежали оба, и веселым пирком да за свадебку». Наконец, критик жалеет, что Н. Муравьев «употребляет перо свое не бесполезное на повторение чужого», хотя стихи его «вообще довольно гладки».

Еще более резкой критике подверглась поэма Н. Муравьева на страницах «Московского телеграфа». Незнакомый критик прямо указывает на подражательный характер этого произведения: «Начитавшись сочинений Пушкина, затвердивши множество стихов его, поэты берутся за перья, придумывают что-нибудь похожее на сюжеты Пушкина и далее не умеют и не смеют идти»². Критик «Московского телеграфа» считает, что произведение Н. Муравьева написано «дурным стихом».

На «Киргизского пленника» критической заметкой откликнулась и «Северная пчела». О несомненно подражательном характере поэмы Н. Муравьева критик журнала пишет следующее: «Вот еще *Киргизский пленник*, которому век бы не бывать в плену у киргизцев, если бы *Кавказский пленник* не попался в кандалы к горцам и в переделку к рифмоторцам»³. Сравнивая «Киргизского пленника» с «Кавказским пленником», критик пишет,

¹ «Московский вестник», 1828, ч. X, стр. 170—171.

² «Московский телеграф», 1828, июнь, № 11, стр. 516—520.

³ «Северная пчела», 1828, стр. 94.

что первая поэма «Не под статью» второй из-за слога и стихов («против поэзии претяжкие грехи!»).

Таким образом, произведение Н. Муравьева не осталось незамеченным критикой. Более того, «Киргизский пленник» подвергся довольно обстоятельной и суровой критике со стороны ряда ведущих журналов того времени.

На существенные недочеты поэмы Н. Муравьева указывали исследователи и критики более позднего времени. Так, известный советский исследователь-литературовед профессор В. М. Жирмунский в своей книге «Байрон и Пушкин» в главе о Пушкине и его подражателях писал по этому поводу: «Поэма (Н. Муравьева.— К. К.) начинается традиционным вступлением — описанием ночи, как в пушкинской поэме. «Киргизцы буйною толпой, чуть озаренные луной, летят, как вихорь в чистом поле...» Как в «Кавказском пленнике»:

В кружок киргизцы средь огней
Уселись... они не умолкая
О бранных сечах говорят,
Биваки дедов вспоминая,
О удалцах их молодых
И страшном, вольном их разбое.
Другие, в грезах роковых,
Покрыты ченком, спят в покое.
Иные пьют; их веселит
С кумысом тумка круговая.¹

«Киргизцы», далее, поют свои песни, как и «предписывается» литературной традицией:

Живем, отважные, в горах,
Питомцы счастливой свободы;
Мы ясным днем — соседям страх,
А ночью — демоны природы.

В начале поэмы дано описание вооружения казахов:

Кинжал, товарищ неизменный,
И вороненая стрела,
И лук, берестой оплетенный,
На нем тугая тетива,
Да шашка острая стальная,
Киргизцев украшают строй.

¹ «Киргизский пленник», М., 1828, стр. 15—16.

После боя между «киргизцами» и казаками остается в живых лишь Федор, который был спасен счастливой судьбой. Федор попадает в плен, где он пасет стада «киргизские». В поэме описывается его прошлое, которому «нет возврата».

Наряду с тем, что в поэме Н. Муравьева, по традиции, есть битва с казаками и пленение русского, а также и любовь, тем не менее конец ее расходится с пушкинским произведением.

«Киргизка» Баян любит Федора. Она способствует бегству пленника и сама бежит с ним вместе.

Увы! Давно
Терплю любви моей мученье,
И мне судьбою суждено
Делить с тобою наслаждение.
Не плачь, уралец милый мой,
Я возвращу тебе свободу.

Далее в поэме Н. Муравьева обнаруживаются некоторые самостоятельные, оригинальные мотивы: описание картины боя, ночного бегства Федора с Баян и ночной погони казахов, преследующих беглецов. Н. Муравьев вводит также свой мотив в образе покинутого отца Баян — Котлубая, который очень тоскует по своей дочери. И, несмотря на несомненный подражательный характер поэмы Н. Муравьева, все же «Киргизский пленник» содержит ряд весьма интересных и своеобразных картин, рисующих романтизированный воинственный быт казахского народа.

Наконец следует отметить, что не только сюжет, но и имена героев поэмы Н. Муравьева почти полностью совпадают с таковыми в повести П. Кудряшева. Это не случайно. Эти писатели были знакомы между собой и, возможно, оба они использовали один и тот же сюжет, основанный на местных событиях. Возможно, что Н. Муравьев и сюжет и имена героев непосредственно заимствовал у П. Кудряшева.

Повесть «Киргиз-кайса» В. А. Ушакова

Одним из писателей, бравших в основу своего творчества казахские темы, был Василий Аполлонович Ушаков (1779—1838 гг.). Литературная деятельность его

началась с середины 20-х годов статьями разного содержания, иногда заимствованными из иностранных источников. Им написан ряд посредственных очерков и рассказов: «Любитель театра», «Вечер у литераторов», «Солдаты», «Святки». Неожиданно большое внимание публики привлекла его повесть «Киргиз-кайсак», удивившая не только Н. А. Полевого, с которым В. Ушаков был особенно близок, но и В. Г. Белинского, который отзывался об этом произведении («удивительном и неожиданном») так: «Оно отличается глубоким чувством и другими достоинствами истинно художественного произведения и между тем принадлежит автору «Кота Бурмасака»¹.

Первые две главы повести «Киргиз-кайсак» появились в журнале «Московский телеграф» в 1829 году. Отдельной книгой она вышла в 1830 году.

В повести «Киргиз-кайсак» осуждаются дворянские предрассудки и занавливо хвастаться своим родом (попытка даже захудалых дворян непременно вести начало своего рода от Рюрика...). Повесть содержала в себе протест против сословного неравенства и предрассудков, в ней осмеивались нравы современного В. Ушакову общества.

Краткое содержание повести таково. Некий генеральский адъютант Виктор Славин влюбляется в княжну Софью Любскую, которая живет в семье своего дяди Решимова. Но отец Софьи, член английского клуба, промотавший на карточных играх все свое состояние, хотел бы выдать свою дочь только за «сиятельного» князя. Поэтому Славину с большим трудом удается получить согласие родителей Софьи. Однако счастье Славина оказалось недолговечным. Сводная сестра его, живущая в Оренбурге, срочно вызывает его к себе. По приезде в город из письма покойного приемного отца, оставленного у сестры Евгении, Виктор узнает «историю» своего рождения. Оказывается, что он, Виктор Славин, — сын степной «киргиз-кайсачки» и уральского казака, проданный своей матерью русским за 100 рублей. Мать вынуждена была таким путем спасти от голода свое дитя...

Во время пребывания в Оренбурге Славин встречается с матерью, но по настоятельной просьбе своей свод-

¹ В. Г. Белинский. Собр. соч. Пг., 1919, т. I, стр. 92.

ной сестры, он скрывает от матери свои родственные связи с ней.

Однако Виктор считает своим долгом сообщить тайну своего рождения будущему тестю. Спесивый князь Любский заставляет дочь отказать Славину и возвратить ему обручальное кольцо.

Глубоко тронутый рассказом бедной «киргизки»-матери, пораженный расстройством брака с любимой девушкой, Славин впадает в меланхолию. Товарищи, слыша его жалобы на цивилизованное общество и постоянные упоминания о степи, о «диких киргизах», среди которых он хотел бы жить и умереть, считают его «помешанным». Однако Славин продолжает военную службу и достойно кончает свою жизнь, приняв участие в русско-турецкой войне. Таково содержание повести «Киргиз-кайсак».

На страницах «Литературной газеты» и многих журналов того времени были помещены статьи, в основном весьма благосклонно отметившие новое произведение Ушакова. «Литературная газета» отнесла повесть «Киргиз-кайсак» к малому числу романов, достойных внимания и одобрения публики¹. Оценивая достоинства произведения Ушакова, газета писала: «Рассказ очень хорош. В подробностях вообще много истины и искусства. Многие сцены живы и занимательны. Свидание Виктора с матерью необыкновенно трогательно».

Разбирая стилистические особенности «Киргиз-кайсака», критик журнала «Гирлянда»² уделяет большое внимание письму Славина к другу. Рецензент «Гирлянды» пишет: «Нам особенно нравятся те впечатления младенчества, кои рисуются перед его глазами в туманных и каких-то неопределенных формах: любовь к степи, к этому травяному морю...»

В критических статьях, появившихся на страницах журналов «Московский телеграф» и «Телескоп», а также газеты «Северная пчела», анализировались и некоторые другие стороны повести «Киргиз-кайсак». Так, «Московский телеграф», отмечая занимательность и новизну сюжета нового произведения Ушакова, бросил упрек автору в том, что он «беспрестанно бранит и гонит высшие взгляды»³.

¹ «Литературная газета», 1831, т. 6, стр. 42.

² «Гирлянда», 1831, стр. 17—21.

³ «Московский телеграф», 1831, ч. 45, стр. 543—544.

Достоинства нового «социального романа» В. Ушакова Н. Греч видел в том, что «сочинения сего рода» всеялют «в публику любовь к чтению», знакомят ее «с нравами и обычаями света» и тем самым способствуют «искоренению пороков и слабостей»¹.

Отрицательно отзывался о повести «Киргиз-кайсак» Надеждин. В своей статье, опубликованной в журнале «Телескоп», он отметил, что «при хладнокровном рассмотрении повести видно, что ее главная идея не выполнена, цель не достигнута». Критик упрескает автора в преднамеренном «придумывании» или «прилаживании» дошедшего до него по преданиям происшествия, которое «весьма знаменательно по трогательности положения лиц, в нем участвующих»². Надеждин подчеркнул и композиционную «пестроту» повести В. Ушакова.

В. Г. Белинский, отметивший в статье «Литературные мечтания» достоинства повести, через много лет в своем последнем обзоре «Взгляд на русскую литературу 1847 года» объективно оценивает скромный, но бесспорный вклад Ушакова, сыгравшего наряду с некоторыми другими небольшими писателями определенную роль в создании русского реалистического стиля. Критик писал: «Вспомните романы и повести Нарезного, Булгарина, Марлинского, Загоскина, Лажечникова, Ушакова, Вельтмана, Полевого, Погодина. Здесь не место рассуждать о том, кто из них больше сделал, чей талант был выше; мы говорим об общем им всем стремлении — сблизить роман с действительностью, сделать его верным ее зеркалом»³.

В самом деле, повесть «Киргиз-кайсак» в первой своей части сентиментальная и даже отдающая чем-то старомодным, карамзинским, в последних главах, где рассказано о драме Славина, где приведено письмо приемного отца, подробно излагающее встречу с голодной и нищей «киргизкой», продающей ребенка, где показано материнское горе при разлуке с сыном; попытки новых хозяев ребенка утешить несчастную мать вином; в сцене, изображающей свидание Славина со старой матерью, принявшей христианскую веру и ставшей женой русского крепостного мужика и других — в этих главах повесть

¹ «Северная пчела», 1831, № 15, стр. 122.

² «Телескоп», 1831, № 3, стр. 392.

³ В. Г. Белинский. Сбор. соч. Пг., 1919, т. III, стр. 932.

достаточно реалистична. Чувствуется определенная жизненность, правдивость повести. Она, помимо воли автора, отражает волнующие факты бесправия, нищеты, унижения, которые терпел народ, особенно угнетенные национальностей в царской России.

Несомненно, повесть «Киргиз-кайсак» не оригинальна по идейно-художественным достоинствам и прочно связана с романтической традицией, бытовавшей в западной и русской литературе того времени.

Противопоставление цивилизованного «испорченного» общества миру людей простых, безыскусных и честных; оценка человека по его духовным качествам, а не по длинной родословной; осуждение чванства и заносчивости недостойной знати — все эти проблемы неоднократно ставились крупнейшими современниками В. Ушакова и прежде всего А. С. Пушкиным. Однако В. Ушакову удалось воплотить эти идеи большой литературы в совершенно новом, свежем материале, отражавшем характерные, никем еще не освещенные явления русской жизни.

Романс «Киргиз-кайсак» С. Глинки

Повесть «Киргиз-кайсак» имела большой успех среди читателей. Под впечатлением ее русский писатель и журналист Сергей Николаевич Глинка написал романс под названием «Киргиз-кайсак»¹. С сожалением относится С. Глинка к судьбе киргиз-кайсака:

От рожденья присужденный
К неприятной судьбе;
В жизни — с жизнью разлученный,
Будешь с светом ты в борьбе.
Бедный! Бедный сирота!
Жизни счастье — мечта.
Ты рожден в степи далекой
Для печали и для слез;
Только жребий одинокой
Ты с собой, мой друг, принес.

Прпев.

Что ты? Чем слывешь на свете?
Где души твоей звезда?
Сирота! В таком ответе
Вся твоя, мой друг! Судьба.

¹ «Дамский журнал», 1831, ч. 33, № 5, стр. 73—75.

Припев.

Ты не можешь похвалиться
Знаменитостью чужой:
Ты не можешь породниться
Гордый с гордою мечтой.
Бедный! Бедный сирота
Вот, мой друг! Твоя беда.
Нежной матерью природой
Ты взлелеян, награжден;
Только знатною породой
Ты забыт и обойден.

Припев.

Ты с кипящею душою
Станешь сердца здесь искать.
Ты нашел! — восторг с тобою.
Можешь сладостно мечтать.
Нет! Мой бедный сирота!
И любовь тебе беда.
Не мечтай, друг мой милый
Ты не знатен, не Бурсак!
«Вот!» кричит из-за могилы
«Сирота! Киргиз-кайсак!»

Припев.

И кольцо уж обручально
Грозный шлет отец к тебе.
Принял ты кольцо печально,
Но не с жалобой к судьбе.

Припев.

Сам в себя переселяся,
Сонешь в глубине ночей.
В жизни — с жизнью разлучаясь,
Не нянешь на людей.

Припев.

В битве ты летишь кровавой:
И в бою ты встретил смерть...
Сирота в объятьях славы
Горе перестал терпеть.
Храбрый, храбрый сирота!
Личный подвиг не мечта.
Ты гостил ли между нами?
Или только ты — мечта?
Нужды нет!.. Но верь, с сердцем!
Породнился сирота.
Милый! милый друг сердец!
Жизнь души — тебе венец.

Как видно, романс С. Глинки написан под непосредственным влиянием повести «Киргиз-кайсак» В. Ушако-

ва. Герой романа — киргиз-кайса́к — «сирота», который не может «похвалиться знаменитостью чужой» и лишь в битве кровавой он находит славу и смерть.

Следует отметить, что хотя роман С. Глинки «Киргиз-кайса́к» и не обогатил русскую поэзию 30-х годов XIX века, тем не менее это произведение интересно с точки зрения его содержания, посвященного своеобразной поэтической разработке казахской тематики в русской литературе.

Роман «Иван Выжигин» Ф. Булгарина как пример реакционной разработки казахской темы в русской литературе

В 1829 году вышел в свет роман Ф. Булгарина «Иван Выжигин»¹, посвященный «всем благомыслящим россиянам».

В XIII, XIV, XVI и XVII главах романа нашла свое отражение казахская тематика, что видно даже из их названий: «Плен у киргизцев», «Киргизский философ Араслан-султан...»², «Решение старейшин киргизских относительно вознаграждения...»

Герой романа, от лица которого ведется повествование, приезжает из столицы империи в Оренбург, где жила любимая девушка (Груня). Но последняя изменила с гусарским офицером... и герой романа неожиданно просыпается в киргизской юрте, в «...палатке, на куче войлоков, и, весь, нагой завернут был в сырую баранью шкуру, шерстью вверх. Возле постели... сидел человек, в пестром халате, в высокой, черной бараньей шапке; он играл на гудке, напевал унылым голосом, качал в такт головою и делал страшные гримасы»³. Это был казах, баксы (знахарь), который пришел для оказания помощи Выжигину.

Автор дает описание казахского аула: по берегу озера были раскинута юрты, а вокруг виднелась необозримая

¹ Ф. Булгарин. Собр. соч., Спб., 1829, т. I.

² Как мог, вероятно, заметить читатель, в русских литературных источниках прошлого многие казахские имена, а также некоторые географические названия имеют по-русски различные написания (Нурали, Нуралы; Араслан, Арсалан и т. д.)

³ Ф. Булгарин. Собр. соч., 1829, т. I, стр. 66.

степь, и между небольшими кустарниками паслись многочисленные стада баранов, лошадей, верблюдов и рогатого скота. Мужчины и женщины были заняты работой: одни доили коров и кобылиц, другие проветривали войлоки, третьи разводили огонь и носили воду, иные резали баранов и жеребят. Говор и крики людей смешивались со ржанием коней, мычанием коров и блеянием овец.

Из беседы со своим хозяином герой узнает, что он, Выжигин, узнав об измене любимой девушки, впал в «горячее» состояние и в этом положении был вывезен его соперником Воробятиным и другом его Ножовым в пригород для убийства. Араслан-султан спас Выжигина, отдав приказание завернуть в сырую шкуру барана (автор указывает, что завертывание в шкуру барана — «это одно из средств, которым лечатся киргизцы»); давать порошки из сушеных ног птиц тилегус (что «помогает также и от укушения бешеных собак»); играть на кобызе (как пишет автор, род «гудка» или скрипки...) и пить навар травы шираза. За больным ухаживали жены Араслан-султана, благодаря которым он и выздоровел.

Желая сделать из пленника лихого наездника, султан заставил казахских юношей показать свое искусство перед ним. Выжигин был восхищен ловкостью и искусством «киргизцев в управлении конем и во всех воинских упражнениях» и сам возгорелся желанием научиться этому. Султан при этом высказал ряд мыслей Выжигину о преимуществах жизни в степи: нельзя променять степи «на душные города, где люди собираются обманывать друг друга...». «Что нужно человеку?» — спрашивает Араслан и сам отвечает: «Чтобы он был сыт, одет и спокоен...» Подобное «восхищение» жизнью степи не ново. И автор устами Араслана критикует жизнь городов и превозносит степь: «Наша мечеть — открытое небо, а город — необозримая степь, где никому не тесно и где ни стена, ни забор не удерживают воли».

Выжигин знакомится с песнями и музыкальными инструментами (кобыз и «чибызги» — «дудка из дерева, или из камыша, около аршина длины»), с астрономическими познаниями казахского народа [«Темир-казых» — Полярная звезда, «Чубан-джулдус» — (вернее, Шолпан. — К. К.) — Венера, «Аркар» (Уркер. — К. К.) — Плеяда и т. д.].

В главе XIV Араслан-султан рассказывает о своем знакомстве с жизнью Москвы и Петербурга, куда он попал в качестве аманата. Султан был принят при дворе и «вошел в моду, как новая прическа или новый покрой платья...». Познакомившись с бедной девушкой Софией, султан женился на ней («в степях киргизских знают любовь и дружбу»). Араслан говорит о своей любви к русским («София соединяет меня с вами»). «Я нашел в России много добрых людей, достойных жить с нами, в этих степях память их дорога для меня».

В последующих разделах романа показана жизнь казахского аула.

...Зимовка в ауле Араслана была для всех тяжелой: вследствие джута погибло много скота и народ обеднел. Султан пошел на серьезный риск, решив напасть на большой караван. Во время битвы с охраной каравана Иван спас жизнь султану. В числе взятых пленных оказались и русские.

Иван Выжигин по решению казахских старейшин племени баганалы-кипчаков был освобожден из плена за свой подвиг и возвратился на родину.

Появление так называемого «киргизского эпизода» в «Иване Выжигине» Ф. Булгарина также связано с ростом общественного интереса России к казахским землям. Ф. Булгарин, будучи тесно связан с кругами, близко стоявшими ко двору, очень чутко прислушивался к интересам и запросам нарождающейся русской национальной буржуазии, которая свои алчные взоры обращала на «инородческие» окраины, рассматривая последние как источники дешевого сырья и обширные рынки сбыта. В этом плане вполне понятной становится стремление писателя, рисуя жизнь казахов с позиции своеобразного любования экзотикой и противопоставления «привольной» жизни кочевников в степных просторах жизни в «душных» городах... И весь смысл «киргизского эпизода» романа Ф. Булгарина основан на стремлении увековечить и сохранить эту примитивную жизнь кочевников. Так, Араслан-султан, прожив несколько лет в крупных городах России, вернулся к родным пенатам, твердо убежденный в превосходстве патриархальной жизни степи над цивилизацией и культурой.

Следовательно, Ф. Булгарин остался верен своему реакционному мировоззрению: он проявил себя как апо-

логет дворянско-буржуазной империи и яростный противник проникновения русской демократической культуры в Казахстан.

* * *

В 20-х годах XIX века на страницах «Отечественных записок» было помещено сообщение неизвестного автора — очерк очевидца-путешественника под названием «Торговая дорога из Астрахани через Каспийское море в Хиву и Бухарию»¹. В этих путевых очерках описывается путь русских купцов, отправлявшихся в Хиву и Бухару через Каспийское море и Мангышлак.

В очерке сообщается, что если раньше проводниками русских караванов были туркмены, то теперь их стали сопровождать казахи. В очерке также приводится легенда об Александре Македонском — завоевателе Востока. Где-то на своем пути купцы увидели квадратное строение, в котором якобы Александр Македонский захоронил несметное богатство, и это место называли Барса-Кельмес². Эти записи не имеют особой научной ценности, но свидетельствуют об интересе различных слоев русского общества к «неведомым» жителям степи — казахам.

В 1828 году в «Отечественных записках» было опубликовано описание поездки Екатерины II в Тавриду. Французский посол Сегюр, сопровождавший императрицу, сообщает о своей беседе с Екатериной, в которой были упомянуты и казахи («киргиз-кайсаки»).

«Время не пришло еще до сих кочующих народов, — сказала императрица, — они сохранили первобытную простоту нравов; живя под своими шатрами, питаюсь мясом и молоком своих стад, повинуюсь своим начальникам, которые скорее могут назваться отцами семейства, нежели господами. — они должны быть счастливы; нужды их немногочисленны и желания легко удовлетворимы: податя, состоящая в шкурках, совсем для них не тягостна»³.

Екатерина II по свойственной ей манере изображает идиллическую картину жизни своих подданных. Действительность же была гораздо суровее. Как известно из истории крестьянских войн XVIII века, угнетенные народ-

¹ «Отечественные записки», 1821, ч. 5, № 10, стр. 190—199.

² Барса-Кельмес — Буквально: пойдет — не вернется.

³ «Отечественные записки», 1828, ч. 33, № 95, стр. 472—473.

ности на окраинах Российской империи, в том числе и казахи, не выдержав гнета со стороны царизма, сплотились вокруг донского казака Е. Пугачева, возглавившего массовое движение угнетенных против самодержавия.

Как видно, казахская степь и ее обитатели начинают широко входить в русскую литературу и журналистику 20-х годов XIX века. На страницах «Московского телеграфа», «Вестника Европы», «Литературной газеты», «Библиотеки для чтения», «Детской библиотеки», «Отечественных записок», а также «Сына Отечества» печатались самые разнообразные произведения, посвященные казахской тематике. Цель изображения казахской степи была различна, что зависело от политических взглядов, от позиции, которой придерживался редактор журнала. Но в этих журналах стали все чаще печататься повести, изображающие нравы, обычаи, быт и поверия разных племен, обитающих в России, особенно казахов.

Таким образом, 20-е годы XIX столетия ознаменовались появлением новых литературных и журнальных работ, посвященных казахской тематике. В эти годы еще более яснее наместились два подхода, два течения в русской культуре по изучению, исследованию и описанию жизни казахов и Казахстана.

РУССКО-КАЗАХСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В 30—40-х ГОДАХ XIX ВЕКА

Казахский народ и Казахстан в трудах А. И. Левшина

Одним из самых крупных исследователей «Киргизского» края был Алексей Ираклиевич Левшин. В 1820 году он был назначен в Оренбургскую пограничную комиссию, где занялся разбором архива «киргизских дел». Результатом тщательного изучения архивных материалов края и был его труд по истории и этнографии казахского народа и его соседей-уральцев под названием «Историческое и статистическое обозрение уральских казаков»¹. Кроме этого, А. И. Левшиным были написаны «Путевые записки»², «Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких орд и степей», вышедшее отдельной книгой в Санкт-Петербурге в 1832 году, и другие работы. За свои ценные труды он получил звание члена многих русских и иностранных научных обществ.

Определенный интерес представляет заметка А. И. Левшина, помещенная в отделе «Смесь» журнала «Вестник Европы»³ под названием «Свидание с ханом Меньшой киргиз-кайсацкой орды».

А. И. Левшин в сопровождении нескольких чиновников был в ауле хана Младшего жуза Ширгазы. После долгой беседы с ханом гостям преподнесли бесбармак. За беседой русские заинтересовались музыкой казахов. Этим временем сын хана привел музыканта с сыбызгой, который начал наигрывать казахские народные мелодии. В конце этого своеобразного «концерта» сын хана исполнил ряд русских песен на балалайке.

¹ «Северный архив», 1823, № 12-15, ч. 6—7.

² «Вестник Европы», 1820, ч. 114, № 22, стр. 137—148.

³ Там же.

Пробыв еще некоторое время в ауле, русские в сопровождении казахов поехали домой. Провожатые-казахи, желая позабавить спутников, начали своеобразную импровизацию. Русские сначала не понимали происходившего, а потом убедились, что идет песенное состязание певцов-импровизаторов. Акыны стали восхвалять спутников. «После окончания сей оды, певец повернул лошадь и поехал в нескольких шагах от нас по левую сторону, в то же время другой киргизец взял вправо, — и начался дуэт. Первый певец, пропев один куплет, умолк; тогда запел второй, потом продолжал опять первый, за ним опять второй, и так далее... Все слышанное нами тут было пропето без всякого приготовления, ибо киргизцы не имеют и таких песен, которые были однажды сочинены, переходили бы от одного к другому; всякий из них сам сочиняет, мешая разные мысли свои с изображениями встречающихся глазам предметов, всякий сам импровизатор»¹.

Действительно, во время состязаний — айтысов поэты-акыны пели экспромтом, что, конечно, требует большого опыта, мастерства, находчивости и отточенного остроумия. Однако нельзя согласиться с мнением автора, что казахи «не имеют таких песен, которые были однажды сочинены, переходили бы от одного к другому». Вся устная поэзия казахского народа, сохранившаяся до наших дней, опровергает это мнение А. И. Левшина.

На вопросы, заданные путешественниками, не лучше ли оставить степь и переселиться в такой прекрасный город, как Петербург, один из казахов отвечал: «Город чудесный, но для меня в степи приятнее; я в ней родился и вырос; я привык к ней, я не могу оставить ее». «Киргизец сей в трех или четырех словах сказал мне более, нежели все пространное рассуждение наших европейских ученых о любви к отечеству»², — отмечает А. И. Левшин.

Большой интерес представляет очерк А. И. Левшина «О просвещении киргиз-кайсаков»³, к которому «Северный архив» предпосылал следующее вступительное слово: «Автор жил там (в Казахстане. — К. К.) около двух лет, наблюдал, собирал сведения от старейшин сего на-

¹ «Вестник Европы», 1820, ч. 114, № 22, стр. 137—138.

² Там же, стр. 139.

³ «Северный архив», 1825, ч. 18, № 24, стр. 313—332.

рода, пользовался делами Оренбургского архива и сравнивал, и потому-то сочинение его чрезвычайно важно для отечественной истории и статистики»¹.

Содержание его таково. По автору, ни кочевой образ жизни, ни нравы, ни религия не позволяют казахам быть образованными. Все просвещение их состоит из нескольких слабых лучей, почти невольно озаряющих человека, который хоть немного мыслит, имеет воображение и принимает впечатление окружающих его предметов. Но, по мнению автора, эти познания казахов обезображены суеверием.²

Действительно, казахский народ, находясь под двойным гнетом, не мог и думать о просвещении. Указ императрицы Екатерины II в 1785—1786 годах о построении мечетей и школ на казахской границе, не был выполнен. Позднее, в период царствований Павла I и Александра I, были созданы национальные, «туземные» училища. Порядки проведения занятий в них и сбор платы за обучение были таковы, что казахские шаруа в массе своей не могли обучать детей. Поэтому учились исключительно дети ханов, султанов и их приближенных. Муллы, посылаемые царскими ставленниками из Оренбурга в степь, не были заинтересованы в просвещении народа. Да и сами они были малообразованны, а подчас просто невежественны. Зачастую муллы не знали даже значения арабских слов в «священных книгах», но упорно заставляли детей зазубривать длинные фразы из Корана или из других арабских книг. Так как образованных людей в аулах было очень мало, то само по себе понятно, почему казахи каждого сколько-нибудь грамотного человека называли «ученым». Следует также отметить, что не отличались своей грамотностью ханы и султаны. Как пишет А. И. Левшин, «ханы, султаны и баи в сем случае не отличаются от последних подвластных и имеют у себя писмоводителей или мулл, которые читают им получаемые бумаги и отвечают за них. Повелители орд и родов прикладывают только к своим письмам печати, на коих вырезаны их имена»³. Простые казахи («простолюдины»), отмечает автор, не имея печатей, употребляют тамги, или знаки, особенные для каждого рода.

¹ «Северный архив», 1825, ч. 18, № 24, стр. 313.

² Там же, стр. 313—314.

³ Там же, стр. 314—315.

А. И. Левшин уделил также внимание поэзии и музыкальному искусству казахов. Гомер, Платон, Аристотель, отмечает автор, говорили о существовании изящных искусств в те времена, когда мир, так сказать, еще был в пеленах; новейшие путешественники нашли их у большей части полудиких. Казахи, столь близкие во многих отношениях к последним, представляют новое доказательство того, что «человек рождается поэтом и музыкантом», — пишет А. И. Левшин. Конечно, поэзия казахов не есть наука, и они не сочиняют стихов; но автор надеется, что ни один просвещенный читатель не откажет им в понятиях о стихотворстве, когда узнает, что казахи, подобно древнейшим народам мира, имеют песни, в которых прославляют подвиги своих героев, описывают природу и поют любовь.¹ Песни эти — дуэты, терцеты и квартеты, в которых исполнители поют один за другим по куплету под аккомпанемент музыкальных инструментов.

Излюбленной формой эпического жанра у казахов, замечает автор, являются сказки, наполненные чудесами, волшебствами и убийствами. Герои сказок очень похожи на европейских рыцарей XII и XIII столетий: они ездят по степям в поисках приключений, сражаются с колдунами, богатырями и прославленными наездниками. Красноречивые казахские рассказчики, отмечает А. И. Левшин, умеют украшать свои повести «уподоблением к природе подражающими словами; почему приравнивают голоса свои к крику разных животных; дополняют описания телодвижениями, и, входя в положение своих героев, принимают в них самое живое участие. Во всех рассказах сего народа, — подчеркивает автор, — видно пылкое воображение и склонность к пиитическому энтузиазму».²

Говоря о баксах³, А. И. Левшин пишет об их способе «лечения» музыкой, определенными телодвижениями и криками. Баксы исполняли обязанности и лекарей и гадалей.

Коснувшись астрономических познаний казахов, А. И. Левшин отметил, что пастух, живущий всегда под открытым небом, скрывающийся от дневного зноя под

¹ «Северный архив», 1825, ч. 18, № 24, стр. 316—317.

² Там же, стр. 320.

³ То же, что шаманы, знахари.

тенью деревьев, скал или в пещерах, и потому почти всегда наслаждающийся величественным зрелищем ясной ночи; пастух, не имеющий других часов для определения времени, кроме солнца, луны и звезд, другого занятия, кроме рассматривания их,—невольно и неприметно знакомится с большей частью светящихся над головою его точек, узнает постепенно время восхождения и захождения их, замечает расстояние одной от другой и использует все это для повседневной практики...¹

Дальнейшему развитию основ астрономических познаний в среде казахского народа помешали звездочеты, или «аралчи», которые свои познания употребляли не для изучения законов небесных светил, а для обмана народа. Они объявляли себя посредниками между народом и «обитателями» неба. «Аралчи» гадали по звездам, предсказывая будущее, пугали и обнадеживали людей, попавших в затруднительное положение.

Интересно также сообщение А. И. Левшина о казахском летоисчислении. «Счисление от эгиры, или бегства Магомета, известно в киргизском народе только ученым муллам; прочие не имеют и понятия об оном, но более считают могольскими юбилеями, содержащими в себе по 12 лет, из которых каждое носит название какого-нибудь животного»².

У казахов периодический (12-летний) календарь содержал следующие годы: первый год назывался мыший — тышхан; второй — коровий — сыйыр; третий — барсовый — жолбарыс; четвертый — заячий — хоян; пятый — крокодиловый — улу; шестой — змеинный — жылан; седьмой — лошадиный — жылки; восьмой — бараний — кой; девятый — обезьяний — мешин (пичин); десятый — куриный — тауых; одиннадцатый — собачий — ит; двенадцатый — свиной — донгыз.

О мерах веса А. И. Левшин пишет, что казахи «взвешивали», пользуясь глазомером. Мера же времени у них — зрение и слух.

Издателя «Московского вестника» М. Погодина заинтересовало происхождение слова «казах». Ответом на вопрос об имени киргиз-кайсаков послужила статья (отрывок из «Описания киргиз-казацких, или киргиз-кай-

¹ «Северный архив», 1825, ч. 18, № 24, стр. 324—325.

² Там же, стр. 330.

Обложка книги А. И. Левшина «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей».

сацких орд и степей») А. И. Левшина, помещенная в этом журнале.¹ Отмечая «высокое» содержание ее, М. Погодин вынес А. И. Левшину благодарность за столь интересную работу.

Позднее указанные статьи и очерки А. И. Левшин включил в третий том упомянутого выше фундаментального труда «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кай-

¹ «Московский вестник», 1827, ч. IV, № 13, стр. 432—451.

сацких орд и степей». Это сочинение явилось крупным этапом в развитии историографии Казахстана. До настоящего времени по своей точности и богатству фактического материала этот труд может служить одним из ценных источников по истории дореволюционного Казахстана. В свое время «Описание...» было исключительно важным явлением в культурной жизни России. Это был настоящий большой труд о стране, которую почти никто не знал, о которой не имели полного представления даже ученые. Книга А. И. Левшина была по заслугам высоко оценена современниками.

«Мы, русские, можем гордиться тем, что наши соотечественники познакомили свет с землями, лежащими по ту сторону Каспийского моря: г. Муравьев своим путешествием в Туркмению и Хиву, г. Мейендорф — путешествием в Бухару и, наконец, г. Левшин — описанием киргиз-казахских орд и степей. Все сии сочинения не сборники поверхностных сведений, не легкие очерки предметов известных или богатых пособиями для описания, а оригинальные труды, изыскания, сказания очевидцев»¹, — такой благоприятный отзыв дал на своих страницах «Московский телеграф».

Успех труда А. И. Левшина был огромен. Многим издателям журналов хотелось скорее осведомить публику об издающемся сочинении.

Барон Дельвиг, ознакомившись с «Описанием...» еще в рукописи, дал такую оценку этому труду: «Почтенный автор (А. И. Левшин. — К. К.) долго путешествовал по киргизской степи и собрал всевозможные сведения о народе, кочующем по оной. Лестное доверие автора познакомило нас отчасти с его сочинением: рукопись его была у нас в руках несколько времени, и мы смело скажем, что у нас редко появляются книги, столь богатые учеными изысканиями, столь занимательные по своему предмету и по образу воззрения сочинителя, и притом оживленные столь хорошим, увлекательным слогом. А. Левшин скоро напечатает сочинение свое вполне. Это будет новый и богатый вклад, приносимый русским ученым в общеевропейское хранилище сведений об Азии»².

Так как труд А. И. Левшина по своему объему был

¹ «Московский телеграф», 1832, ч. 48, стр. 545.

² «Литературная газета», 1831, т. III, № 2, стр. 11—12.

А. А. Дельвиг (рисунок В. Лангера, 1830 г.).

весьма обширен и не всякое периодическое издание могло «одолеть» это сочинение, издатели «Журнала Министерства внутренних дел» в 1833 году опубликовали краткое «переложение» трехтомного сочинения, сделав его доступным для широкого круга читателей.

При работе над историей казахов А. И. Левшин пользовался архивами Азиатского департамента Министерства иностранных дел (за 1819 и 1820 годы), архивом Оренбургской пограничной комиссии, а также рукописными журналами и путевыми записками русских путешественников. Собранные материалы были дополнены его собственными исследованиями, вышедшими в свет до «Описания киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей», а также впечатлениями, полученными

во время двухлетнего пребывания в Оренбургском крае. А. И. Левшин — первый русский ученый, который уделил серьезное внимание вопросу изучения истории казахского народа. Он не ограничился только историей присоединения казахских жузов к России, как это было сделано П. И. Рычковым и другими.

«Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких орд и степей» делится на три тома: первый посвящен географическим сведениям о Казахстане, второй освещает историю казахов с древнейших времен до начала XIX века и третий содержит обширные сведения по этнографии казахского народа.

В первом томе автор подробно знакомит читателей с расположением и границами казахской земли, климатом, почвами, реками и главнейшими торговыми трактами. Согласно его описанию, степь не представляет собой одну обширную плоскую равнину. Для рельефа Казахстана характерно то, что во многих местах замечаются следы недавнего геологического прошлого, когда большая часть казахских степей была покрыта водой, о чем свидетельствуют морские раковины, галька и многие другие признаки. В тех местах, где встречались скалы с вытекающими источниками «железной» воды, согласно взгляду ученого Пандера, зачастую обнаруживались признаки наличия следов полезных ископаемых...

Большой интерес представляют довольно подробные сведения, сообщаемые А. И. Левшиным о домашних животных, диких млекопитающих, птицах, рыбах, насекомых и растительном мире Казахстана. Не прошли мимо его внимания и те развалины древних памятников, которые встречались в степи. А. И. Левшину трудно было сделать вывод, к какому именно времени относятся эти развалины. В одних он видел признаки капищ, посвященных ламаутскому служению и, вероятно, принадлежавших монголам или джунгарам, другие были похожи на магометанские мечети, третьи являлись остатками древних азиатских жилищ, четвертые оказались настолько разрушенными, что нельзя было распознать даже материала, из которого они строились. От одних остались большие камни, от других — кирпичи, от третьих — глина.

На вопрос исследователя об истории развалин местные жители не могли дать исчерпывающего ответа.

А. И. Левшину было известно только то, что некоторые кладбища казахи называли ногайскими¹.

Остатки древних сооружений в виде очень длинной и широкой каменной стены, расположенные на левой стороне Иртыша, А. И. Левшин относил к аблайкитским² развалинам. В них были найдены два здания, внутри которых помещались статуи, живописные изображения бурханов и много письменных документов.

Интересно упоминание А. И. Левшина о том, что на берегу реки Аягуза стоит остроконечное здание, в котором находятся три каменные статуи: две из них якобы изображают эпических возлюбленных Козы-Корпеш и Баян-Слу, а третья — их служанку. Козы-Корпеш и Баян-Слу — герои древнейшей казахской поэмы, воспевающей трагическую любовь Баян и Козы. По легенде, они были похоронены вместе. Памятник этот существует до сих пор, но никаких статуй внутри мавзолея нет.³

Особый раздел в первой книге посвящен автором сведениям о реке Сыр-Дарье. Историко-географическое сообщение о Сыр-Дарье было им написано до работы над «Описанием...». В 1828 году, когда А. И. Левшин находился в Париже, эти известия были напечатаны на французском языке. Благодаря лестным отзывам Жюбера и Клапрота, А. И. Левшин был избран членом Парижского азиатского общества.

Река Сыр-Дарья стала известна еще со времени Кира и Александра Македонского. Разные были мнения древних ученых о названии реки. В свое время Сыр-Дарью называли и Яксартом и Араксом, под Сыр-Дарьей разумели даже Волгу. Затем было уточнено, что Геродот под Араксом разумел и Волгу и Сыр-Дарью и Аму-Дарью, а также современный Аракс.

Берега Сыр-Дарьи с древних пор были плотно населены. «Один бухарец, часто посещавший Оренбург

¹ «Киргиз-казаки иначе не называют татар, в России живущих, как ногаями. Слово «татары» совсем у них неупотребительно, и принадлежало, по их мнению, какому-то подлому народу... Бухарцы и хивинцы то же думают и также называют татар российских ногаями». Примечание А. И. Левшина: «Описание...» Спб., 1832, ч. I, стр. 20.

² Аблайкит — развалины буддийского монастыря, расположен на территории нынешней Восточно-Казахстанской области.

³ С 1960 года ведутся работы по восстановлению памятника легенды казахского эпоса.

и слывший человеком ученым, рассказывал... будто бы в древние времена берега Сыра и Аральского моря были столь населены, что кошка могла пройти из Туркестана в Хиву, перебегая с одной крыши на другую¹.

В части описания Сыр-Дарьи А. И. Левшин пользовался всякого рода русскими географическими известиями о казахской степи, собранными им из путевых записок Палласа, Гладышева, доктора С. Большого, барона Мейендорфа, геодезиста Шангина, Бурнашева, Поспелова и Назарова.

Во втором томе своего труда А. И. Левшин стремился, насколько это было возможно в то время, осветить историю «киргиз-кайсаков», происхождение названия этого народа, положение его до и после вступления в русское подданство. В частности, автором был дан исторический обзор положения трех казахских жузов — Большого, Среднего и Малого — после принятия некоторыми из них подданства Российской державы.

Как в Европе, так и в России казахов называли «киргиз-кайсаками». Однако как сам народ, так и соседние восточные государства казахов называли «казаками». Их зачастую путали с киргизами [как их тогда называли кара (черный) киргизами или дикокаменными киргизами — бурутами].

Кайсак — это искаженное слово казах. А. И. Левшин считает нужным дать этой народности собственное ее название «казаки»²...

Однако полного освещения истории казахов до при-

¹ «Описание...», СПб., 1832, ч. I, стр. 214.

² Название «казак» окончательно было уточнено только в советское время. Для отличия народов, населяющих Казахстан, от донских и уральских казаков, стало употребляться написание «казак». Происхождение слова «казак» до сих пор недостаточно исследовано. Очень много легенд существует и у самих казахов о происхождении этого слова. Во всяком случае название «казахи» существует с давних времен. А. И. Левшин отмечает, что «слово кайсак или касак есть испорченное имя казан». Под последним именем «известны они персиянам, бухарцам, хивинцам и пр. народам Азии. Китайцы, смягчая начальную букву к, говорят хасаки. До XVIII столетия и в России не знали киргиз-кайсаков, но именовали их казаками, Казачьею ордою». Здесь автор ссылается на «Историю государства Российского», где в IX томе, стр. 646 сказано: «Орда киргиз-кайсаков, называется в делах ногайских обыкновенно, казачьёю». То же видно и из летописей.

Таким образом А. И. Левшин отличает казахов от каракиргизов, или дикокаменных киргизов (бурутов).

нятия Младшим жузом подданства России (то есть до 1730 года) А. И. Левшин не смог дать.¹ Он ограничивается отдельными сведениями некоторых путешественников, бывших в казахской степи. Говоря о происхождении казахов, А. И. Левшин считает, что «казаки» известны очень давно, в древности они не уступали ни найманам, ни киргизам, ни другим соплеменным с ним народам. По А. И. Левшину, якобы после распада Золотой орды к казахам присоединились племена кипчаков, найманов, конрадов, джалаилов, канглы и другие, но говорить о казахах, как о самостоятельной народности до XIV века было, по-видимому, очень трудно. Действительно, в образовании казахской народности большую роль сыграли племена: керей, найманы, кипчаки, алчины, дулаты, аргыны, уйсуну, канглы и др.

А. И. Левшин довольно подробно описал историю проникновения европейских путешественников в Казахстан и первые стремления русских государственных деятелей завязать дипломатические сношения с казахами.

Историческое обозрение трех казахских жузов — Большого, Среднего и Младшего — со времен принятия Младшим жузом подданства России и до XIX века дано автором довольно обстоятельно. В хронологическом порядке описываются все события, происходившие в казахской степи, охарактеризованы отдельные казахские ханы, а также внешняя и внутренняя политика их и т. д.

В среде казахов, как отмечает автор «Описания...», нет равенства: «Киргизы разделяют себя на два разряда: на белую кость и на черную кость». К «белой» кости относят себя ханы, султаны и ходжи, а к черной — весь остальной народ... А. И. Левшин в этом разделении увидел «начало аристократии». Он также отметил наличие в казахском народе тюленгутов (телохранителей ханов и султанов) и кулов — рабов.

Характеризуя «образ жизни» казахов, А. И. Левшин считает необходимым подчеркнуть, что существует два подхода к изучению и описанию жизни кочевников: романтическое любование жизнью «беспечных пастухов счастливой Аркадии» или хладнокровное видение «в них

¹ Следует отметить, что первая глава II тома «Исторические известия о киргиз-кайсаках или киргиз-казахах» в виде сокращенной статьи была представлена Азиатскому обществу в Париже и напечатана в «Journal asiatique». 1828, декабрь.

только полудиких» племен, подобных скифам Геродота, монголо-татарам Чингис-хана, бедуинам, курдам и т. д.

Третий том труда А. И. Левшина посвящен этнографическим известиям. Многие статьи, вошедшие в него, были напечатаны в ряде русских журналов в 20—30-х годах XIX века. Кроме того, в последнюю часть включено несколько глав, содержащих интересные сведения о вере и суевериях казахов.

Религия казахов представлялась А. И. Левшину как смешение учения ислама с остатками идолопоклонства. Кроме того, подчеркивается, что сами распространители мусульманской религии внушали верующим мысль, что, кроме «благотворителя — бога», имеются злые духи (шайтаны), постоянные источники зла.

Помимо духовных лиц, казахскому народу забивали голову всякие колдуны, ворожен. Зачастую это были выходцы из Бухары, Хивы или пришельцы из Казани и Уфы. Иногда они обучали своему «искусству» местных «любителей». Обряды, связанные с колдовством, напоминали средневековые мистерии. Народ смотрел на колдовство и ворожбу как на занятное представление. И это несмотря на то, что приезжие из Бухары, Хивы, Туркестана представители магометанского духовенства, а также муллы, посылаемые российским правительством к казахским ханам и родоначальникам, тщетно старались привить народу «любовь» к мусульманскому богослужению и гаданиям по Корану.

А. И. Левшин указывает, что казахский народ настолько нерелигиозен, что «исланизм совсем бы мог в нем угаснуть, если бы не поддерживали онго духовные, часто приезжающие из Бухары, Хивы, Туркестана, и муллы, определяемые Российским правительством к ханам и родоначальникам, для исправления должности писмоводителей».

О том, что число поклонников ислама было не очень велико, свидетельствует масса пословиц и поговорок, направленных против бога и против служителей ислама. В числе их такие: «Если не устанешь бить, бог и тот помрет» или: «Чем невежественнее народ, тем пышнее чалма у муллы», «Бык жиреет на хорошей траве, мулла — на покойниках» и т. д.

В книге А. И. Левшина можно найти описание характерных степных игр. Особой формой казахских забав

являлась стрельба из лука. Искусные стрелки стреляли в цель не только стоя неподвижно на земле, но и на скаку, стоя в седле скачущего коня. Некоторые стреляли по движущейся цели. Все это напоминало автору турниры европейских рыцарей...

А. И. Левшин отметил, что казахи очень любят борьбу и борются с большим искусством, схватывая друг друга за шею. Ему также понравилась байга (состязания конников), когда смелый и гибкий всадник поднимает что-нибудь (козленка и пр.) с земли на полном скаку; или крепко держится в седле, в то время как его с одной стороны стягивают с лошади арканом.

С особым интересом описывает автор народные игры. Вот одна из них. Хозяин дома, где собрались гости, приносит кость и с нею обходит круг сидящих, затем кладет кость на колени одной из девушек. Тогда в игру вступает один из мужчин. Последний подходит к девушке, сложив сзади руки. Затем, не разводя руки и не отнимая ног от земли, должен достать зубами кость с колен. Неудачников девушки наказывают. Существовала игра, в которой один из участников должен был ртом достать монету, брошенную на дно большой чашки, наполненной водой.

Между играми обыкновенно устраивался отдых. Усевшись в круг, мужчины и женщины начинали петь. В своих песнях они восхваляли достоинства своих друзей и подруг. Зачастую говорили колкости, что было очень забавно для слушателей.

Нельзя не отметить сообщение А. И. Левшина и о казахской медицине. Пустые и суеверные обряды мнимых лекарей (баксы) не являлись искусством народной медицины. Народ знал массу полезных лекарственных растений и множество способов лечения от болезней. Например, обмороженные конечности заворачивали в свежую шкуру только что заколотого барана, так же лечили и от ран. С давних времен казахи лечили ожоги чайным порошком. Тогда как, судя по замечаниям Поль де Крюи, сделанным в книге «Стоит ли им жить», лишь в 1824 году в Америке впервые совершенно случайно употребили таннин для лечения ожогов.

Последний раздел книги А. И. Левшина посвящен прикладному искусству и ремеслам казахов. Как известно, искусство казахов в основном было связано со ското-

водством. Поэтому основным материалом для произведений искусства служили шерсть и кожа. Из шерсти выделывали разного рода кошмы, ковры и т. д. Они украшались национальным орнаментом. И это делалось очень искусно.

До того как начать катать разостланную шерсть, сверху на нее накладывали разноцветный рисунок из шерсти. Затем все это опрыскивали водой, свертывали в трубу и целая группа женщин, мужчин и детей катали эту шерсть до тех пор, пока она не превращалась в кошму. Из шерсти делали головные уборы, разного рода ковры, ковровые дорожки, длинные узкие полосы (бау), которые обыкновенно вешали в юртах. Из кожи шили шубы, выделывали разного рода посуду для напитков, так называемые торсык, саба¹. Кожу, предназначенную для выделки сосудов, очищали от шерсти, квасили в кислом молоке, затем натягивали на какой-нибудь предмет, чтобы придать ей соответствующую форму, после чего коптили. Кумыс или молоко в таком сосуде сохранялось очень долго даже в жару и не нагревалось.

Все шерстяные и кожаные изделия изготовляли женщины. Кроме того, они занимались вышиванием, делая сложные, порой изумительно тонкие и изящные рисунки.

Не отставали в своем искусстве от женщин и мужчины. Те же рисунки они использовали в своем ремесле: украшали различной резьбой конскую сбрую. Искусные мастера выделывали разные украшения из серебра для женщин. Кузнецы мастерили ножи, копыя, чеканы и другие вещи, необходимые в хозяйстве кочевников.

Очень распространена была резьба по камню и кости. Все предметы, сделанные резчиками, окрашивались розовой, красной, синей, зеленой и желтой красками. В результате получался очень яркий рисунок. Ажурные рисунки по кости украшали деревянную казахскую кровать, а также всякие подставки. Для стойкости украшения из кости прибивались в виде инкрустации искусно сделанными с узорными головками гвоздями из серебра.

В работе А. И. Левшина имеются и некоторые иллюстрации: верховой казах, две казашки (женщина и девушка). Правда, рисунки весьма примитивны: костюмы на женщинах мало похожи на казахские национальные

¹ Кожаные мешки для хранения кумыса.

одеяния, а их лица чересчур однотипны. На виньетках трех томов приведен рисунок, изображающий кладбище на острове реки Сыр-Дарьи. Этот рисунок неправдоподобен. Кладбище скорее похоже на остатки каких-нибудь древних дворцов или мавзолеев в Александро-Невской лавре в Петербурге, нежели на степные могилы. Правда, в степях иногда тоже сооружались красивые надмогильные памятники, но они в основном были примитивными, строились в виде конусов или просто квадратной мазанки.

Как видим, А. И. Левшин коснулся самых разнообразных сторон жизни казахов. Несмотря на сложность работы, ему удалось в целом создать весьма обстоятельный труд о Казахстане.

* * *

Быт, нравы, искусство народов, населяющих далекие окраины России, становясь предметом изучения ученых и описания путешественников, стали привлекать внимание русской читающей публики. Так, идя навстречу пожеланиям общества, журнал «Отечественные записки» помещает иногда в себе и статьи, часто литературные, например, «повести... изображающие нравы, обычаи, домашний быт и поверья разных племен, обитающих в России»¹.

В числе произведений, помещенных в «Отечественных записках», издаваемых П. Свиным, были и очерки генерал-майора Семена Богдановича Броневского (1786—1858 гг.) «Заметки о киргиз-кайсаках Средней орды»².

Находясь на должности атамана сибирского линейного казачьего войска, в 1814 году С. Броневский принимал участие в подавлении «мятежа киргизов». В 1822 году он командовал экспедицией, посланной для «окончательного покорения» Табуклинской волости Среднего жуза. В 1835 году по указанию Николая I С. Броневский в чине генерал-лейтенанта был назначен генерал-губернатором и командующим войсками Восточной Сибири. Конечно, он был преданным защитником самодержавного строя. За свои заслуги перед царским правительством

¹ Н. Трубицын. «О народной поэзии», Спб., 1912, стр. 50.

² «Отечественные записки», Спб., 1830, ч. 41, стр. 42—43.

был неоднократно награжден. В 1834 году от Московского общества сельского хозяйства он получил золотую медаль «За содействие учреждению в Омске школы земледелия и опытного хутора и развитию среди киргизов оседлости в целях хлебопашества».

Плодом его «деятельности» в казахской степи явились «Заметки о киргиз-кайсаках Средней орды». Свои очерки С. Броневский начинает с истории происхождения казахов и с описания области их обитания и границ.

Казахское кладбище на территории Младшего жуза.

Коснувшись тяжелого положения казахской бедноты, С. Броневский писал: «Бедный класс киргизов с охотою отдается в услужение за малую плату казакам... Кто бывал на линии, тот видел, сколько жалких юрт, прислоняясь к селениям, тоскливо дымятся, сколько при всяком редуте байгушей (бедных) полунагих пресмыкается... Одни, живя постоянно по найму на год и более в домах казаков и крестьян, исправляют всякую домашнюю работу... Есть много таких, которые довольно обрусели»¹.

Наблюдая быт казахов, автор подмечает высокое развитие прикладного искусства. Вся трудовая деятельность в основном ограничивается домашними самыми необходимейшими потребностями. Казахи делают юрты из деревянных тонких решеток, покрытых войлоками. Внутреннее убранство и утварь состоят из камышовых рогожек, украшавших стены юрты... Выделывают кочевники пики, ружейные ложки и кереге, или решетки для

¹ «Отечественные записки», 1830, ч. 42, стр. 176—177.

юрт. В некоторых волостях изготавливают железные, медные и серебряные вещи, которые обрабатывают довольно искусно. Казахи собирают шерсть с овец и верблюдов, сортируют ее и из лучшей выделывают ткани для армяков, а из худшей — ковры, мешки, войлоки различной величины. Из конского волоса вяют прекрасные арканы. Кожу лошадиные и воловьи вырабатывают на сыромять; из овечьих шкур делают овчины, из козлов — род замши, дымом желченные для верхнего платья. Кожу на обувь казахи получают из России самой грубой выделки красного цвета, с марсею. Тканье армячины и разных полосатых тесемок производят на ручных станках простейшего устройства.¹

В своих «Заметках» автор отметил, что казахи Большого жуза, проживающие в Семиречье («кочующие на урочище семи рек, около озера Балхаш, при реке Или...»), «с прилежанием занимаются земледелием». Автор подчеркнул благоприятное влияние примера узбекских земледельцев на деятельность казахского населения Семиречья, начавшего широко заниматься хлебопашеством.

С. Броневский видел, что земледелие проникло далеко на восток казахских степей. Так, у основания Нарымских гор Восточного Казахстана казахи получают довольно богатые урожаи проса путем полива «водою, проводимую канавами из горных ключей»².

Вопросы влияния земледельческой культуры русского населения приграничной зоны, а особенно первых русских переселенцев в казахской степи на освоение земель кочевниками под посевы интересуют многих русских исследователей и администраторов-чиновников. Так, Г. Шахматов и С. Броневский в своих «Замечаниях о хлебопашестве киргиз-кайсаков Средней орды»³ показали, что земледелием в Среднем жузе занималось немногим более 100 казахских семей, живших преимущественно вдоль русской пограничной линии. В основном это были бедняки-джатаки девяти волостей Кокпектинского округа, обрабатывавшие земли примитивными орудиями — деревянной сохой без сошников и железными лопатами.

Остановившись на судебно-правовом положении в казахской степи, С. Броневский подчеркнул, что тяжелые

¹ См. «Отечественные записки», 1830, ч. 42, стр. 187—192.

² Там же, стр. 143—144.

³ «Земледельческий журнал», 1832, № 6.

последствия междоусобиц, в частности барымты, всегда разбираются биями (судьями), что ведет к обогащению одних (в основном феодалов) и к нищете и разорению других. Судьи брали взятки, и размер последней определял длину амплитуды отклонения чаши правосудия в ту или иную сторону...

Казахская тема в повестях А. П. Крюкова

Интерес к изучению казахской степи в России с каждым годом заметно повышался. На страницах «Северных цветов на 1830 год»¹ появляется повесть Александра Павловича Крюкова (1813—1833 гг.) «Киргизский набег», на которую отозвался Писарев, напечатавший о ней критическую статью на страницах «Московского вестника» под псевдонимом Пиллад Белугин. Известный русский критик указал, что «Киргизский набег» Крюкова — прекрасный «отрывок» (очерк.— К. К.), чисто, правильно, остро написанный, заметим только в некоторых местах (не многих) излишнюю шлифовку и выисканность (изысканность.— К. К.). Желаем, чтобы автор одарил еще публику своими записками о киргизах и Оренбургском любопытном крае.²

Тем не менее особой художественной ценностью повесть А. Крюкова не отличается, хотя автор и утверждает, что с ним «случилось приключение особого рода, приключение, достойное занять несколько строф в какой-нибудь байроно-романтической поэме»³.

А. Крюков, будучи на службе в Оренбургском крае, по распоряжению царского правительства прокладывал Новоилецкую дорогу. По пути к цели путешествия с ним и произошло «приключение». Караван строителей под защитой хорошо вооруженных казаков двигался по степи. У реки Николки караван остановился на отдых. Все были заняты своими делами. И только на воображение автора подействовала окружающая степь, «дикая» природа. В его глазах примитивная и бедная жизнь имела свои достоинства, радости и наслаждения, что отличало ее от изысканной роскоши богатых обитателей городов и сто-

¹ «Северные цветы на 1830 год», Спб., 1829, стр. 115—157.

² См. «Московский вестник», 1830, ч. I, стр. 296.

³ «Северные цветы на 1830 год», Спб., 1829, стр. 116.

лиц. Однако недолго пришлось караванщикам «развлекаться...»

Казахи, возмущенные все нарастающей эксплуатацией царского правительства, как организованно, так и небольшими группами стремились совершать нападения на казачьи гарнизоны. Обычно, не достигнув цели, они навлекали на себя суровые бедствия. Так и на этот раз: на караван, возглавляемый А. Крюковым, было совершено нападение кочевников. После кровопролитного боя казахи, узнав, что имеют дело с отрядом строителей, вступили в переговоры. Однако командиры казаков, сопрождавших караван, не захотели принимать предложение казахов расстаться с русскими дружелюбно; они добились тех, кто не успел бежать, а сами вернулись в Илецкую Защиту.

Во второй повести о казахах — «Киргизцы» (отрывок из повести «Якуб-батыр»¹) — А. Крюков стремился полнее показать нравы, обычаи, суеверия и обряды «достопримечательного» народа, который, живя в весьма тесной связи с Россией, тем не менее может быть русским меньше известен, нежели дикие обитатели Африки и Нового Света.

Герой повести Яков, или Якуб-батыр, как называли его казахи, по происхождению русский, с малолетства захваченный в плен «ордынцами» и совершенно «присвоивший себе их веру, язык и привычки». Однако Яков сохранил и твердость духа, и крепость телесную, и «приятную наружность, сродные потомкам древних славян».

Яков (Якуб) появляется в юрте старого султана Нуралы, окруженного аксакалами (белобородыми стариками). Он по-казахски приветствует сидящих традиционным «Ассалау-малейкум» (желаю здоровья). Старики принимают приветствие словами «Малейкум-салем». Яков докладывает султану о хозяйственных делах, заявляя, что все в порядке, но только какой-то волк повадился резать султанских баранов. Он обещает султану «разделаться» с хищником, а шкуру привезти «степенному султану» на теплый малахай. Однако Нуралы возражает Якову: «Не сули шкуры, не затравив зверя». И султан рассказал такой случай из своей жизни. Однажды в холодную зиму его аул кочевал в больших камышах. Все

¹ «Литературная газета», 1830, т. I, № 7, стр. 49—51.

было хорошо, лишь один огромный кабан не давал покоя стадам. Нуралы обещал убить кабана и привезти его голову домой. Однако раненный стрелой в спину зверь стал преследовать охотника. В одно мгновение кабан распол брюхо лошади Нуралы и едва не убил всадника, которому оказали помощь подоспевшие охотники. Нуралы закончил свой назидательный рассказ: вот какво обещать шкуру, не убивши зверя...

...Якуб стал придворным батыром Нуралы-султана. Во главе со своими «соплеменными казахами», сторонниками хана, Якуб выступает против Джоламана, одного из известных героев того времени. Испуганные крепостью обороны сторонников Якуба, джигиты Джоламана поворачивают лошадей вспять. Этим эпизодом кончаются «Киргизцы» А. Крюкова.

Следует отметить, что описание исторических событий не совсем правильно. Дело в том, что Нуралы ханствовал до середины 80-х годов XVIII века, а движение Джоламана Тленшиева относится к 20-м годам XIX века.

В 1832 году А. Крюковым был опубликован «Рассказ моей бабушки»¹, где автор описывает набег казахов на русские селения.

Внутреннее положение в казахской степи к 30-м годам XIX века заметно изменилось. Еще с конца XVIII века в Казахстане усиливается феодальная эксплуатация, которая сопровождается обострением классовой борьбы.

Борьба беднейших слоев казахского народа против баев, султанов и ханов (особенно после поражения восстания Срыма Датова) в течение некоторого времени носила характер незначительных стычек и небольших столкновений, в результате которых аулы разорялись и нищали.

Родиной крестьянских волнений в Казахстане XVIII—XIX веков является Малый жуз. Здесь впервые Срым Датов поднял народные массы против своих эксплуататоров. Здесь же впервые казахский народ отозвался на Крестьянскую войну, которую возглавлял Е. Пугачев.

Волнения шаруа вызывали в Малом жузе глубокий хозяйственный упадок, что серьезно отразилось на торговле между русскими и казахами. Этим было весьма обеспокоено и царское правительство.

¹ «Невский альманах за 1832 год», стр. 250—332.

«Рын-пески» М. Сабаньщикова

Бедственное положение основной части казахского народа особенно остро чувствовалось при сравнении с богатством баев-феодалов. Изображению роскошной жизни одного из крупных казахских феодалов был посвящен рассказ М. Сабаньщикова «Рын-пески». В этом произведении дается описание резиденции хана Джангира — матерого эксплуататора казахской бедноты.

Большую часть лучших земель Младшего жуза Джангир присвоил себе, а остальную — роздал своим родственникам. Таким образом, основная масса кочевников была лишена земли и оказалось в полной зависимости от своих феодалов. Поборы хана для содержания своего двора были настолько усилены, что казахская беднота, не выдержав притеснений, уходила с насиженных мест на русскую территорию. Зачастую бедняки оставались в вечных батраках у баев, султанов и хана. Поэтому неудивительно, что Джангиру удалось построить себе великолепный замок в Рын-песках. Разумеется, что такой пышности Джангир достиг ценой жесточайшей эксплуатации народа. Дворец «просвещенного» хана был построен на слезах обнищавшего народа.

Царское правительство, видя в лице Джангира своего верного слугу, всячески старалось обеспечить спокойствие его ставке. Так, для охраны жизни хана и «соблюдения должного порядка» были учреждены кордоны, или команда, состоящая из семидесяти человек казачьего уральского войска. Но и при этом хан не мог чувствовать себя спокойным, так как «иногда самое маловажное обстоятельство может воспламенить мятежный дух киргизцев»¹, — так свидетельствует о жизни одного из сатрапов царского правительства Сабаньщиков, который посетил «замок» Джангира в 1830 году во время исследования Эльтонского озера.

Естественно, что народному возмущению не было пределов. Обиды, наносимые Джангиром, народу были настолько чувствительны, что многие искали подходящего случая для мщения. Сабаньщиков был очевидцем события, когда во время мусульманского религиозного праздника курбан-айты хан незаслуженно щедро одарил свое-

¹ «Заволжский муравей», Казань, 1832, ч. II, № 12, стр. 677.

го любимца-толмача. Этот несправедливый поступок возмутил народ, который потребовал выдачи толмача для расправы, но ханские войска подавили эту вспышку народного гнева. Однако недовольство и возмущение народа росло и ширилось. Все это впоследствии вылилось в общее восстание казахов Букеевской орды, возглавленное Исатаем Таймановым (1836—1838 гг.).

Описывая свое пребывание у Джангира, Сабаньшиков, конечно, не мог не заметить настроения казахских масс, хотя он и не был на стороне беднейших слоев населения.

Повесть Н. Кафтанникова «Араслан-бабр»

Некоторый интерес представляет повесть малоизвестного писателя Н. Кафтанникова «Араслан-бабр»¹, в которой рисуются взаимоотношения казахов и башкир.

Герой повести Араслан — сын башкирского старшины Нагайбека, кочевавшего у живописных Рифейских гор. Недалеко от Нагайбека кочевал его друг Кусюм со своими сыновьями и дочерью Зюлимой. Семьи связывает тесная дружба. Вместе они ловят зверей, делят горе и радости. Чтобы еще больше упрочить дружбу, Нагайбек и Кусюм пообещали друг другу поженить своих детей. Но обожателей у Зюлимы было очень много. В числе их и сын старшины Малого жуза Джанибека — Эрали².

Видя невозможность получить красавицу законным образом, Эрали намеревается по тогдашнему обычаю похитить ее.

Однажды отец Зюлимы Кусюм выехал с друзьями на охоту, на которой особенно отличился Араслан. Он был метким стрелком и ему удалось убить бобра, чему особенно радовались его близкие товарищи. Но эту радость победителя не разделяет его соперник Эрали. Когда охотники стали возвращаться в аул, Кусюм объявил о начале состязаний — байги. После окончания байги наездники начали показывать свое искусство в ловкости, вступив в казахскую борьбу, которая тогда резко отличалась от приемов борьбы других народностей. Борец, вышедший

¹ «Заволжский муравей», Казань, 1833, ч. I, № 1, стр. 1—19; № 3, стр. 129—145; № 5, стр. 246—266.

² Кто такой Эрали — неизвестно. В описываемую эпоху был султан Эрали — сын Абулхайр-хана.

на арену, должен был преодолеть не одного, а трех соперников, после чего ему присуждалась соответствующая премия. Только ловкий и сильный мог добиться успеха в состязании.

Обычно умелый борец, крепко схватив противника за поясной ремень, вдруг неожиданно и быстро поворачивался боком и через свое бедро бросал его на землю. Победенный со стыдом уходил с поля «боя», а на смену ему приходил второй, затем третий...

По ходу состязания вражда между Эрали и Арасланом все больше разгорается. Султанский сын, побеждая одного борца за другим, наконец вступает в схватку с Арасланом и терпит поражение. Эрали был глубоко оскорблен и затаил кровную обиду на своего победителя. А скромный Араслан отказался даже от первой премии. Он претендует на четвертую — тюбетейку, сделанную руками его возлюбленной Зюлеймы.

Вскоре наступает и развязка. Пользуясь отсутствием Кусюма, Эрали нападает на его аул, насильно увозит Зюлейму и одну из жен Кусюма. Араслан был поражен, узнав, что похититель его невесты Эрали. Он ищет последнего повсюду, призывает всех отомстить за поступок Эрали. Наконец злодей пойман и убит, Зюлейма освобождена. Все торжествуют. Молодые жили затем «между собою в согласии счастливо и спокойно до глубокой старости и имели много детей, которые также пользовались отличным уважением не только между башкирами, но и самими киргиз-кайсаками»¹. Таково содержание повести.

Следует отметить, что язык повести слишком монотонен, сер и однообразен. Но в ней безусловно верно отражен исторический фон, относящийся к периоду после 1755 года, когда вражда между казахами и башкирами особенно обострилась. Идиллический конец повести, где автор отмечает, что следующее поколение Араслана и Эрали, то есть дети их, были дружными и верными служителями царя, для нас звучит иронией: царское правительство добивалось и культивировало национальную вражду между народами, меньше всего заботясь о дружбе их.

¹ «Заволжский муравей», Казань, 1833, ч. I, № 5, стр. 266.

Некоторые оригинальные сведения о быте казахов были сообщены в «Отрывке из путевых записок по северо-восточным берегам Каспийского моря»¹.

Русские путешественники и исследователи, направляемые в Казахстан и Среднюю Азию, всегда стремились запечатлеть все, что их окружало в пути, все, что им встречалось в казахской степи. Они не были односторонними разведчиками полезных ископаемых Казахстана или Средней Азии. Так, анонимный автор «Отрывка из путевых записок по северо-восточным берегам Каспийского моря», будучи в 1832 году с исследовательской целью у залива Кайдак, узнал о существовании мавзолея, названного именем магометанского «святого» Сейсем. Он решил посмотреть его и в сопровождении казахов и туркмен отправился к мавзолею, который был украшен множеством памятников, гробниц и камней. Очень старой оказалась могила «святого», по имени которого было названо кладбище. Мавзолей был сложен из плит в виде «большого четвероугольника». Открытое отверстие его было обращено на юг, то есть к Мекке, как это обыкновенно встречается у мусульманских могил. С восточной стороны мавзолея был воткнут высокий шест, на котором висели различные вещи, в том числе и лохмотья. Это свидетельствовало о том, что много паломников побывало на кладбище. В честь «святого» они должны были оставить на память что-нибудь на шесте. Этот обычай исполнили и русские путешественники.

Весьма интересным представляется сообщение о том, что на казахских могильных памятниках были высечены или нарисованы изображения людей и животных. Эти рисунки являлись как бы надписями, рассказывавшими о ремесле покойника. Свидетельство о существовании надмогильных рисунков очень любопытно, так как, по Корану, всякие изображения живых существ запрещались.

Кочевой образ жизни казахов, не имевших постоянного пристанища, не позволял им иметь в хозяйстве что-либо лишнее. Поэтому зачастую кладбище у казахов, как отмечает автор, являлось своеобразной «кладовой», где кочевники в полной уверенности, что никто не осмелится тронуть, хранили различное имущество.

¹ «Заволжский муравей», Казань, 1834, ч. XI, № 2, стр. 228—244.

А. С. Пушкин в казахских степях

Несомненно, большим событием в развитии казахской темы в русской литературе явилось посещение А. С. Пушкиным осенью 1833 года Казахстана, когда великий русский поэт собирал материалы для своей «Истории Пугачева». А. С. Пушкин интересовался жизнью казахского народа, песнями и преданиями казахов.¹

В этом же 1833 году В. И. Даль, оставив медицинскую практику и службу в военно-медицинской ведомстве, по приглашению В. А. Перовского, главного начальника Оренбургского края, переселился из Петербурга в Оренбург. А. С. Пушкин через В. И. Дала подробно познакомился с бытом казахов. Поэт глубоко заинтересовался устным творчеством, фольклором кочевого народа. В одном из аулов для А. С. Пушкина по его просьбе была сделана краткая запись одного из вариантов народной легенды о трагической любви Козы-Корпеша и Баян-Слу.¹ Это произведение было записано, по свидетельству профессора Л. Б. Модзалевского, чернилами и неизвестной рукой на пяти листах большого формата.

«Козы-Корпеш и Баян-Слу» — древнейший памятник казахского эпоса. В поэме воспета любовь Козы-Корпеша к Баян-Слу. Краткое содержание наиболее распространенного варианта этой поэмы таково. Сарыбай и Карабай поклялись в вечной дружбе, и, чтобы закрепить ее, они решили поженить своих детей. По желанию родителей их дети еще до появления на свет были обручены... Но, не дождавшись рождения сына, Сарыбай, отец будущего Козы-Корпеша, умирает во время охоты, а Карабай, отец девушки Баян, после смерти своего друга, нарушая клятву, не захотел отдавать дочь за сироту. Чтобы избежать нареченного бедного зятя, Карабай со своим аулом перекочевывает в пески. Оказавшись в пустыне, он обещает отдать свою дочь силачу Кодару, спасшему его табуны от безводья.

Козы и Баян, не видевшие друг друга, тем не менее связаны крепкими узами большой любви. Когда наконец влюбленные встречаются, то Карабай отказывает Козы в руке дочери. К тому же Кодар становится преградой между влюбленными. Он вероломно убивает Козы.

¹ «Временник пушкинской комиссии». Вып. 3, М.—Л., 1937.

Тогда Баян прибегает к хитрости, чтобы отомстить убийце. Она обещает выйти замуж за Кодара, если тот выроет для нее колодец и достанет свежей воды. После того как Кодар вырыл колодец, Баян просит его спуститься. Чтобы избежать подозрений в дурном намерении, она разрешает Кодару держаться за свои длинные косы. Как только Кодар спустился в колодец, Баян отрезает себе косы, Кодар погибает — покойный Козы отомщен; на его могиле героиня закалывает себя кинжалом. И все же месть сторонников Кодара преследует даже погибших влюбленных: их могилы разъединены — между ними похоронен Кодар. В народе возникла легенда о том, что между двумя розами, которые растут над могилами Козы и Баян, растет шиповник...

Один из вариантов этой поэмы, очень похожий на приведенный, впервые полностью был записан академиком В. В. Радловым на казахском языке в 1870 году.¹ В науке принято считать эту запись одной из первых. Надо заметить, что сведения о бытовании среди казахов сказки-поэмы о Козы-Корпеше и Баян-Слу были сообщены А. И. Левшиным в его «Описании киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких степей».

Важным этапом в изучении поэмы является исследование Г. Н. Потанина, который в известном труде «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе» устанавливает сходство между «Козы-Корпеш и Баян-Слу» с мотивами восточных и европейских эпосов. Например, им установлено сходство казахской легенды с монгольской повестью о Гэсэре, с русской былиной о Данииле Ловчанине, но Потанин находит также много общего в поступках Баян и Ольги. Так, Ольга, чтобы отомстить древлянам, соглашается выйти замуж за древлянского князя Мала и, завладев неограниченной властью, жестоко мстит за мужа ненавистному ей народу. Баян также соглашается стать женой Кодара, чтобы отомстить за жениха. Однако Баян не оскверняет себя браком с ненавистным человеком и за это платит жизнью.

По поводу существования общих мотивов в монгольской поэме «Гэсэрнада» и казахской «Козы-Корпеш и

¹ «Образцы народной литературы тюркских племен», т. III. СПб., 1870. На русский язык поэма была переведена в 1927 году сибирским поэтом Георгием Тверитиным.

Баян-Слу» можно сказать то, что отдельные племена, вошедшие в состав казахской народности, как найманы и керей, являлись по своему происхождению монгольскими. К тому же следует отметить, что место создания поэмы, по-видимому, относится к территории, населенной этими племенами. Поэтому общий мотив разыскивания невесты и превращения героев в пастухов (Гэсэр), возможно, завезен найманскими и керейскими сказителями из Монголии...

· Не лишним будет привести здесь некоторые детали поэмы из записи, находящейся в архиве А. С. Пушкина. Хотя основная традиционная сюжетная линия поэмы в записях поэта и сохранена, однако в ней имеются некоторые расхождения с наиболее распространенными вариантами. Так, в записях А. С. Пушкина описан эпизод, которого нельзя найти ни в одном из известных письменных вариантов поэмы.

«Однажды съехавшись в поле Кулы и Косу-курпеч, последний требовал у Кулы удачного выстрела в мизинец, каковой и исполнил желание, удачно отстрелив у Косу-курпеча мизинец, и как стрела его была вымазана ядом, и оттого Косу-курпеч в ближних горах находился в мучении болезни. Сулу-баяна, не видя возлюбленного, отыскала его в умирающем положении. Все старания ее к излечению остались тщетны, после чего прибегла к усердным молитвам богу. Как были услышаны... явился ей почтенных лет старец, который спросил что она желает, которая просила оживить возлюбленного на три дня, что и было исполнено. Где Сулу-баяна и провела с Косу-курпечем в совершенной радости и веселье, песни слышали родные ее. Покончивши 3 сутки Косу-кур... помер (Сулу-баяна похор)»¹. -

Затем, как и в других вариантах, Баян мстит Кодару (Кулу). Девушка опускает его в колодец, но дальше в тексте А. С. Пушкина имеется опять расхождение: Баян не умирает на могиле Козы-Корпеша. «Забросав колодец землей, она приходит в кибитку отца, ложится между сестрами и подругами, на утро ее находят заколовшейся».

Запись, найденная в архиве А. С. Пушкина, является

¹ «Временник пушкинской комиссии». Вып. 3, М.--Л., 1937, стр. 324.

одним из доказательств того, что великому русскому поэту были дороги сокровища народного творчества всех наций и народов России, откуда он черпал превосходные образы своих произведений. Он ранее других русских писателей познакомился с казахским народным творчеством. Поэт был уверен, что все народы России одинаково будут чтить его память. ✕

Несколько лет спустя, создавая свой «Памятник», поэт пророчески восклицал:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгуз, и друг степей калмык.

В черновом варианте этих строк есть упоминание и о казахах (киргизах), среди которых, как писал А. С. Пушкин, его стихи найдут признание и любовь...

А. С. Пушкин был создателем образцов реалистической лирики, драмы и романа в стихах. Его «Капитанская дочка» является подлинным реалистическим романом на историческую тему. Гения русской литературы всегда интересовали вопросы родной истории, особенно природа крупных социальных потрясений и больших переломов в жизни страны. Отсюда его живой интерес к личности Петра I—преобразователя («Арап Петра Великого», «Полтава», «Медный всадник», «Моя родословная», «Стансы»), Степана Разина (цикл песен о вожде крестьянской вольницы), Емельяна Пугачева («Капитанская дочка», «История Пугачева»).

Исторический роман «Капитанская дочка» для нас интересен тем, что в нем есть упоминание об участии казахов в движении Е. Пугачева.

В 1833 году А. С. Пушкин обратился к военному министру графу Чернышеву с просьбой разрешить ему работать над архивными материалами по следственному делу Е. Пугачева. Правда, свою просьбу поэт мотивировал желанием изучить деятельность Суворова в Крестьянской войне 1773–1775 годов. Однако А. С. Пушкина больше интересовала история Е. Пугачева, чем деятельность великого русского полководца, который принимал активное участие в подавлении движения Е. Пугачева¹.

Получив доступ к архивным материалам событий

¹ Ю. Оксман. Пушкин в работе над «Историей Пугачева». «Литературное наследство», М., 1934, 16/18, стр. 443–446.

1773—1775 годов, А. С. Пушкин в начале 1833 года приступил к работе. Осенью того же года поэт совершил обширную поездку по пугачевским местам. Он побывал в Оренбурге, Уральске, в Бердской слободе, бывшей когда-то «столицей» вождя Крестьянской войны¹.

«История Пугачева» А. С. Пушкина, переименованная по указанию Николая I в «Историю Пугачевского бунта», вышла в свет в начале 1834 года. И хотя замысел «Капитанской дочки» у великого поэта возник еще задолго до работы над «Историей Пугачева», однако фактическое осуществление замысла романа тесно связано с его работой, посвященной Е. Пугачеву.

В романе А. С. Пушкин «создал глубоко поэтический образ вожака крестьянского восстания»². В своей характеристике личности Е. Пугачева поэт вступает в открытое противоречие с существовавшими официальными взглядами о вожде Крестьянской войны, как о «злодее», «воре» и т. д. А. С. Пушкин показывает те черты характера Е. Пугачева, которые роднят его с простым русским народом и делают простого казака необычайно популярным вождем не только угнетенных крестьян Руси, но и других малых народов (башкир, казахов и др.).

Хотя поэт по цензурным соображениям и не мог открыто писать в романе о социально-политических причинах Крестьянской войны, тем не менее он сумел показать широкое недовольство народа, мечтающего о свободе, земле, уничтожении помещичьего гнета и о «хорошем», «своем» царе.

В романе А. С. Пушкина показан социальный и национальный состав восставших: здесь не только яицкие казаки и крепостные крестьяне, но солдаты, перешедшие на сторону Е. Пугачева. Среди восставших есть представители башкирского, казахского, калмыцкого и чувашского народов.

Участие башкир и казахов в движении Пугачева А. С. Пушкин объясняет недовольством этих народов жестокой политикой царского правительства. И это верной кистью искреннего художника он отразил в своем романе.

В «Истории Пугачева» А. С. Пушкин писал, что «Янк,

¹ Сборник «Пушкин в Оренбурге», Оренбург, 1937.

² В. Ермилов. Наш Пушкин. М., 1949, стр. 65—66.

по указу Екатерины II переименованный в Урал», орошает огромную территорию и что по левому берегу «простираются печальные пустыши, где кочуют орды диких племен, известных у нас под именем киргиз-кайсаков»¹.

Уже в самом начале движения Е. Пугачев вошел в сношение с казаками. Вот что писал А. С. Пушкин по этому поводу: «Слух о самозванце быстро распространился. Еще с Будоринского форпоста Пугачев писал к киргиз-кайсацкому хану, именуюя себя государем Петром III и требуя от него сына в заложники и ста человек вспомогательного войска. Нуралы-хан подъезжал к янцкому городку под видом переговоров с начальством, коему предлагал он свои услуги. Его благодарили и отвечали, что надеются управиться с мятежниками без его помощи. Хан послал оренбургскому губернатору письмо самозванца, написанное по-татарски, с первым известием о его появлении. «Мы, люди, живущие на степях,— писал Нуралы губернатору,— не знаем, кто сей, разъезжающий по берегу: обманщик ли, или настоящий государь? Посланный от нас воротился, объявив, что того разведать не мог, а что борода у того человека русая». «При сем, пользуясь обстоятельствами,— пишет А. С. Пушкин,— хан требовал от губернатора возвращения аманатов, отогнанного скота и выдачи бежавших из орды рабов... Рейнсдорп увещевал хана, в случае побега самозванца в киргизские степи, выдать его правительству, обещая за то милость императрицы»².

Напуганный размахом крестьянского движения, Рейнсдорп исполнил все «прошения хана». Но «между тем,— как указывает А. С. Пушкин,— Нуралы вошел в дружеские сношения с самозванцем, не преставав уверять Рейнсдорпа в своем усердии к императрице, а киргизцы стали готовиться к набегам»³.

А. С. Пушкин отмечал в «Истории Пугачева» «общее возмущение башкирцев, калмыков и других народов, рассеянных по тамошнему краю...»⁴.

С Крестьянской войной 1773—1775 годов в целом и с деятельностью правительственных войск по подавлению движения Пугачева в частности в той или иной мере

¹ А. С. Пушкин. Собр. соч., т. 5. М., 1937, стр. 310—311.

² Там же, стр. 325—326.

³ Там же, стр. 326.

⁴ Там же, стр. 350.

связаны жизнь и деятельность многих выдающихся деятелей России XVIII и начала XIX века. При этом многие из них так или иначе оказались в сношениях с казаками. Так, в военных действиях против восставших крестьян принимали непосредственное участие гвардии подпоручик, будущий знаменитый русский поэт Г. Р. Державин, отец будущего великого баснописца (четырёхлетний И. Крылов в то время находился в Оренбурге) А. Крылов, майор Пушкин. О движении Е. Пугачева получал широкую информацию от главнокомандующего А. И. Бибикова драматург Д. И. Фонвизин. Тяжелую жизнь шестимесячной осады перенес академик П. И. Рычков.

Следует отметить, что хотя «История Пугачева» прошла через строгие цензурные рогатки (даже сам царь изменил ее название), тем не менее труд А. С. Пушкина получил широкий отклик в русской печати.

Отмечая большой интерес, проявленный А. С. Пушкиным к судьбам народа, нельзя не напомнить такой факт. Путешествуя по Оренбургскому краю, в беседе с местными жителями он коснулся будущего казахской степи, добавив в шутливой форме следующее пожелание: «Можно было бы обязать киргизов (казахов), чтобы каждый, женившись, садил в степи по одному дереву... и через это степи обросли бы лесом...»

Казахский народ глубоко чтит память великого русского поэта.

Казахстан в творчестве В. И. Даля

Один из выдающихся деятелей русской культуры — В. И. Даль в течение восьми лет (1833—1840 гг.) пробыл в Оренбургском крае, где создал большую часть своих повестей и рассказов. За эти годы он вдоль и поперек изъездил степной край. С В. А. Перовским В. И. Даль посетил обе стороны Урала. В 1837 году он сопровождал в поездке по Оренбургскому краю императора Николая I. В 1839—1840 годах В. И. Даль участвовал в известном Хивинском походе, когда командир кавалерии генерал Циолковский якобы умышленно погубил в снежной степи 12 000 верблюдов. Об этом впоследствии рассказывал сам В. И. Даль в качестве очевидца.

В 1841 году В. И. Даль вместе с В. А. Перовским пе-

В. И. Даль. Рисунок неизвестного художника
(1830—1840 гг.).

реехал в Петербург, где стал работать в министерстве внутренних дел.

К оренбургскому периоду жизни В. И. Даля относится создание ряда интересных повестей и рассказов. Им также была проведена большая работа по расширению запасов слов для будущего толкового словаря, собиранию сказок, поговорок и пословиц народа.

Он много ездил по казахским аулам, жил среди кочевников, жадно слушал народных сказителей, записывал сказки и предания казахов. С большим вниманием В. И. Даль относился к устному поэтическому творчеству казахского народа, к его героическому эпосу. Так, в одном из своих писем с Хивинского похода (1839—

1840 гг.) он писал: «...Заставили Саната рассказывать сказку, услышав случайно, что он большой мастер этого дела. Что же вы думаете? Право мы изумились; ждали какого-нибудь вздору, а Санат мой высыпал нам целую поэму о Чур-батыре ногойце, в презамысловатых стихах, с бесконечным ожерельем прибауток, с рифмами, с песнями, с припевами, складно, ладно и причудливо. Это большая редкость между кайсаками (казахами.— К. К.); у них обыкновенно не найдете в пародной поэзии воспоминаний былевых, а песнопевцы слагают стишки свои, по четыре в строфе, наобум, помня немногие из них наизусть. Чур-батыр непременно будет переписан, от слова до слова, и переведен на русский язык. Я далеко не все понимал, но удивился необыкновенному сходству духа этой сказки и самого рассказа с русскими богатырскими сказками»¹.

Как видно, В. И. Даль настолько хорошо знал казахский язык, что смог отметить сходство духа казахских сказок с богатырскими былинами русского народа. Известно, что эта идея впоследствии была глубоко разработана А. С. Орловым.

Академик А. С. Орлов писал: «...героический эпос казахов не является наивным произведением степной простоты, а свидетельствует о высоком уровне литературного искусства. Казахские былины представляют художественное повествование, в конструкции которого применены разнообразные приемы воздействия на восприятие. Былины эти не ограничиваются механическим движением рассказа, они живописны и эмоциональны, взаимоотношения персонажей психологически сложны... Мы находим в этих былинах много реализма»².

В 1837 году в Оренбургском крае побывал известный русский поэт В. А. Жуковский, который, заинтересовавшись поэтическим богатством казахского народа, просил впоследствии В. И. Даля прислать сюжет из степной жизни. На эту просьбу В. И. Даль ответил так: «...надобно знать быт и жизнь народа, мелочные его отношения и обстоятельства, чтобы положить резкие тени и блески света; иначе труды ваши наполовину пропадут; поэму

¹ В. И. Даль. Письма к друзьям... «Русский архив», 1867, стр. 428—430.

² А. С. Орлов. Казахский героический эпос. М.—Л., 1945, стр. 124.

можно назвать башкирской, кайсакской, уральской, но она, конечно, не будет ни то, ни другое, ни третье»¹.

В известной повести В. И. Даля «Бикей и Мауляна», посвященной казахской тематике, приведено обилие национальных слов и выражений, которые использованы автором для речевой характеристики персонажей («темир-казык» — «железный кол», то есть полярная звезда, «камча» — плеть, «тау» — гора, «агач» — дерево, «су» — вода и т. д.).

В 1845 году эта повесть была переведена на французский язык и издана в Париже. Так, казахская тема благодаря русской литературе перешагнула рубежи нашей страны. В своих рассказах и повестях В. И. Даль знакомит читателей с нравами и бытом казахов.

Большинство повестей и рассказов В. И. Даля, в том числе повести «Бикей и Мауляна» и «Майна»², написанные в Оренбурге, были опубликованы в 40-х годах XIX века в различных русских журналах. В них освещены некоторые черты жизни казахов в прошлом.

Казахские мотивы содержатся и в ряде других произведений В. И. Даля: «Уральский казак», «Полуношник» и др.

Как свидетельствует В. И. Даль, «Бикей и Мауляна» не сказка, не вымысел, а быль, которую он слышал от своего друга в Оренбурге.

Герои повести Бикей и Мауляна³ впервые пошли против традиции насильственного брака, когда девушку покупал за калым многоженец.

Бикей, вопреки воле отца, покидает нареченную свою невесту, оставляя и калым; заплаченный за нее. Он влюбляется в невесту своего старшего брата Джан-Кучюка — Мауляну. Как и многие дети бедняков, Мауляна пряталась в стужу в лохмотья, залезала под груды шерсти, войлока и кошмы. С детства приходилось ей много работать: она шила, скребла, чинила, выделывала шку-

¹ В. И. Даль. Письмо к В. А. Жуковскому из Оренбурга от 30 мая 1838 г. Архив института русской литературы АН СССР. Архив В. И. Даля.

² Впервые повесть «Майна» была напечатана в «Библиотеке для чтения», т. 16. Спб., 1836, стр. 171—259. «Майна» появилась также и на страницах журнала «Москвитин» (1843, ч. 5, стр. 340).

³ В. И. Даль, по-видимому, по аналогии с русскими женскими именами (Мария, Дарья и др.) придал имени своей героини повести несвойственное казахским женским именам окончание: Мауляна.

ры, выючила верблюдов и снимала юрту. Все это было не только случайной обязанностью героини, но и постоянной заботой всех женщин-казашек. Только перекочевки являлись для них праздником. Тогда девушки и молодые женщины одевались в свои лучшие платья и пускались на конях в рискованные состязания. Но это удовольствие было доступно только более или менее обеспеченным семьям казахов. После прибытия на место летовки молодые люди аула собирались и устраивали народные празднества.

В. И. Далем была записана одна из песен, якобы исполненных Мауляной и Бикеем на празднествах.

Бикей:

Кто, праздничный пир встречая, алым сукном
не облекается.
Чье сердце, девку завидев, алою кровью не
загорается.
Не гляди на меня так: не то увяжусь за тобою;
В тебе искать буду волю сгубленную, волю
молодецкую.

Мауляна:

И на проводы слезные, видала я, красиво
убираются;
Алому цвету не верь; цвет, сам знаешь, дело
обманчивое
А какую ты вещь сгубил — волю молодецкую — я
не ведаю;
Назови приметы ея; да зачем зайдет она к
девицам¹.

Против желания родителей Бикей и Мауляна женятся. Но счастье их недолговечно, ибо брак по любви в степи был явлением неслыханным.

Однажды во время состязания, когда молодые люди показывали свое искусство в верховой езде, Джан-Кучюк стоял в толпе. Раздосадованный превосходством Бикей, не выдержав ехидных насмешек по своему адресу, он ушел прочь. Сердце Джан-Кучюка вскипело жаждой мести и ненавистью к Бикее.

Но враждебные отношения Бикей со старшими братьями и даже с отцом были predetermined еще раньше. Отец Бикей от каждого из трех браков имел по несколько детей. По мусульманскому закону, его дочь от первого брака была очень рано просватана, но до бракосочетания невеста умерла. Ввиду того, что богатый ка-

¹ «Библиотека для чтения», 1836, т. 16, стр. 237.

лым за нее был получен сполна, отец невесты вместо умершей хочет выдать другую дочь. Выбор падает на сестру Бикей (от другой матери), которая была отдана не как невеста, а как рабыня, на основе чего между сыном и отцом возникла непримиримая вражда.

Бикей заявляет братьям и отцу: «Вы отдали ее, как отдают кафыра (неверного)¹ за сотню баранов, и добычу разделили между собою...»

На все упреки Бикей по поводу несчастной сестры отец отвечает угрозами. Бикей преследуют все члены семьи: и мачеха, и старшие братья. Они готовят жестокую расправу над ним.

С большой симпатией пишет автор о Бикее, человеке, борющемся с существующими суровыми нравами и обычаями. Бикей пользуется любовью и уважением у народа, что опять-таки приводит в бешенство братьев, которые стали все чаще угрожать ему физической расправой. Смешливый Бикей отвечает им, что он, лежа еще в зыбке, потянулся и разломал ее, а сейчас сам уже собирается строить колыбель будущему сыну своему... Так иносказательно он заявил о своей независимости от братьев и отца. И все же патриархально-феодалные устои того времени были настолько сильны, что Бикей становится жертвой разъяренных убийц. Он погибает от руки Джан-Кучюка. Такая безжалостная расправа ждет всякого, кто осмелится идти против традиции, против шариата...

Вдова Бикей, Мауляна, ночью уезжает из аула и добирается до оренбургского губернатора. Однако следствие по делу убийства Бикей не привело к желанному результату, так как правосудие оказалось на стороне темных сил. Вскоре молодая, цветущая Мауляна заболевает оспой и, никому не нужная и презираемая родными, оказывается покинутой в степи, где она и умирает летом 1832 года. Такова была участь двух влюбленных, которые пошли против ислама.

Но повесть В. И. Даля не ограничивается описанием несчастной любви Бикей и Мауляны. Автор также подробно рассказывает о торговле русских с казаками, о караванах и караван-баши (вожаках караванов).

¹ Под «неверными» мусульмане разумели христиан, людей иной веры.

По свидетельству В. И. Даля, все привозимые русскими купцами товары в степь представляли собой чаще всего хлам. Привозились дешевые стеганные бумажные халаты с подбоем и покрывающим верхом из бязи и т. п. А крупы были смешаны с пылью и мусором... Русские купцы невероятно злоупотребляли доверчивостью и простодушием кочевников. Так, купцы если продавали зимой хлеб и товар по пятьдесят рублей, то весной кочевник должен был платить за это сто рублей и еще привести сотню ягнят... Так происходила торговля с кочевниками на Оренбургском меновом дворе, торговля, представляющая собой не что иное, как одну из форм грабежа царизма.

В. И. Даль глубоко интересовали все стороны жизни казахского народа. Он очень верно и правильно охарактеризовал барымту, ее причины и тяжелые последствия. Даль писал: «Барымта и междоусобицы, поддерживаемые еще сверх этого султанами, которые в мутной воде рыбу удят, расплодились и размножились до бесконечности. Барымта обратилась в какой-то губительный разорительный промысел... Все роды и племена перепутались во взаимных счетах и начетах и пользуются каждым случаем для взаимного разорения и нападения»¹.

Темой второй повести В. И. Даля «Майна» послужил широко распространенный в казахских степях обычай неравного брака. В повести показана также тяжелая жизнь беднейших казахов. В этом отношении весьма любопытным представляется текст своеобразной шуточной песни, которую якобы распевали нищенствующие кочевники:

Руби дрова без топор,
Вари крупа без котел,
Хлебай каша без ложка
Давай деньги немножка...

Даже национальному напитку казахов — кумысу В. И. Даль посвятил специальную статью, в которой подчеркиваются целебные («врачебное средство») свойства кумыса. Автор считает кумыс по своему составу близким к «женскому молоку», а по свойствам — «кровопродуцирующим средством». Наконец, В. И. Даль отмечает, что «кумыс приносит пользу во всех болезнях».

Литературная деятельность В. И. Даля, знакомившие-

¹ В. И. Даль. Соч., т. VIII, СПб., 1884, стр. 321.

го читателей России с жизнью степного края, получила весьма высокую оценку прогрессивных журналов «Отечественные записки» и «Современник». Так, в 1847 году в этих журналах почти одновременно появились статьи, посвященные В. И. Далю. В частности, в «Отечественных записках» указывалось, что молдаване, цыгане, болгары, киргизы (казахи.— К. К.)— это все знакомые В. И. Дально народы. «Быт их, обычаи, города и селения, разнообразную природу нашей Руси рисует он мастерски, немногими, но меткими чертами»¹. В «Современнике» отмечалось, что рассказы В. И. Даля «занимательны, легко читаются и незаметно обогащают вас такими знаниями, которые, вне этих рассказов не всегда можно приобрести и побывавшим там, где бывал Даль»².

Как видим, почти во всех русских журналах исследуемого периода печатались очерки, рассказы, повести и отдельные статьи, извлеченные из исторических работ (А. И. Левшин) о казахах.

Очерк «Киргиз-кайсаки» А. Очкина

Одной из таких работ, заимствованных из сочинений А. И. Левшина, является очерк издателя «Детской библиотеки» А. Очкина «Киргиз-кайсаки»³. Автор подробно знакомит читателей-детей с географическим положением Казахстана, с его границами, климатом, историей присоединения казахских земель к России, а также дает понятие об образе кочевой жизни и одежде казахов. А. Очкин в своей работе поместил и некоторые рисунки, изображающие казаха, едущего верхом, а также казахскую женщину и девушку.

О жизни в казахских юртах А. Очкин писал, что летом жить в них даже довольно приятно или по крайней мере сносно, но «зимой решительно беда». Занесенные со всех сторон снегом и дрожа от холода, казахи почти не выходят из юрт и, сидя вокруг огня, разведенного посредине, страдают, с одной стороны от мороза, с другой — от жары; между тем как ветер через верхнее отверстие юрты и сквозь двери наносит к ним хлопья снега. Нагие дети, выползая из-под войлоков или овчин, которыми их

¹ «Отечественные записки», 1847, т. I, отд. VI, стр. 1—3.

² «Современник», 1847, т. I, отд. III, стр. 137.

³ «Детская библиотека», 1837, ч. I.

обыкновенно укрывают, садятся в горячую юрту и греются. Нередко случается, что ребенок, которому не скучило сидеть в юрте, выходит на воздух; подхватив его, ветер окутывает ребенка снежной пеленой, и бедный малютка замерзает в поле. Иногда ветер, превращаясь в бурю (вихрь), опрокидывает все это жалкое жилище, и все семейство казахов остается без крова¹.

Следует отметить, что многих русских авторов привлекало описание барымты, бытовавшей в течение долгого времени в казахских жузах. Хотя в русских журналах и ранее неоднократно встречались описания барымты, А. Очкин сделал попытку дать анализ этому явлению в жизни казахов.

Автор пытался по-своему разъяснить происхождение слова барымта «Барам-та» (пойду же я) — так говорили люди, которые шли в соседнее селение или аул, или пограничные города России для отомщения за принесенный последними ущерб. Затем слово «барам-та» утратило букву «а» после «р» и в настоящее время пишется «бармта». Последствиями «бармты» было то, что народ постепенно превращался в байгушей (нищих); последние вынуждены были продавать своих детей богатым русским кулакам, чтобы сохранить их жизнь, а самих — от голода.

Необходимо заметить, что казахские женщины принимали активное участие в оборонительных мероприятиях во время налетов на аул с целью грабежа. Они вооружались баканами (подпора у юрты или обыкновенный длинный шест). Этим «оружием» женщина-казашка умело управлялась, так как ей приходилось часто пользоваться баканами во время сооружения юрты. Баканом женщина отстаивала свое имущество от врага, а юрту — от ветра.

Казахи в работах И. Казанцева, И. Дебу и др.

К числу работ по казахской тематике, написанных в 40-х годах XIX века, относятся и статьи И. Казанцева.

В 1838 году в «Санкт-Петербургских ведомостях» (№ 80-81) была помещена статья И. Казанцева «О Внутренних, или Букеевских киргизцах и о киргизской

¹ «Детская библиотека», 1837, ч. I, стр. 24—25.

барамте». Автор сообщает, что в конце XVIII столетия от Младшего жуза отделилось около 18—19 родов и во главе с султаном Букеем перешло в междуречье Волги и Урала. Причины этого перехода в статье И. Казанцева не раскрыты. Указано лишь, что если в 1812 году во Внутренней орде числилось около 7 500 семей (кибиток-юрт), то за 8 лет (то есть к 1820 году) его число увеличилось до 10 234. Эти данные показывают, что прирост населения новой казахской «орды», по-видимому, шел в основном за счет переселенцев-казахов из различных районов Младшего жуза.

В очерке «О киргизцах западной и средней части, называемых оренбургскими и зауральскими»¹ И. Казанцев касается истории зауральских казахов, которые обособились в 1824 году из аргинского поколения Среднего жуза.²

После смерти хана Аблая казахи части Среднего жуза, прилегающей к Оренбургской линии, больше не выбирали себе ханов и находились в ведомстве Оренбургского губернатора. Ханская власть была упразднена, за «порядками» следили султаны-правители. И. Казанцев хорошо изучил восточную часть Оренбургского края, по природным богатствам во многом превосходившую другие районы.

И. Казанцев коснулся и некоторых казахских обрядов, приемов, приветствий, дачи имен новорожденным и т. д. Автор во многом повторяет те общие сведения о быте и нравах казахов, которые были описаны до него. Правда, он дает и некоторые новые материалы, описывает казахские народные обычаи во время перемены кочевья: аксакалы с наступлением весны отправляются на осмотр урочища, удобного для расположения кочевья. Осмотрев и облюбовав место, кочевники назначают день выезда, затем рано утром под водительством самой красивой девушки (специально выбранной) со знаменем отправляются в путь. Обычай выбора девушки со знаменем в русской литературе и журналистике впервые сообщен И. Казанцевым.

Автор указывает, что почва Западного Казахстана

¹ «Санкт-Петербургские ведомости», 1838, № 80, стр. 852—854, № 81, стр. 856—858.

² «Санкт-Петербургские ведомости», 1839, № 16, стр. 69—70; № 17, стр. 73—74; № 18, стр. 78—80.

глиниста и песчана, рельеф поверхности ровен или местами бугрист; изредка встречаются и горы. Многие из них в тот период еще не были исследованы. Правда, в 1839 году в Индерских горах были найдены пласты каменного угля. Угли, по-видимому, были обнаружены и на островах Аральского моря, входивших в состав западной части казахских владений. Про одну из гор этой части Казахстана автор передает следующую легенду. Гора называлась «Барса-Кельмес»¹, то есть «пойдет — не вернется». Легенда об этой горе была записана со слов казахов в 1817 году коллежским советником Медиаром Бекчуриным во время его поездки к Хивинскому хану.

Года за три до указанной поездки, писал М. Бекчурин, трое отважных молодых людей, желая удостовериться в истине слышанных ими чудес, решились взойти на гору Барса-Кельмес, которая со всех сторон очень крута. Едва только один из них достиг вершины, как вдруг бросился за нее и скрылся из виду товарищей, которые почти целый день стояли у подошвы горы и тщетно ожидали его возвращения. Другой, увлеченный тем же любопытством, последовал примеру первого; но его товарищ, боясь, чтобы и он не пропал, согласился отпустить его не иначе, как перевязав поперек веревкою, концы которой оставил у себя... Взойдя на гору, второй также бросился бежать, но был удержан и притянут вниз третьим в «совершенном иступлении и без языка...» Спусти трое суток он «очувствовался» и начал объяснять, что якобы на горе находится прекрасная долина, изобилующая разными ароматными цветами, травами и плодовыми деревьями; воды в источниках там прозрачны, как стекло, и блестят, как серебряные ткани; «все пространство наполнено предметами неги и роскоши; удивительные красавицы, подобные гуриям, окружают и ласкают прежнего его товарища, разодетого в драгоценные материи, поют, пляшут и манят к себе, так что поневоле хочется там остаться»².

М. Бекчурин писал о том, что и он сам смотрел на эту

¹ В Аральском море и поныне существует остров Барса-Кельмес, названный, по-видимому, в период хождения по этому морю утлых самодельных суденышек местных мореплавателей-казахов. Сейчас этот остров легко доступен даже небольшим кораблям каботажного плавания, но историческое мрачное название его сохранилось.

² «Санкт-Петербургские ведомости», 1838, № 17, стр. 73.

гору в подозрную трубу и видел что-то вроде войска, движущегося на маневры...

Легенда, по-видимому, имеет религиозную основу: в ней говорится о гуриях, добрых феях-красавицах, которые встречают молодых покойников...

Однако, как пишет автор очерка И. Казанцев, возможно, что казахи, переходя на зимнее время в урочища островов Аральского моря, могли остаться и на лето там, не успев переехать на материк до вскрытия льда. Поэтому кочующие на островах казахи на фоне морской воды и пелены могли выглядеть необычно и казаться М. Бекчурину «войсками».

В 1837 году тайный советник Иосиф Дебу опубликовал в Москве свое «Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии». По свидетельству самого автора, работа его является, по существу, новой редакцией труда П. Рычкова «Топография Оренбургская» с соответствующими изменениями и дополнениями, вызванными к жизни временем. Так, И. Дебу в своей работе привел довольно полные сведения о существовавших на территории Казахстана меновых дворах, где происходила торговля между казахским и русским населением.

Необходимо отметить, что на страницы русской печати 30—40-х годов XIX века по различным цензурным мотивам весьма ценные материалы по истории русско-казахских взаимоотношений часто не попадали. В различных государственных архивах (в Ленинграде, Оренбурге, Омске и т. д.) сохранилось много ценных рукописей, требующих еще своих исследований. Так, в архиве Академии наук СССР в Ленинграде хранятся рукописи Г. С. Карелина с многочисленными дневниковыми записями его путешествий по Казахстану, начиная с 1831 года.¹

Очерки М. Я. Киттары о казахских степях

Причины образования на внутренней территории России (в междуречье Волги и Урала) новой казахской «орды», получившей в русской литературе название Внут-

¹ Л. И. Липский. Григорий Силыч Карелин (1801—1872 гг.), его жизнь и путешествия. Спб., 1905, стр. 3—5.

ренней, или Буксевской, явились темой анонимной работы, опубликованной в 1840 году на страницах «Сына Отечества» под заглавием «О Внутренней, или Буксевской киргиз-кайсацкой орде»¹.

Внутренняя, или Букеевская, орда образовалась на землях, принадлежавших русскому государству, где новые поселенцы-казахи могли иметь надежную защиту как от внешних врагов, так и от внутренних междоусобных набегов — бармты. Этот переход, откочевка определенной части Младшего жуза в новый район был обусловлен также хозяйственными (экономическими) причинами: казахов постоянно привлекало богатое пастбищными угодьями междуречье Волги и Урала.

В 40-х годах в ставке хана-правителя Внутренней орды побывал М. Я. Киттары, опубликовавший очерк «Ставка хана Внутренней киргизской орды»². Характеризуя ханскую ставку, автор обратил внимание на большой размах ярмарки, где происходят крупные торгово-обменные операции. Но торговля между казахами и русскими шла не только на сезонных ярмарках. Торговый обмен приобретает постоянный характер.

Несмотря на примитивный способ подобного рода товарообмена, это сближало русское и казахское население, усиливало их взаимопонимание и уважение. И вопреки политике царизма разъединить и разобщить народы, противопоставить их и вызвать ненависть их друг к другу, вопреки всему этому растет и крепнет дружество народов России, в частности казахского и русского народов. В этом немалую роль сыграла торговля. Важно то, что об этом писали официальные чиновники.

Новые сведения о казахах и Казахстане 40-х годов содержатся также в рукописях А. А. Лемана, путешествовавшего по краю в 1839—1842 годах.

Известный интерес могут представить и письма В. А. Перовского, бывшего начальника Оренбургского края и руководителя Хивинского похода 1839 года. Письма были опубликованы лишь в начале XX века³.

¹ «Сын Отечества», 1840, т. V, кн. 19—20, отд. 5, стр. 228—242.

² «Журнал Министерства внутренних дел», 1849, ч. 38, стр. 107—133, 175—196.

³ И. Н. Захарьин-Якунин. Граф В. А. Перовский и его зимний поход в Хиву, Спб., 1901.

В своих «Замечаниях о киргизской степи между Орской крепостью и Аральским морем»¹ Нешель дал весьма подробное описание способа орошения полей казахским населением.

Полковник Бларемберг указал на общую численность населения Младшего жуза в 40-х годах XIX века в пределах 500 тысяч человек (около 100 тысяч кибиток-юрт)².

Г. С. Карелин в Казахстане

Г. С. Карелин (1801—1872 гг.) родился в обедневшей дворянской семье, в родовом имении, расположенном в Подмосковье. Воспитывался в кадетском корпусе. В 1822 году он был переведен в Оренбургский артиллерийский гарнизон. Собственно, это был не перевод, а ссылка молодого Карелина по воле всесильного временщика Аракчеева. Поводом к ней послужил следующий эпизод.

Молодой прапорщик Г. Карелин за свои «отличные способности и прекрасный почерк» был оставлен служить в личной канцелярии Аракчеева. Последний на своем гербе имел девиз «Без лести предан». Однажды молодой офицер Карелин нарисовал чертенка в мундире с надписью: «Бес лести предан» — и пропел какую-то комическую песенку, сочиненную на того же Аракчеева. Все это было кем-то из присутствовавших в канцелярии доведено до сведения временщика. Г. Карелин был немедленно схвачен, в одном мундире посажен в фельдъегерскую тележку и доставлен в Оренбург. Весь длинный путь до места ссылки фельдъегерь мчался, ни словом не объяснив причины столь поспешной езды молодому Карелину, который был сдан в гарнизон Оренбурга³.

Служба в новом крае (до 1826 г.) дала возможность

¹ *Нешель*. Замечания о киргизской степи между Орской крепостью и Аральским морем. «Географические известия». Спб., 1848, вып. 3, стр. 123—128.

² «Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды». Спб., 1852, т. XIV, ч. II, стр. 1—119.

³ *А. П. Богданов*. Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания за последнее 35-летие. Цит. по кн.: *В. И. Липский*. Г. С. Карелин. Спб., 1905, стр. 16 (604).

Г. Карелину активно участвовать в некоторых экспедициях, предпринятых в то время с целью изучения казахской степи. Так, Г. Карелин сопровождал П. П. Свинына по Оренбургской линии до границы Сибири. В 1823 году он участвовал в составе экспедиции полковника Ф. Ф. Берга по картографической съемке участков казахской степи. Был командирован в Башкирию для открытия месторождений горных хрусталей и дымчатых топазов. Составлял топографический маршрут от Симбирска до Оренбурга и от Оренбурга до Екатеринбурга. Вместе с инженером штабс-капитаном Тафаем был направлен на территорию Младшего жуза для изучения древних монгольских памятников.

Находясь в отставке (1826—1830 гг.), Г. С. Карелин совместно с Эверсманом совершает путешествие по территории Внутренней, или Букеевской, орды с целью составления карты. Он также сопровождал экспедицию скандинавских ученых в Букеевскую орду.

С 1830 года Г. С. Карелин состоит на службе при хане Внутренней орды Джангире Букееве. В 1832—1836 годах он изучает берега Каспийского моря. В 1840 году направляется в Джунгарию и достигает Нарымского и Тарбагатайского хребтов. В 1841 году Г. С. Карелин — в Семиречье. В следующем году ученый посетил окрестности Баян-Аула и Каркаралинска. В 1843 году он собрал ценные научные данные о системе Иртыша, начиная от его истоков из озера Нор-Зайсан и до Усть-Каменогорска (400 км). В 1843 году Г. С. Карелин обследовал систему реки Бухтармы. Тогда же он совершил повторную поездку в Джунгарию и проник в северо-западные районы Китая.

В 1852 году Г. С. Карелин поселился в Гурьеве, где собирал зоологические коллекции¹ и вел наблюдения над перелетами птиц. Умер он в 1872 году в Гурьеве. Таковы вкратце основные этапы жизни и деятельности Г. С. Карелина.

Казахи и Казахстан заняли видное место в жизни русского писателя и ученого. Это было отмечено и правительством: за заслуги по изучению степи и жизни кочевников Г. С. Карелин был произведен в титулярные

¹ В записных книжках Г. С. Карелина были найдены названия животных и птиц.

советники. Будучи продолжительное время в общении с казахами Внутренней орды, Г. С. Карелин получал жалование от хана Джангира за управление делами хана и за занятия науками с ним, что позволило Г. С. Карелину изучить различные стороны жизни народа. Так, в 1828 году он писал жене о поездке с ханом по территории орды следующее: «Хан останавливается дня на четыре в открытой степи, между киргизами. Будем поживать на морозе и греться у огня... Мы уже провели одну ночьку в камышах, сидя кружком у огня в полуизорванной кибитке... Здесь нет отбоя от посетителей. В маленькой кибитке усаживается несколько десятков султанов, старшин, биев и пр., бормочат и выгоняют на мороз излишнюю опрятностию... Пишу тебе из домика или лучше хаты, построенной ханом Чокоем в камышах. Хата состоит из двух крошечных грязных комнат: в одной спит хозяин с тремя женами и готовится кушанье, в другой — мы с ханом и 8 людьми при нас»¹.

Г. С. Карелин основательно изучил жизнь кочевников, и они всегда охотно шли к нему и сообщали о своих затруднениях и нуждах. Но Г. С. Карелин занимался не только научными вопросами. В 1833—1834 годах ученый возглавляет секретную экспедицию, которой было поручено правительством заложить на берегу Каспийского моря при урочище Кизил-Таш Ново-Александровскую крепость. Местное население настороженно встречало подобные шаги царского правительства. Так, Г. С. Карелин указывает: «Киргизы (казахи) встретили было нас грозно, с шумом и суматохою; но дело обошлось без хлопот. Потолковав немного, человек 1 000 ордынцев при первой свезенной на берег пушке начали довольно скоро взбираться на ближние и дальние скалы. Немногим оставшимся на берегу, в почтительном однако же расстоянии, я растолковал о цели нашего прихода и ожидающих их великих выгодах. Они, по-видимому, успокоились и, узнав, что мы имеем на судах разные предметы для мены, сделались посмелее. Один старшина, подъехав ко мне, поздоровался со мной по-ордынски. Я облакал его и одарил, таким же образом поступил я и с ободрившимися его товарищами».

¹ В. И. Липский. Григорий Силыч Карелин. Спб., 1905, стр. 23 (611).

Как в последующем происходило укрепление отношений новоселов с местным населением? В письме Г. С. Карелина на имя К. К. Родорфиникина мы находим ответы и на эти вопросы.

Вот что писал Г. С. Карелин о закладке основ дружественных отношений с казахами: «Киргизы мало-помалу начали дружить с нами, привозили и пригоняли на мену баранов; но лошадей и верблюдов не продавали, вероятно по общему предварительному соглашению, чтобы отнять у нас средства разъезжать по дальним местам. Однако ж 5 числа отдали в наем верблюдов для перевозки провианта. Приметя, что они крайне боятся, чтобы мы не забрались в их аулы, я совершенно успокоил их на этот счет и в первое воскресенье, когда охотники наши, вопреки строгого запрещения, забрели в аул выпить кумысу, наказал их в присутствии 30 ордынцев»¹.

Укреплению мирных отношений между казахским населением и прибывшим русским отрядом способствовали торговые связи. «Мы продолжали мену,— пишет Г. С. Карелин,— которая равно была прибыльна для них (казахов.— К. К.), приобретавших нужные вещи за половину той цены, какую принуждены платить в Хиве, и для нас, получавших барана за три рубля ассигнации по Астраханскому курсу»².

В Ново-Александровском укреплении Г. С. Карелин принимал казахских родовых старейшин («почетнейшие из здешних ордынцев»). Из беседы с ними он пришел к выводу, что, «кажется, им (казахам.— К. К.) очень плохо от хивинцев и туркмен»³.

Один из старейшин рода адаев писал Г. С. Карелину, что его предшественники (Берг и Генс) поступали неблагоприятно, грабя совершенно невинных казахов. Берг и Генс этими действиями лишь восстановили казахов против себя. «Сим самым случилась вражда между киргизцами и Россиею»,— писал старейшина Исмаил Шахмерден. И далее он назидательно указывал: «В сих делах требуется терпение и соображение». Действительно, многие из царских чиновников и военных деятелей не имели достаточного терпения в налаживании отношений с ка-

¹ В. И. Липский. Григорий Силыч Карелин, стр. 27 (615).

² Там же.

³ Там же, стр. 28 (616).

захами. Последние очень настороженно встретили экспедицию и Г. Карелина, но, «видя ласки» со стороны начальника русских, остались «довольны».

Г. С. Карелин, завязывая удачные сношения с казаками и хивинцами, мечтал и о «непосредственной торговле с Индией». Ученый надеялся проложить через Среднюю Азию путь «до ворот Индии». Он собирал всесторонние сведения о новых землях. В одном из своих докладов В. А. Перовскому Г. С. Карелин писал: «Неподалеку от Ново-Александровска есть соленый ручеек, которому ордынцы приписывают целебные свойства; далее течет горная смола, еще далее белая нефть, и наконец гора Кара-Тау с разными минералами, где, по уверению ордынцев, видны древние копи, вероятно, медные, ибо других формаций гор не обещает. Есть и еще кое-какие ископаемые соли и даже селитра. В изобилии и подле нас великолепный белый... камень... Образцы их всех вам пришлю».

Но Г. С. Карелина интересовали не только природные богатства края. Ученый весьма критически относился к реформам царской администрации в казахской степи. Так, в рапорте министру финансов России Е. Ф. Канкрину он писал о состоянии казахских степей следующее: «Все заиртышские киргизы (казахи) до самой реки Или вступили в подданство России, но, к несчастью, образование внешних киргизских округов, по ошибочному, хотя и благонамеренному предначертанию покойного графа Сперанского, не удовлетворяет потребностям края. Весьма значительная часть отложилась от России и ушла в коканские пределы, за реки Чу и Или, где хотя им и очень тяжело от непомерных налогов, но все-таки предпочитают управлению наших Заиртышских Окружных Приказов, в которых вся власть сосредоточена в руках двух заседателей, из мелких чиновников, весьма часто сомнительного достоинства».

Так характеризует Г. С. Карелин политические последствия реформы 1822 года в казахской степи. Реформа Сперанского отрицательно сказалась и на хозяйственной жизни местного населения. Хотя, как писал Г. С. Карелин, «Сибирская... и Оренбургская линии» и поддерживали торговлю с казаками, но независимо от значительного уменьшения (населения.— К. К.), вместе с уходом недовольных ордынцев начались бедствия

оставшихся там, что их беспрестанно разоряют уклонившиеся в Коканию беглецы. Уменьшение скота и упадок меновой торговли становится уже слишком ощутительным, а сверх того возрастают опасности и препятствия при следовании караванов в Кокан, Ташкент и Китай».

Несмотря на эти тяжелые условия, Г. С. Карелин оптимистически настроен и надеется на дальнейшее развитие торговых связей России с Казахстаном и с этой целью он составляет «маршруты разных торговых путей...»

Г. С. Карелин неоднократно обращал внимание русского правительства на тяжелое состояние казахских степей. В 1841 году в записке на имя министра внутренних дел А. Г. Строганова ученый писал: «Заиртышский край находится в жалком состоянии упадка, как по торговой и промышленной частям, так и в других отношениях, особенно же касательно управления со стороны Главного начальства». Г. С. Карелин подчеркивает далее, что «невнимание и беззаботливость и пристрастие» со стороны русской администрации к казахскому населению «странны до изумления».

В другом письме на имя того же Строганова Г. С. Карелин опять повторяет, что «ошибочные, хотя и благонамеренные начинания... Сперанского приносят горькие плоды. Весь здешний край в волнении...»

Заканчивая краткий очерк о деятельности в Казахстане одного из видных представителей русской науки прошлого века — Г. С. Карелина, следует отметить, что при жизни он не был оценен по достоинству русским обществом. В этой связи нельзя не вспомнить слова Д. Ф. Кобеко (1890 г.), который говорил, что «наступит время, когда имя Г. С. Карелина, ныне забытое, будет с благодарностью помянуто в истории исследования Азии русскими людьми». Здесь мы попытались воздать должное лишь одной из сторон многогранной деятельности Г. С. Карелина — изучению казахских степей и закладке основ русско-казахских связей. Но и эта сторона жизни и деятельности Г. С. Карелина не может быть освещена полностью, поскольку нами ставились более узкие цели в этом исследовании.

Казахский рассказ М. Н. Житкова

Нередко на страницах газеты «Оренбургские губернские ведомости» появлялись рассказы и очерки, в основу которых брались сюжеты, связанные с жизнью казахского народа.

Так, глубокие изменения в казахских степях, которые произошли после присоединения Казахстана к России, послужили темой небольшого стихотворения «Столетие Оренбурга»¹. Автор его, подписавшись псевдонимом Русский, остался неизвестным.²

Сто лет минуло сей стране
Разноплеменной и обширной.
Киргизец дикий на копе,
Теперь стал гражданином мирным...

В аул вольный и покойный,
Когда блеснет небес заря,
Кайсак плуг точит добровольно,
И жатву сеет средь степей
Когда-то полных жертвы бранной.
Кайсак как бы пересозданный
Ликует счастливой семьей!

В 1849 году в «Оренбургских губернских ведомостях» были опубликованы «Три встречи» М. Н. Житкова, основу которых составляет «киргизский нравоучительный рассказ» (сказка).

Автор указывает, что казахи имеют «свои повествования, которые не доставлялись им в наследство на пергаменте, а перешли к ним живой речью от дедов, через уста отцов». Далее М. Н. Житков указывает, что «эти притчи хорошо обрисовывают характер своего народа, не имея, впрочем, сходства с нравоучительными рассказами прочих жителей Востока».

В основе приводимого М. Н. Житковым рассказа лежит сказание о богатыре (батыре), который покинул

¹ «Оренбургские губернские ведомости». 1843, № 18, стр. 53.

² Под псевдонимом Русский мог, по-видимому, выступить поэт-романист Константин Петрович Масальский (1802—1861 гг.), который часто печатался на страницах журнала «Сын Отечества». В этом журнале нередко помещались материалы о Казахстане. Однако возможно допустить, что под указанным псевдонимом выступили оренбургские поэты Иван Марков или Молчанов.

родной кров, чтобы белый свет познать...». Но три встречи, которые имел Батыр во время своего странствования, заставили его о многом задуматься. Первая встреча с дряхлым стариком, прозванным «калта» («калта» — пишет Житков), которого, к своему стыду, не смог поднять батыр. Вторая встреча со змеем, которая от ласкового обращения батыра не ужалила его... Третья встреча с грешником, погубившим и душу и тело... Блудный батыр возвращается к своим старикам. Мудрый старик-отец растолковывает сыну значение этих трех встреч.

М. Н. Житков был не первым из деятелей русской культуры, использовавшим материалы казахского фольклора. Но сам факт появления на страницах провинциального издания рассказа, посвященного казахской тематике, весьма примечателен.

В 1848 году в журнале «Современник» был опубликован «Обзор событий русской истории, от кончины царя Федора Ивановича до вступления на престол дома Романовых»¹ Соловьева.

В этом обзоре среди большого количества исторических событий, пережитых русским народом за период между царствованием Федора Ивановича и вступлением на престол первого представителя дома Романовых, есть упоминание и о «погаях», среди которых якобы «погиб Кучюм». В древней Руси, да и в период царствования Бориса Годунова, под собирательным именем «татар» или «ногаи» («нагаи») подразумевались многие кочевые народы, находившиеся за восточными рубежами русского государства. В «Обзоре...», в частности, указано, что кочевники, среди которых, по-видимому, погиб Кучюм, «разделялись на три орды, из которых только одна признала власть московского царя». Борис Годунов, «желая подчинить себе все три орды, и опасаясь связи одной из них с Турцией и Крымом, приказывал подчиненному себе хану теснить турецких союзников...» Но русский царь «не вполне доверял силе своего приказа и для вернейшего достижения своей цели велел астраханским наместникам ссорить чужих ханов, следствием чего были

¹ «Современник», 1848, т. VII, № 2, стр. 1—88.

кровопролитные войны и запустение неприязненного улуса...» Между тем Борис Годунов «в подчиненной орде... строго запрещал междоусобии»¹.

* * *

Следует отметить, что казахская тема в эти годы пропикает и в польскую литературу.

В 30-х годах XIX века в Казахстане в ссылке жил поляк Густав Зелинский, впоследствии написавший поэму «Киргиз», в которой очень ярко и реально показал многие стороны жизни казахского народа². На русский язык поэму перевел писатель и поэт Г. Гребенщиков, автор рассказа о жизни казахских рабочих «Степные вороны».

Большую помощь Г. Зелинскому в издании поэмы «Киргиз» оказали Г. Гребенщиков, написавший предисловие, и художник В. Белослюдов, подготовивший около 50 иллюстраций. В оформлении книги принимали также участие художники Г. Гуркин и М. Щеглов.

В предисловии Г. Гребенщикова указано, что «чуткий и талантливый автор поэмы «Киргиз» — польский поэт Густав Зелинский, бурю событий 1831 года» был заброшен в Сибирь, а затем в казахские степи. Отмечено, что поэт окружил романтический сюжет поэмы «разнообразной и узорчато-нежной рамкой из душистых и живых цветов степной жизни».

Нельзя не отметить, что Г. Гребенщиков слишком романтизирует «обширный и оригинальный мир кочевника-киргиза...». Он до конца не понял прогрессивных последствий глубоких изменений в жизни казахского народа, связанных с развитием земледелия и появлением первых зачатков национального рабочего класса на рудниках. Вторая его поэма, «Степь» не переведена на русский язык.

Таким образом, 30—40-е годы XIX столетия могут быть охарактеризованы как годы дальнейшего углубленного развития казахской тематики в русской литературе и журналистике.

¹ «Современник», 1848, т. VII, № 2, стр. 1—88.

² Г. Зелинский. Киргиз. Пер. с польского Г. Гребенщикова, Томск, 1910.

РУССКО-КАЗАХСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ 50—60 ГОДОВ XIX ВЕКА

Роль прогрессивной русской печати и ученых-ориенталистов в развитии казахской тематики

В 50—60 годах резко обострилось англо-русское соперничество в Средней Азии и Казахстане. Ф. Энгельс указывал, что «вопрос о взаимном столкновении двух великих азиатских держав, России и Англии... часто обсуждался с тех пор, как в 1839 г. Англия и Россия одновременно отправили армии в Среднюю Азию»¹.

Хивинский поход русских войск 1839 года имел важные последствия и для Казахстана, что можно видеть из работ Г. Н. Данилевского², Д. Голосова³, А. Вамбери и др. Так, Д. Голосов отмечал стремление англичан всеми средствами усилить свое влияние в Средней Азии и Казахстане.

Хива с начала XIX века вела весьма активную экспансионистскую политику. Она захватила ряд районов юга Казахстана. Опасность порабощения казахского народа отсталыми деспотическими государствами Средней Азии, в частности Кокандом, Бухарой и другими, с 50—60-х годов возросла и Хивинский поход русских войск, естественно, избавлял казахское население от жесткого гнета и ничем не ограниченного произвола хивинских завоевателей.

Исследователи отмечали, что «хивинцы силой и грабежом вынуждали у них (казахов.— К. К.) подать (закят), а эмиссары Хивы, проникая в киргизскую степь

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. I, стр. 363.

² Г. Н. Данилевский. Описание Хивинского ханства. «Записки Р.Г.О.», 1851, кн. V.

³ Д. Голосов. Поход в Хиву в 1839 году. «Военный сборник», 1863, т. 29, № 1—2, стр. 1—72.

с торговыми караванами и под видом мулл возбуждали религиозный фанатизм и ненависть между родами, подучали их не только на грабеж караванов, но и к нападению на Линию». Можно считать, что здесь довольно метко охарактеризована гнусная роль мусульманского духовенства, бывшего марионеткой в руках среднеазиатских деспотов.

Но за спиной Хивы ловко действовали многочисленные английские агенты, стремившиеся не допустить вхождения Казахстана в состав России.

Г. Н. Данилевский указал состав казахских родов, находившихся в зависимости от Хивы. Автор отметил, что, несмотря на усиленные проiski англичан помешать русско-среднеазиатским торговым операциям, на рынках Казахстана и Средней Азии преобладали товары русского производства.

Статья полковника генерального штаба Данилевского получила положительную оценку «Современника» (1851 год, № 5), который отметил новизну приведенных автором материалов по Хиве и др.

В 50—60-х годах XIX столетия русско-казахские общественно-экономические и социально-культурные взаимоотношения находят живой отклик, широкое отображение на страницах русской периодической печати. Русско-казахским взаимоотношениям посвящаются небольшие очерки и «толстые» повести, которые публикуются на страницах «Современника» и «Отечественных записок», «Библиотеки для чтения» и «Северной пчелы», «Литературной газеты» и «Газеты для сельских хозяев», а также научные и научно-популярные статьи в журналах Российского географического общества (Р. Г. О.) — «Записки Р. Г. О.», «Известия Р. Г. О.» и «Вестник Р. Г. О.», в изданиях военного ведомства — «Военный сборник» и др.

Политическая позиция этих журналов характеризуется крайней разноречивостью: на одном полюсе органы революционных демократов — «Современник» и «Отечественные записки», а на противоположном — газета Ф. Булгарина и Н. Греча «Северная пчела»...

Журнал «Современник» являлся боевым органом революционных демократов, «Отечественные записки» — органом прогрессивных народников, а вокруг изданий Российского географического общества объединялись

наиболее выдающиеся научные исследователи, известные широтой и глубиной своих свободолобивых мировоззрений.

Журналу «Современник», основанному в 30-е годы А. С. Пушкиным, принадлежит особое место в истории русской и мировой журналистики. Даже в годы режима Николая Палкина «Современник» сумел сохранить то направление, которое ему придали А. С. Пушкин, а за ним и великий русский критик В. Г. Белинский. В 50—60-х годах журнал стал центральным органом революционных демократов и не изменял своей традиции до момента своего закрытия (в 1866 г.).

С 1854 года ведущая роль в редакции журнала «Современник» стала принадлежать Н. Г. Чернышевскому и его соратнику революционеру-демократу и критику Н. А. Добролюбову. Великие критики Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов сумели привлечь на сторону «Современника» наиболее талантливых, наиболее известных писателей России. На страницах журнала, в частности, печатали свои произведения Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев и др.

В нем систематически печатались материалы, посвященные как граничащим с Россией странам Востока, так и народам окраин, вошедшим в состав русского государства. Так, в 1851 году был опубликован адрес-календарь Оренбургской губернии со справочными приложениями.¹ В 1853 году были напечатаны обширная рецензия² на книгу Е. Ковалевского «Путешествие в Китай»³ и очерк «Охота за медведем в Индии...»⁴ В 1854 году в журнале появились «Предания об Александре Великом у восточных народов». Эта статья составлена на основании работы Э. Шпигеля «Die Alexandersage bei den Orientalen. Nach den besten Quellen dargestellt von Dr. Er. Spiegel».

В 60-х годах на страницах «Современника» появился ряд весьма ценных материалов о положении русских и казахских рабочих на рудниках и заводах Сибири и Казахстана. Несмотря на все цензурные рогатки, аресты и заточение в Петропавловскую крепость Н. Г. Чер-

¹ «Современник», 1851, т. 27, № 5, стр. 26—33.

² Там же, 1853, № 12, стр. 39—48.

³ Е. Ковалевский. Путешествие в Китай, Спб., 1853.

⁴ «Современник», 1853, т. 40, № 7, стр. 50—60.

нышевского, несмотря на строжайшие репрессии по отношению «Современника» (заккрытие журнала на 8 долгих месяцев!), все же демократическое направление ведущего журнала России сохранялось и при новых членах редакции, как М. Е. Салтыков-Щедрин, критик Елисеев и др. Журнал смело продолжал традиции Чернышевского — Добролюбова.

Очерк А. Леопольдова «Отношение русских к киргизам»

Вопросами укрепления русско-казахских взаимоотношений интересовались не только «солидные» столичные журналы и газеты, но и различные периодические издания многих провинций России. Так, в 1850 году на страницах «Саратовских губернских ведомостей» появился очерк А. Леопольдова «Отношение русских к киргизам»¹. В нем автор довольно подробно писал о роли и значении русско-казахских торговых сношений в укреплении дружбы между народами, в проникновении передовой русской культуры в повседневную жизнь и быт кочевников через торговлю и обмен.

Еще сравнительно недавно («полвека тому назад»), указывает А. Леопольдов, между русским и казахским населением обычны были взаимные набеги. Но с течением времени между ними стали складываться дружеские отношения, основанные вначале на торговых связях.

Ныне, как отмечает автор, в пограничных селениях многие русские люди хорошо овладели «языком киргизов», особенно дети «очень свободно говорят по-киргизски». Знание языка помогло русским значительно быстрее сблизиться с казахами. Если русский придет к казаху, то последний приглашает его в юрту, сажает на почетное место для желанных гостей, поит кумысом и т. д. Если же казах приезжает к русскому, то последний ставит лошадей его к сену, приглашает в избу, поит вином... и кормит хлебом.

В пограничных русских селениях устраивались ярмарки и базары, на которые казахи для продажи пригоняли косяки лошадей, табуны крупного и мелкого ро-

¹ А. Леопольдов. Отношение русских к киргизам. «Саратовские губернские ведомости». 1850, № 43, стр. 197–200.

готового скота, привозили овчины, шкуры сурков, лис, хорьков, сало, верблюжью шерсть и др. У русских людей кочевники покупали печеный хлеб, муку, пшено, стеклянную и фаянсовую посуду, кадки и многие другие товары.

Казахи, войдя в близкие сношения с русскими, многое заимствовали у них для улучшения своих жилищно-бытовых условий. Некоторые из них строили себе на зиму землянки, обшитые тесом. Так постепенно стали возникать зимовки — кыстау, в которых и на летний период оставались бедняки-казахи. Впоследствии кыстау явились основой постепенного перехода кочевников к оседлой жизни.

Казахи по примеру своих русских соседей стали заготавливать для скота сено на зиму. В обиходе их появились предметы русского производства. Несколько изменился и «ассортимент» казахских блюд: стали варить лапшу из муки, купленной у русских, употреблять в пищу овощи, печь хлеб. Казахи стали ездить в гости к соседям на русских телегах и санях и т. д.

Так, вопреки царской администрации, складываются дружеские отношения между простыми людьми русского и казахского народов, чему в немалой мере способствовали торгово-экономические и культурно-бытовые связи между ними.

«Описание Аральского моря» А. И. Макшеева

В 1851 году офицер генерального штаба А. И. Макшеев в «Записках Р.Г.О.» опубликовал свое «Описание Аральского моря»¹.

Характеризуя Аральское море, автор указывает, что казахи и соседние с ними племена (то есть народы) называют его Арал-Денгиз. Внимание А. И. Макшеева привлек и остров Кос-Арал, где была расположена ватага рыболовов и устроен редут для обороны судов, плавающих по морю.

В своем описании А. И. Макшеев привел весьма любопытные выдержки из записок некоего чиновника Оренбургской пограничной комиссии (1848 г.). В записке, со-

¹ «Записки Р.Г.О.», 1851, кн. 5, стр. 30—61.

ставленной на основании устных расспросов казахов, отмечено, что примерно 70 лет назад казахи, объединившись под предводительством батыра Джалке, согнали каракалпакс с низовий Сыр-Дарьи, где они, по-видимому, занимались земледелием. Таково вкратце содержание статьи А. И. Макшеева, получившей высокую оценку журнала «Современник»¹. В рецензии было отмечено, что «Описание...» А. И. Макшеева знакомит впервые русских и европейских географов с последними открытиями, сделанными на Аральском море.

В 1853 году А. И. Макшеев по распоряжению начальника Отдельного Оренбургского корпуса был направлен в «киргизскую степь». Во время «перехода» он познакомился с Т. Г. Шевченко, который тогда служил рядовым солдатом в пятом Оренбургском линейном батальоне. А. И. Макшеев предложил «несчастному художнику и поэту пристанище на время перехода». Т. Г. Шевченко принял это предложение. Но весь поход поэт «сделал пешком», отдельно от своей роты, в плохоньком штатском пальто, так как в степи ни от кого, а от Шевченко в особенности, не требовали соблюдения формы. Поэт был весел и, по-видимому, очень доволен «раздольем степи и переменю своего положения», отмечает А. И. Макшеев. Походная обстановка несколько не тяготила поэта, но когда после длительного и изнурительного перехода по степям отряд достигал укрепленного пункта и имел возможность «заменять сухари и воду свежим хлебом и хорошим квасом», Т. Г. Шевченко шутливо обращался к денщику Макшеева с просьбой: «Дай, братец, квасу со льдом: ты знаешь, что я не так воспитан, чтобы пить голую воду».

А. И. Макшеев приводит такой эпизод, связанный с именем Т. Г. Шевченко. Во время перехода к низовьям Сыр-Дарьи русские долго любовались «импровизированной иллюминацией», возникшей в степи: казахи, чтобы сжечь старый ковыль и тем дать возможность для беспрепятственного роста свежему, по степи пускали огонь. Т. Г. Шевченко нарисовал акварелью картину степного пожара и подарил генералу Шрайберу.

В 1856 году в «Морском сборнике» появилась статья

¹ «Современник», 1851, № 5, стр. 26—33.

А. И. Макшеева «Описание низовьев Сыр-Дарьи»¹. По автору, первые и наиболее достоверные сведения о Сыр-Дарье появились в русских источниках около 1600 года.

А. И. Макшеев указывает, что сыр-дарьинские казахи «разделяются на игенчей, или земледельцев, и на кочевывающих на зиму». По автору, «земледельцы вообще гораздо беднее кочующих». Последние занимаются «хлебопашеством только тогда, когда находятся в нищете и не имеют других средств к существованию». А. И. Макшеев считает, что «слова игенчи — земледельцы и байгуш — бедняк почти однозначны».

Сыр-дарьинские «игенчи» (егинши. — К. К.), по Макшееву, существовали «почти исключительно одним земледелием», так как скота (коров, овец, коз и ослов) «держат весьма немного, а лошадей и верблюдов почти никто не имеет». «Земледельческие орудия» казахов были «чрезвычайно» просты: это — мотыга, плуги, бороны, серпы... В некоторых местах встречались водяные и конные мельницы.

А. Еврейнов о Букеевской орде

Среди материалов, опубликованных в журналах 50-х годов, обращает на себя внимание статья А. Еврейнова «Внутренняя, или Букеевская киргиз-казахья орда. Исторический взгляд»².

В обширной работе А. Еврейнова охвачен довольно значительный круг вопросов, в том числе указаны причины перехода казахов из Малого жуза в степь между Волгой и Уралом; приведены материалы о сношениях султана Букея с русским правительством; сведения о роли Срым Батыра и его влиянии на русско-казахские взаимоотношения; имеются данные о ханах Внутренней орды (Букее, Джангире, султанах Шигас); интересны данные о временном совете для управления «ордою» и восстании («возмущении») Исатая Тайманова.

По А. Еврейнову, Срым Батыр — «лицо замечательное в событиях Малой орды второй половины XVIII столетия. Одаренный от природы непомерной физической си-

¹ «Морской сборник». СПб., 1856, т. 29, № 9, ч. 3, стр. 448—527.

² «Современник», 1851, т. 29, № 9-10, стр. 49—95.

лой, обширным умом, сильною волею, отважный, предприимчивый, хитрый и честолюбивый, он был, так сказать, «народным кумиром». Причину всенародного признания Срыма автор видел в том, что казахи считали Батыра своей славой, ибо он «самым простым своим происхождением... принадлежал им»¹.

Пользуясь столь сильным влиянием на народ, Батыр, по автору, нередко «увлекал покорную себе толпу в дерзкие и... противоречащие одно другому предприятия».

Если в начале движения Срым вел борьбу против местных феодалов и царской администрации, то затем он усиленно стал помогать последней, надеясь удовлетворить свои «честолюбивые замыслы». Срым был избран каким-то второстепенным членом временного совеста по управлению ордою. Когда же правительство после смерти Нуралы-хана в Уфе вновь утвердило в ханском достоинстве в 1791 году нового султана, то Срым снова поднял движение «недовольных». Однако, начиная с 1798 года, Срым «утих» и стал «одобрять» действия Букее по перекочевке в междуречье Волги и Урала и способствовал ему своим авторитетом среди населения.

Важно подчеркнуть, что степь представлялась неоднородной по своей социальной структуре не только исследователям и ученым, но также и царскому правительству, которое умело использовало имущественно-правовое неравенство среди казахского народа путем противопоставления (через ряд привилегий и преимуществ) имущих классов беднейшим слоям населения. Так, среди казахов правящий аппарат различал четыре сословия:

1) султанское, считающее себя потомками ханской линии. Представители этого сословия освобождались от податей и телесных наказаний, а некоторые из них могли даже получить штабс- и обер-офицерские чины русской армии;

2) от податей освобождались последователи «законоучителя» Магомета, так называемые ходжи (этого звание удаивались священнослужители после посещения Мекки.— К. К.);

3) на подобном же привилегированном положении были муллы и ахуны (это не акыны — народные певцы,

¹ «Современник», 1851, т. 29, № 9-10, стр. 49—95.

а духовные лица. Ахуны — так фигурируют они в русской литературе XVIII и XIX веков.— К. К.);

4) наконец, к четвертому сословию были отнесены «простые киргизы, занимающиеся скотоводством».

Из простых казахов от податей освобождались только те, кто не имел скота... на сто рублей серебром, а также пастухи и торговцы, имеющие соответствующие грамоты.

В другом материале — «Очерке образа жизни киргизов Букеевской орды, их нравов и некоторых обычаев» — А. Еврейнов затрагивает самые различные стороны жизни казахов Букеевской орды: места летних кочевков и зимовок, маршруты перекочевков; одежда и питание местного населения, предметы первой необходимости и роскоши; вероисповедание, свадебные обряды, народные игры («потехи»), охота, поэзия и поэты и т. д.

Подчеркивая свободолюбие казахов («киргиз — сын степей: раздолье и воля — его потребности»), автор указывает, что кочевая жизнь, не связанная с оседлостью, необходима для благополучия скота — единственного источника материального благосостояния кочевника.

Идиллически рисуя «привлекательное приволье» казахских перекочевков, А. Еврейнов пишет, что если казах «сегодня... здесь», то «через неделю, много — две, приисканную другую привольную поляну», куда переносит свой «подвижной дом... — кибитку», но с тем, «чтоб так же скоро покинуть и это место — бродит таким образом все лето, осень и весну, наслаждаясь по мере своих ограниченных потребностей...»

Разумеется, основная масса казахского населения не имела столь широких возможностей для частых перекочевков, так как пастбища были строго распределены между родами. Баи, бии и другие имущие представители феодально-аристократической верхушки пользовались лучшими пастбищными угодьями.

Призрачная привлекательность кочевой жизни казахов резко исчезала в период холодов, когда юрта, затерянная где-то в зарослях камыша или среди барханов, почти доверху заносилась снегом... Внутри такого «домика» было и темно, и холодно. Обитатели юрты в зимний период обычно сидели закутавшись в тулупы вокруг костра, дым которого нещадно ел глаза их...

И, как отмечает А. Еврейнов, только «одну роскошь

допускают» казахи в это время — «едят мясо, которого не видят остальную часть года». Здесь же автор сообщает, что его «тамыр» (друг, близкий.— К. К.) во время перекочевки в Нарын-пески потерял весь скот, так как ранней весной неожиданно ударил мороз в 20°...

Автор находит, что казахская национальная одежда приспособлена к особенностям климата. В частности, «белый, высокий колпак, с отогнутыми в виде полей краями, предохраняет летом... голову от знойных лучей солнца, а в кибитке остроконечная тюбетейка прикрывает его бритый, по обычаю, череп. Широкие шаровары, свободный бешмет и халат дают возможность волевым движениям на лошади и не стесняют дома».

А. Еврейнов отмечает искреннее гостеприимство и доброжелательность казахов. Когда бы ни прибыл путник, даже далеко за полночь, тотчас же появляется домбра, начинаются песни и пляски в честь гостя. «Молодежь пытается силы, борются, бегают взапуски, тянутся на кушаках».

Автор характеризует баксы и как лекарей и как знахарей, приписывая им «одаренность особой силой». Но А. Еврейнов признает, что баксы, в сущности, хитрые и злые мошенники, ставящие себя выше толпы, и «пользующиеся заблуждениями (народа.— К. К.) в свою пользу».

Известное внимание автор уделял и казахским народным поэтам-импровизаторам, которые «отличаются больше всего на туй (той.— К. К.), где часто сводят двух таких, заставляя разговаривать в стихах нараспев, или тот и другой поочередно хвалят кого-нибудь из присутствующих».

Появление работы А. Еврейнова было связано с ростом всеобщего интереса русского общества «к описанию вообще... областей обширного русского государства». Автор надеялся, что предлагаемый им «труд, несмотря на слабость исполнения... найдет место среди других географических и статистических описаний».

Ценность представленных А. Еврейновым материалов заключается в том, что они основаны на непосредственных наблюдениях и впечатлениях автора, бывшего в казахской степи почти два года.

В период своего пребывания во Внутренней орде А. Еврейнов довольно часто встречался с казаками, не-

однократно совершал поездки в киргизские «ордыны». Все это позволило ему достаточно полно ознакомиться с жизнью, нравами и обычаями народа. Как отмечает А. Еврейнов, «заботы... падавшие на него... — А. П. Жарков о благосостоянии ордынцев», и изучение их нравов и обычаев развили «в нем любовь к орде». Эту свою любовь автор пытается объяснить или близостью к его душе «патриархальной жизни» кочевников, или чувством, тождественным «с привязанностью к ребенку, который лепечет еще детские, полусвязанные, но уже умные речи...»

В бытность А. Еврейнова во Внутренней орде, в 1846 году там побывал профессор Казанского университета Вагнер с сотрудниками, который также вел этнографические наблюдения за жизнью кочевников.

Очерки о быте казахов Я. Жаркова, П. Небольсина, А. Сутоцкого, А. Терещенко, С. Идарова и др.

В 1852 году в журнале «Библиотека для чтения» появились «Записки о киргизах» саратовского купца Я. П. Жаркова¹. Непосредственной причиной поездки его в «киргизскую степь» явилась болезнь жены, которая нуждалась в кумысолечении... Автор описал картину встречи с казахским аулом: из каждой юрты вился синий дымок; и взрослые («начальники с бритыми головами») и дети («полные ребята и девчонки с всклокоченными волосами нагие или едва прикрытые какими-нибудь лохмотьями») смотрели на прибывших русских с «изумлением».

Я. П. Жарков видел семью нищенствующего казаха («байгуши»). Эти бедняки зачастую попадали в кабальную зависимость не только от «своих» баев, но и казачьих кулаков. Уральские казаки, по автору, «лет полтора с лишком существуют только тем, что... во все возможные работы нанимают киргизов. Они и... косят, и... пашут, и двор стерегут, и за скотом ходят — всюду поспевают; а надо отдать справедливость, — подчеркивает автор, — киргиз здоров на работу».

¹ Я. П. Жарков. Записки о киргизах. «Библиотека для чтения», 1852, т. 114, № 8, стр. 123—144.

У байгуши (байгуса.— К. К.), которого встретил автор, не было ни верблюда, ни юрты. Все его «добро... было тут налицо; ...черные руки его были оголены из-под засученных по локоть рукавов старенького халатца, который весь запрятан в широкие козлиные шаровары...» Так же по-нищенски одеты были его жена и сынишка.

В работе Я. П. Жаркова почти впервые в русской журналистике достаточно объективно показана одна из социальных прослоек казахского общества — байгуши.

В 1846 году в «Журнале для чтения воспитанников военно-учебных заведений» появилась статья неизвестного автора-офицера, в которой были изложены результаты переговоров (1839 г.) с одним из руководителей крестьянского движения (1836—1837 гг.) Махамбетом Утемисовым¹.

Движение казахских крестьян — шаруа Внутренней орды получило наибольший размах в 1836—1837 годах, когда разгневанный бесчинствами и непомерными поборами хана Джангира и его окружения из султанов народ поднялся против угнетателей: Впоследствии, когда русская администрация стала яростно защищать хана и его окружение от справедливого гнева народа, то движение стало приобретать и антиколониальный характер. Но это антифеодальное и антиколониальное движение казахских крестьянских масс потерпело поражение. Руководитель восстания Исатай Тайманов был убит во время сражения на территории Младшего жуза, куда бежала лишь небольшая часть повстанцев после разгрома основных сил во Внутренней орде, а его друг и ближайший сподвижник поэт Махамбет Утемисов вел переговоры с русской администрацией, прося помилования...

* * *

П. Небольсин известен как автор нескольких работ, посвященных разнообразным сторонам жизни казахского и других среднеазиатских народов. В 1845 году П. Небольсин опубликовал «Рассказы проезжего», в 1856 году — «Очерки торговли со Средней Азией, Хивой,

¹ Указанная статья о Махамбете Утемисове принадлежит Е. Ковалевскому, который в 1870 году в I томе сочинений «Странствия по суше и по морю» опубликовал этот эпизод. Разговор между Махамбетом и Ковалевским не заключал в себе каких-либо переговоров (См.: В. Шахматов. К биографии поэта Махамбета Утемисова, Вестн. АН КазССР, 1951, № 8, стр. 84—85).

Бухарой и Кокандом со стороны Оренбургской линии»¹. В первой работе автор указал, что проникновение товарно-денежных отношений в казахскую степь вызвало появление первых крупных дельцов из местных богачей — баев, ведущих широкие торговые и ростовщические операции. В частности, один из султанов Младшего жуза, по имени Ахмет Джантиурин, состоял «пайщиком значительной торговой компании, составленной» из казахов, и «имел у себя до 25 приказчиков».

П. Небольсин сообщил о появлении казахских крестьян-хлебопашцев — «игынчи» (егинши.— К. К.), занимающихся земледелием или для себя или по найму у баев.

В 1852 году П. Небольсин опубликовал «Очерки Волжского низовья»², в которых описал положение казахских тюленгутов — потомков рабов, а также обедневших до степени нищеты свободных казахов, вынужденных идти под «покровительство» владетельных султанов и ханов, составляя, по выражению Небольсина, «когорт, двор и прислугу» их. Однако впоследствии роль тюленгутов изменилась: из дружинников ханов или султанов они стали на положение зависимых слуг. Это связано с переходом казахской знати на службу к царской администрации, в связи с чем отпала необходимость в особой свите и в охране из тюленгутов.

В 1860 году в «Русском вестнике» вышла работа П. Небольсина «Путешествующие киргизы»³, в которой он описал приезд группы казахов в Санкт-Петербург. Это был не праздный визит «диких азиатов», а приезд подданных в столицу государства для решения своих насущных нужд.

Приехавшие казахи в своем весьма примечательном письме указывали, что они представляют кочевой народ, живущий «исключительно скотоводством». Они просили показать им «улучшенные породы скота» и «втолковать» кочевникам «необходимость реформы» в их собственном хозяйстве. Посланцы Казахстана интересовались «улучшенными орудиями» земледелия, так как они понимали

¹ «Записки Р. Г. О.». 1859, т. X, стр. 92.

² Там же, 1852, ч. 39, стр. 220—243.

³ П. Небольсин. Путешествующие киргизы. «Русский вестник», 1860, т. XXIX, стр. 41—49.

«всю недостаточность... грубых сабанов и кетменей» кочевников для обработки земли.

Гости Санкт-Петербурга просили показать им «выставки земледельческих инструментов», а также «образцовые хозяйства» и «фермы». В письме казахов указывалось, что они сильно нуждаются в лесе и поэтому просят ознакомить их с «искусственным лесоразведением...»

Любознательность казахов была настолько широка, что они просили своих хозяев растолковать им, «что такое пар, что такое газ, что такое электричество и гальванизм»¹.

В это время в журнале «Иллюстрация»² была помещена групповая фотография «почетных киргизов из Зауральской степи и Внутренней орды, посланных в 1859 году в Санкт-Петербург для представления к высочайшему двору». Среди этой группы правителей-султанов и «почетных киргизов разных родов» (всего их 10 человек), обращает внимание «замечательная личность» Есета Кутебарова. Последний в июле 1855 года во главе огромной толпы напал на аулы правителя-султана. В этой стычке правитель Арслан был убит. Есет и его сторонники, боясь мести родственникам султана и преследования казачьих отрядов, скитались на Усть-Юрте. Но затем в степи все как будто бы стихло. Есет явился с повинной к начальнику края. Ему была дарована жизнь. Есет и в последующем продолжал пользоваться большим уважением своих единоплеменников.

На фотографии Есет Кутебаров сидит рядом с композитором Давлетгереем.

В «Иллюстрации» отмечается, что в Оренбурге существует киргизская школа, курс которой может быть сравнен с курсом русских уездных училищ. Дети же султанов воспитывались в кадетских корпусах Оренбурга и Омска.

* * *

В 1853 году в журнале «Москвитянин» были опубликованы два материала, имеющие отношение к казахам: работа священника А. Сутоцкого «Киргиз на поклонении святым местам русским и палестинским»³ и статья

¹ П. Небольсин. Путешествующие киргизы. «Русский вестник», 1860, т. XXIX, стр. 47-49.

² «Иллюстрация», 1860, № 115, т. 5, стр. 232.

³ «Москвитянин», 1853, т. VI, кн. 2, № 21, стр. 51-85.

А. Терещенко «Следы Дешт-Кипчака и Внутренняя киргиз-кайсацкая орда»¹.

Эти работы почти не содержат новых данных по сравнению с материалами предыдущих авторов. Однако они характеризуют всеобщий интерес в русском обществе к казахам, к казахской степи: этот интерес захватил в свой круговорот даже православного священника.

Среди материалов, опубликованных на страницах «Журнала Министерства внутренних дел», обращает внимание работа С. Идарова «Киргизская степь Сибирского ведомства и новоучрежденная в ней Семипалатинская область»².

В ней автор показал наличие хозяйственного, экономического неравенства между отдельными казахскими аулами, что препятствовало, в частности, бедным аулам совершать длительные сезонные перекочевки на богатые пастбищные угодья.

Коснувшись вопроса развития земледелия среди казахов, С. Идаров указал, что отсутствие скота, одежды и крова заставляет бедняков заниматься обработкой земли и «потому-то слово егынши — земледелец означает у киргизов человека презрительного состояния»³.

Тем не менее с каждым годом увеличивалось количество районов, где земледелие прочно входило в жизнь местного населения. Хлебопашество было наиболее развито, как отмечает С. Идаров, в Кокчетавском, Кокпектинском, Аягузском, Каркаралинском, Акмолинском и Баян-Аульском округах Казахстана.

В статье чиновника Западно-Сибирского генерал-губернаторства Г. Колмагорова «О промышленности и торговле в киргизских степях Сибирского ведомства»⁴ приведены весьма ценные материалы о первых рабочих-казахах золотых приисков, каменноугольных копей и рыболовных промыслов русских предпринимателей. Автор приводит своеобразное разделение казахских рабочих

¹ «Москвитянин», 1853, август.

² С. Идаров. Киргизская степь Сибирского ведомства и новоучрежденная в ней Семипалатинская область. «Журнал Министерства внутренних дел», Спб., 1854, ч. VII, стр. 92.

³ Там же.

⁴ Г. Колмагоров. О промышленности и торговле в киргизских степях Сибирского ведомства. «Вестник Русского географического общества», Спб., 1855, кн. 1, ч. XIII, стр. 1—38.

в зависимости от размера оплаты и срока найма их предпринимателями.

В «Статистических сведениях о степи Сибирских киргизов (за 1853 год)», опубликованных в «Журнале Министерства внутренних дел»¹ приведены некоторые данные о составе и плотности населения Казахстана. В статье указывается, что к числу «сельских обывателей» относятся «водворившиеся казаки», а главное население степи «составляют кочевые инородцы, именуемые сибирскими киргизами».

В «Статистических сведениях...» уделено внимание вопросу развития в казахской степи торговли, промышленности, сельского хозяйства, рыболовства, звероводства и др. Так, отмечено, что сами казахи торговлей занимаются крайне нерегулярно. Да и русские купцы пока еще не вкладывают больших «капиталов в киргизской степи». Поэтому почти вся торговля, особенно весной, находится в руках ташкентских, бухарских и кокандских купцов, которые, разъезжая по аулам, сбывали разные товары, необходимые в быту кочевника.

На территории казахских степей в эти годы было пять постоянных ярмарок, где совершались торговые сделки между казахами и купцами из России, Ташкента, Бухары, Хивы, Коканда и др.

Хлебопашество в этот период у казахов было весьма ограничено. Из промышленных предприятий на территории Казахстана, по данным «Статистических сведений...», имелось два завода: один в Каркаралинском округе для плавки руд (завод принадлежал коммерческому советнику Попову), другой находился в Кокчетавской волости — по добыче золота².

Труды А. Влангали, П. П. Семенова-Тян-Шанского, А. Артемьева, Ф. Лазаревского, Н. Вородинова, М. И. Венюкова, Н. Абрамова о казахах и Казахстане

В 1856 году в Петербурге вышла книга горного инженера А. Влангали, совершившего в течение 1849—1853 годов путешествие по территории казахских степей,

¹ «Журнал Министерства внутренних дел», 1855, ч. 10, № 1.

² По-видимому, речь идет о золотых приисках рудника Степняк, расположенного на территории Кокчетавской области.

«Путешествие по восточной киргизской степи»¹. Характеризуя различные стороны жизни казахского народа, автор отмечает, что «казахи мало занимаются хлебопашеством». По А. Влангали, земледелием в степи занимаются преимущественно беднейшие слои населения. Правда, иногда для обработки земли бедняков нанимают богатые. Действительно, к середине XIX века земледелием занимались не только беднейшие слои казахского населения — джатаки, но и крупные скотовладельцы, убедившиеся в ценности хлеба на опыте своих русских соседей.

О степени развития земледелия среди казахов свидетельствуют и следующие данные А. Влангали. В 1847—1848 годах была сильная засуха, приведшая к неурожаю в русских селениях. Казахи-землепашцы «районов Нарыма и Куржума», «движимые добрососедскими чувствами... доставили много тысяч пудов пшеничной муки», которую стали продавать за недорогую плату. Правда, зажиточная часть русского населения сумела воспользоваться народным бедствием, чтобы за бесценок купить муку у казахов, а затем перепродавать в 3—4 раза дороже.

* * *

Знаменитый русский ученый-географ П. П. Семенов-Тянь-Шанский в 1856—1857 годах совершил путешествие в горы Тянь-Шаня. Впоследствии путешественник с искренней признательностью описал гостеприимство казахов, нравы и обычаи, историю и культуру казахского народа («Путешествие на Тянь-Шань в 1856—1857 гг.»). П. П. Семенов-Тянь-Шанский был первым наставником Ч. Ч. Валиханова и Г. Н. Потанина, которым горячо рекомендовал поступить в Петербургский университет.

* * *

Царский чиновник А. Артемьев, побывавший в казахских степях Оренбургского края, в 1859 году опубликовал свои записки «Несколько заметок о киргизской степи Оренбургского ведомства»². А. Артемьев обратил внимание на заметно быстрое развитие земледелия в казахской

¹ Книга вышла на немецком языке. *Wlangali. Reise nach den Ostlichen Kirgisen — Steppe* (1849—1853 гг.). S-Petersburg, 1856.

² «Журнал Министерства внутренних дел», ч. 38, 1859, стр. 1—44.

степи. Автор считал, что развитие земледелия связано с ростом народонаселения и недостатком пастбищных угодий для животноводства. По А. Артемьеву, хотя земледелие у казахов и занимает второе место после скотоводства, являющегося основным «промыслом» населения, тем не менее в одной Оренбургской губернии насчитывается около 7 000 казахских семей, собирающих ежегодно более 500 тысяч пудов зерна.

С ростом товарно-денежных отношений в 50-х годах все больше казахов-бедняков уходит в батраки к богатым русским переселенцам, а также на работу по найму в рыболовные промыслы Каспийского моря. По материалам А. Артемьева, пастухами в русских селах, батраками богатых прилинейных казаков и рабочими на промыслах трудилось около 20 тысяч казахов обоего пола¹. Это в основном обнищавшие бедняки, как их называют в русских письменных источниках, «байгуши».

* * *

В «Очерках киргизов Оренбургского ведомства»² Ф. И. Лазаревского приведены наблюдения автора над некоторыми сторонами жизни казахов. В частности, Ф. И. Лазаревский уделил известное внимание обряду оплакивания, погребения, поминок покойника у казахов и т. д.

В целом в «Очерках...» Ф. И. Лазаревского мало содержится оригинальных данных о жизни и быте казахского народа. Но сама публикация даже подобных посредственных очерков на страницах «Русского дневника» несомненно свидетельствует о наличии общественно-читательского интереса к казахам, к их жизни и быту.

* * *

В 1859 году в «Журнале Министерства внутренних дел» появилась заметка Н. Воробьева о «Лечении кумысом»³. Подчеркивая полезные целебные качества кумыса, автор отметил, что в Самаре открыто «кумысное

¹ «Журнал Министерства внутренних дел», ч. 38, 1859, стр. 39.

² Ф. И. Лазаревский. Очерки киргизов Оренбургского ведомства. «Русский дневник», 1859, № 14—15.

³ Н. Воробьев. Лечение кумысом. «Журнал Министерства внутренних дел», 1859, ч. 35, стр. 183—228.

заведение». Н. Воробьев рекомендует кумыс «для возможного большего распространения» и поэтому автор не согласен с мнением профессора Харьковского ветеринарного училища Э. Островского, который после своего пребывания во Внутренней орде напечатал статью¹, содержащую не научные доводы, а «суеверные» высказывания об этом напитке.

* * *

В 60-е годы среди членов Русского географического общества (Р. Г. О.) видную роль играли прогрессивно настроенные ученые, многие из которых находились под влиянием идей революционеров-демократов. Влияние последних сказывалось и на печатных изданиях географического общества, в частности, на идейном направлении «Вестника Р. Г. О.», «Известий Р. Г. О.» и «Записок Р. Г. О.».

Среди деятелей Русского географического общества, путешествовавших в казахских степях, были такие активные члены кружка петрашевцев, как А. П. Бласогло, А. И. Макшеев, И. А. Момбелли, А. В. Ханыков и многие другие.

В 1868 году в книге «Петешествия по окраинам русской Азии и записки о них» появляется обширная работа М. И. Венюкова «Очерки Заилийского края и Причуйской страны».

В своих очерках М. И. Венюков много внимания уделял социально-экономическому и политическому положению казахов. Русский путешественник побывал на месте окончательного разгрома Кенесары Касымова. Как известно, последний в 40-х годах XIX столетия поднял реакционное движение, направленное против дружбы казахского и русского народов. Вначале Касымову удалось обманным путем вовлечь в это движение определенную часть народа. Однако впоследствии народ отошел от Кенесары Касымова. Озлобленный хан, не найдя поддержки в своем народе, решил найти убежище среди горцев Ала-Тау, среди киргизского населения. Сподвижники Кенесары стали предавать огню и мечу аулы Киргизии. Жестокость Кенесары Касымова и его окружения

¹ «Журнал Министерства внутренних дел», 1859, т. 34, кн. 2, стр. 89.

была дикой и кровавой. «Своим коварным поведением и беспрерывным хищничеством Кенсары,— пишет М. И. Венюков,— достаточно успел ожесточить всех своих противников, что дикокаменные киргизы живого содрали его кожицу, а тело потом сварили в котле».

М. И. Венюкова весьма заинтересовала перспектива развития крепости Верного, основанной в 1854 году русскими на месте казахского населенного пункта Алматы. Путешественник считал, что Верный из небольшой слободки может в будущем превратиться «в обширный коммерческий город». Этому, по мнению автора, содействует положение Верного, находящегося на пути из китайской Кульджи в Кокандское ханство и из Кашгара в Семипалатинск, то есть на перекрестке наиболее оживленных караванных торговых путей, идущих из среднеазиатских торговых центров в Сибирь и далее в Россию.

Автор высказал предположение об особой роли Верного в будущем как крупного города в переходе к оседлости жителей Семипалатинска...

На страницах научных журналов Русского географического общества в 60-х годах появляется ряд работ, посвященных развитию отдельных городов Казахстана. Так, в 1861 году в «Записках Р. Г. О.» появилась статья Н. Абрамова «Областной город Семипалатинск»¹. Как указывает Н. Абрамов, еще в 1717 году на месте Семипалатинска неким Чередовым была заложена крепость; с 1786 года Семипалатинск стал уездным, а с 1854 года — областным центром.

Вместе с развитием города росло и его значение как торгового центра, где встречались торговые люди сибирских городов и караван-баши кокандцев, бухарцев, ташкентцев, где казахи-скотоводы совершали простой обмен продуктов своего хозяйства на товары русских и среднеазиатских купцов.

Н. Абрамов указал также на то, что в Семипалатинске среди горожан было много бедных казахов. Появились среди местного населения и первые «свои» купцы-перекупщики (алыпсатары), торговцы и богачи-кулаки. Джатаки, жили на окраинах города, в центре которого

¹ Н. Абрамов. Областной город Семипалатинск. «Записки Р. Г. О.», 1861, кн. I, стр. 109—174.

размещались особняки царских чиновников, богатых русских и татарских купцов.

Исполняя обязанности советника при областном управлении, Н. Абрамов прекрасно знал социально-экономическое положение различных слоев населения Семипалатинска. В частности, он отметил, что «коренное семипалатинское мещанство... большею частью не трудолюбивое и ограничивается тем, что летом с помощью работников из киргизов сеет хлеб на продовольствие и несколько на продажу зимой приходящим с караванами киргизам»¹.

Роль Ч. Ч. Валиханова в развитии русско-казахских литературных связей

В «Записках Р. Г. О.» за 1861 год (книга I и II) в отделе «Исследования и материалы» были помещены «Очерки Джунгарии» Ч. Ч. Валиханова с двумя портретами «дикокаменных киргизов». «Очерки» принесли Ч. Ч. Валиханову славу ученого и исследователя.

Чокан Чингисович Валиханов (1835—1865 гг.) был первым выдающимся казахским ученым и великим просветителем своего народа.

Образование он получил в Омском кадетском корпусе, служил офицером русской армии. Ч. Ч. Валиханов прожил очень короткую, но яркую жизнь.

Ч. Ч. Валиханов хорошо знал сочинения известных русских, восточных и западноевропейских исследователей и писателей. Так, в трудах казахского ученого неоднократно встречаются ссылки на исследования известного ориенталиста Г.-Ю. Клапрота, видного немецкого географа А. Гумбольдта, восточного историка Абулгази Багадур-хана, русских авторов А. И. Левшина, И. Бичурина, П. И. Рычкова, Г. Языкова, Г. Спасского и др. Труды К. Риттера, А. И. Шренка, А. Ремюза, Г. Мейендорфа Ч. Ч. Валиханов читал в оригиналах. Эти данные определенным образом характеризуют Ч. Ч. Валиханова как ученого, имевшего солидную литературную подготовку.

Таким образом, труды его представляют творческий синтез как личных наблюдений, так и достижений миро-

¹ Н. Абрамов. Областной город Семипалатинск. «Записки Р. Г. О.», 1861, кн. I, стр. 142.

вой литературы по специальным отраслям человеческих знаний (этнографии, истории, географии и др.).

Ч. Ч. Валиханов был лично знаком или состоял в творческой переписке со многими выдающимися деятелями русской культуры 50—60-х годов XIX века. В судьбе его ближайшее участие принимали знаменитый русский географ П. П. Семенов-Тянь-Шанский, его сокурсник по кадетскому корпусу известный путешественник Г. Н. Потанин, ссыльные петрашевцы Ф. М. Достоевский и С. Ф. Дуров, поэты А. Н. Майков, В. С. Курочкин¹ и др.

Ч. Ч. Валиханова и великого русского писателя Ф. М. Достоевского связывали узы крепкой дружбы. Он нередко просил совета у русского писателя. Ф. М. Достоевский в своих письмах рекомендовал Ч. Ч. Валиханову не бросать «заниматься» и написать «статью о степи» («написать нечто вроде... «Записок о степном быте»). «Это была бы новость,— писал Ф. М. Достоевский,— которая заинтересовала бы всех... На Вас обратили бы внимание и в Омске и в Петербурге. Материалами, которые у Вас есть, Вы бы заинтересовали собою Географическое общество»¹.

Весьма подробно «расписав» ближайшие 7—8 лет жизни своего казахского друга (предусмотрев даже путешествие по Европе), Ф. М. Достоевский указывает: «Не великая ли цель, не святое ли дело, быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал России, что такое Степь, ее значение и Ваш народ относительно России, и в то же время служить своей родине, просвещенным ходатайством за нее у русских».

Настаивая на своих советах, писатель отмечает, что Ч. Ч. Валиханов «первый киргиз, образованный по-европейски вполне» и это налагает на него определенные обязанности перед родным народом.

Известный русский ученый, первый редактор сборника сочинений Ч. Ч. Валиханова Н. Веселовский писал о казахском ученом: «Как блестящий метеор, промельк-

¹ Поэт-разночинец В. С. Курочкин был одним из редакторов сатирической «Искры», органа революционных демократов. Его брат Н. С. Курочкин редактировал журнал «Иллюстрация», на страницах которого были опубликованы рисунки Ч. Ч. Валиханова из жизни казахского народа.

² Ч. Ч. Валиханов. Статьи и переписка. Алма-Ата, 1947, стр. 113—115.

нул над нивой востоковедения... Чокан Чингисович Валиханов. Русские ориенталисты единогласно признали в лице его феноменальное явление и ожидали от него великих и важных открытий о судьбе тюркских народов.

...Описание путешествия в Кашгар и составляет главную работу этого замечательного человека...»

Поездка молодого офицера Ч. Ч. Валиханова в Кашгарию по заданию русского правительства была высоко оценена не только в «высших сферах», но и в научных кругах: произведение путешественника «О состоянии Алтышаара или шести восточных городов Китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии) в 1858—1859 годах» получило всеобщее признание.

Общественно-политические взгляды Ч. Ч. Валиханова формировались под влиянием демократических идей В. Г. Белинского и А. Н. Герцена, от непосредственного общения со ссыльными петрашевцами и глубокого изучения трудов своих современников-революционеров Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова.

Основой формирования мировоззрения Ч. Ч. Валиханова послужила революционно-демократическая идеология русских революционеров-демократов во главе с Н. Г. Чернышевским.

О своей встрече с Н. Г. Чернышевским в 1860 году в редакции «Современника» Ч. Ч. Валиханов восторженно писал: «Какой замечательный человек этот Чернышевский и как хорошо знает он жизнь не только русских! Я после беседы с ним окончательно укрепился в том смысле, что мы без России пропадем, без русских — это без просвещения, в деспотии и темноте, без русских мы только Азия и ничем другим без нее мы не можем быть»¹.

Таким образом, будущая судьба казахского народа глубоко волновала Ч. Ч. Валиханова, стремившегося видеть казахов просвещенными людьми в составе русского государства.

Но Ч. Ч. Валиханов как мыслитель, идеолог, просветитель казахского народа действовал в среде, которая имела иные социально-экономические условия, чем собственно Россия, родина революционно-демократической мысли Белинского, Герцена, Чернышевского и Добро-

¹ Н. М. Чернышевская. *Летописи жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского*. М., 1953, стр. 232.

любова. Отсюда непоследовательность и противоречивость взглядов Ч. Ч. Валиханова. С одной стороны, резкая критика политики царского правительства и деятельности отдельных высших чиновников; с другой — попытка принимать участие в реформах того же правительства в степи и непонимание классовой сущности этих реформ. Так, Ч. Ч. Валиханов принимает участие в подготовке судебной реформы в степи («Записка о судебной реформе у киргиз Сибирского ведомства») и выдвигает свою кандидатуру на выборах султана-правителя Атбасарского округа. При этом он думал, став султаном, «посвятить себя пользе соотечественников, защищать их от чиновников и от деспотизма богатых киргиз»¹. Ч. Ч. Валиханов верил в добродетель просвещенного правителя, в преобразующую силу образования и гуманизма. Отсюда его мечта: «...совместить европейское просвещение и сохранить свою народность»².

В одной из своих записок на имя царской администрации Ч. Ч. Валиханов писал, что казахи «связаны с русскими историческим и даже кровным родством» и что казахи «считают себя братьями русских по отчеству и поступили в русское подданство добровольно». Поэтому, продолжает он, казахи заслуживают «большого внимания и большей попечительности в таких решительных вопросах, которые формулируются в шекспировском «быть или не быть...»³.

Оценивая завершившийся на его глазах процесс присоединения Казахстана к России, Ч. Ч. Валиханов понимал историческую необходимость и прогрессивный характер этого процесса. Он реально видел отсталость Казахстана и Средней Азии от России и подчеркивал огромную роль русской цивилизации в развитии родного народа. «Средняя Азия в настоящем своем общественном устройстве, — писал в «Очерках Джунгарии» Ч. Ч. Валиханов, — представляет явление крайне печальное, какой-то патологический кризис развития»⁴.

Ч. Ч. Валиханов с горечью писал, что современные

¹ Ч. Ч. Валиханов. Избранные произведения. Алма-Ата, 1958, стр. 562.

² Н. М. Ядринцев. Воспоминание о Чокане Валиханове. Спб., 1904.

³ Ч. Ч. Валиханов. Избранные произведения, стр. 201.

⁴ Там же, стр. 83.

ему «среднеазиатские владельцы теперь не пишут стихов и мемуаров, не составляют астрономических таблиц, как это делали предки... Мелкие владельцы... продают своих подданных, как киргизы баранов. Всюду разрушение, невежество и безграничный произвол»¹.

Чокан Валиханов проявлял глубокий интерес к историческим судьбам народов Средней Азии и Казахстана. Чтобы составить «полную картину прошедшей исторической и духовной жизни народа», он изучал устное народное творчество казахов, киргизов, узбеков и других народов Средней Азии. «Все... поэмы в совокупности с обычаями, пословицами, поговорками и с их кодексом прав народных» Ч. Ч. Валиханов рассматривал как важнейший источник пополнения «известных исторических данных», как неписаную историю страны.

Поэтому неудивительно, что казахский ученый много внимания в своей деятельности уделяет сбору, систематизации и публикации материалов по устному народному творчеству народов Средней Азии. Так, известно, что Ч. Ч. Валиханов со слов акына Жанака записал поэму «Козы-Корпеш и Баян-Слу». В «Очерке Джунгарии» приведены ценные сведения о памятнике героического прошлого киргизского народа — эпосе «Манас».

Исследуя памятники «народной словесности», Ч. Ч. Валиханов отметил, что в них «лучше всего выражается характер народного быта и нравов...»². В написанной в 1862 году работе «Следы шаманства у киргизов» Ч. Ч. Валиханов привел богатейшие данные по мифологии казахов («Легенда о Мертвом и Живом и о дружбе их» и др.).

К периоду пребывания в Санкт-Петербурге в 1860 году относится труд Ч. Ч. Валиханова «Аблай», в котором в широком плане дана история казахского народа, приведены материалы по особенностям быта и нравов казахов.

Предания казахов, киргизов и других Ч. Ч. Валиханов рассматривал как замечательные памятники, служащие для выражения «народного духа, понятий обычаев, нравов, образа жизни». Он справедливо считал, что про-

¹ Ч. Валиханов. Очерки Джунгарии. «Записки Р. Г. О.», 1861, кн. 3, стр. 35.

² Ч. Валиханов. Статьи, переписка, стр. 90.

изведения устного творчества» замечательны также в филологическом отношении и не лишены исторического интереса»¹.

Говоря о «поэтических сагах» казахов, узбеков, ногайцев, Ч. Ч. Валиханов отмечал, что «любовь к старине и богатство преданий составляют особое достояние кочевых народов Северной и Средней Азии». Далее он пишет: «Предания эти сохраняются свято или в виде родовых воспоминаний в памяти старейшин, как, например, юридические предания и генеалогические или в форме эпоса передаются из рода в род особым сословием певцов»².

Исследуя время возникновения известных героических поэм народов Востока, Ч. Ч. Валиханов писал: «Один из жанров казахской, киргизской, узбекской, татарской устной литературы,— героические поэмы. Это поэмы о деяниях исторических людей, живших в период могущества Золотой орды. Отсюда нужно полагать, что эти поэмы слагались в конце XIV и в XV—XVI веках»³.

В «Очерках Джунгарии» Ч. Ч. Валиханов привел ценные сведения по истории и этнографии народов Средней Азии. Его работа помогла русскому читателю по-иному взглянуть на историю и жизнь этих народов. Он приподнял ту «таинственную завесу», которая до него висела над Средней Азией⁴.

Следует особенно подчеркнуть художественные, чисто литературные достоинства «Очерков Джунгарии». В этой работе Ч. Ч. Валиханов показал образец сочетания строгой научной интерпретации различных вопросов с высокой поэтической формой изложения. Описывая общее состояние запустения и упадка современной ему Средней Азии, Ч. Ч. Валиханов пишет, что «вся страна... есть одна громадная пустыня с заброшенными водопроводами, каналами и колодцами, усеянная развалинами, пустыня, занесенная песком, заросшая уродливыми кустами колючего саксаула, и обитаемая только стадами диких ослов и пугливых сайгаков...»⁵.

Из этого описания читатель получает зримое представление о былом величии и культуре Средней Азии, где

¹ Ч. Валиханов. Статьи, переписка, стр. 92.

² Там же, стр. 90.

³ «Казахский эпос». Алма-Ата, 1958, стр. 11.

⁴ Ч. Валиханов. Статьи, переписка, стр. 68.

⁵ Там же.

в свое время были и водопроводы, и каналы, и дворцы, которые затем были заброшены, превратились в развалины и теперь занесены песком и заросли саксаулом. При этом следует подчеркнуть, что неспроста саксаул Ч. Ч. Валихановым охарактеризован как уродливый, а ослы — как дикие... Эти эпитеты выпукло рисуют дикое и уродливое состояние жизни среднеазиатских ханств накануне их присоединения к России.

Переходя от таких общих описаний к характеристике отдельных государств, Ч. Ч. Валиханов в нескольких словах дает представление и об их состоянии. Так, ученый указывает, что в «Маврель-Нагре, в самой просвещенной стране древнего Востока, теперь господствует невежество». По его мнению, и «Малая Бухария находится в обстоятельствах не лучших». Чиновники цинского императорского двора «грабят города, топчут хлебные поля своими казенными табунами, хватают женщин, ломают мечети и гробницы, а потом принимаются за экзекуцию и тянут ее с церемониальной, ужасною медлительностью»¹.

С особенным вниманием Ч. Ч. Валиханов изучал устное народное творчество киргизского народа, с которым казахов связывали узы братской дружбы издревле. Он считал, что эпос «Манас» киргизов является энциклопедическим собранием всех мифов, сказок, преданий, «приведенное к одному времени и сгруппированное около одного лица — богатыря Манаса». По меткому замечанию казахского ученого, в этой огромной эпопее народного творчества нашли яркое отражение «образ жизни, обычаи, нравы, география, религиозные и медицинские познания киргизов и международные отношения их...»²

Изучая предания («О песне» и др.), легенды и сказки казахского народа, Ч. Ч. Валиханов был «поражен тождественностью их мотивов с мотивами произведений этого рода народов европейских, особенно славян»³.

Эти мысли Ч. Ч. Валиханова еще более окрепли тогда, когда ученый узнал, что в известном собрании русских народных сказок Афанасьева он «нашел только 6 сказок, не известных ему по казахской редакции»⁴.

¹ Ч. Валиханов. Статьи, переписки, стр. 93.

² Там же.

³ Там же, стр. 74.

⁴ Там же, стр. 75.

Сходство сюжетов произведений устного народного творчества народов Средней Азии и Европы (славян) Ч. Ч. Валиханов, как и Г. Н. Потанин, был склонен объяснять лишь процессом заимствования. Однако в этом объяснении ученого было заключено рациональное зерно: заимствование шло «через сношение с славянским миром, с Русью», — замечает исследователь. Таким образом, Чокан Валиханов рассматривал памятники устного народного творчества казахов как один из важнейших источников по изучению русско-казахских связей. Однако Ч. Ч. Валиханов предупреждал, что «нужно уметь... отличать» поэтические предания «разных народов», потому что «вследствие смежности кочевьев и при сходстве языка» они сравнительно «легко переходят» и заимствуются одним народом у другого¹.

Оценивая устное народное творчество казахов, Ч. Ч. Валиханов писал: «Народ наш имеет богатую и не лишенную поэтических достоинств литературу, более близкую к индоевропейскому эпосу, чем к восточным произведениям этого рода»².

Таким образом, выдающийся казахский ученый и просветитель Ч. Ч. Валиханов оказал огромное влияние на развитие русско-казахских литературных связей. Вся его творческая жизнь была посвящена великому делу сближения казахов с русским народом.

Великий казахский просветитель убежденно призывал родной народ к сближению с Россией. Он полагал, что от гнета и насилия, невежества и мрака народ может быстрее освободиться, став на путь просвещения и культуры. Большие надежды Ч. Ч. Валиханов возлагал на просвещенных, гуманных правителей и своей разящей критикой отдельных царских чиновников он пытался воздействовать на их «нравы».

Чокан Валиханов был первым лучом в казахской степи, осветившим своим гением верный путь родному народу — путь навеки с Россией. В этом историческая заслуга и бессмертие Ч. Ч. Валиханова.

¹ Ч. Валиханов. Статьи, переписка, стр. 93.

² Ч. Валиханов. Избранные произведения, стр. 201.

Казахстан в творчестве Г. Н. Потанина

Г. Н. Потанин — однокурсник и один из близких друзей Ч. Ч. Валиханова. Следует подчеркнуть, что Ч. Ч. Валиханов оказал большое влияние на формирование взглядов Гр. Потанина. Русский этнограф впоследствии признавал «слабость» своих политических взглядов и большую роль Валиханова и ссыльного петрашевца Дурова в понимании «новых идей». В частности, Гр. Потанин считал возможным вести эффективную борьбу с существующим «злом» при помощи смеха... Однако Дуров сказал, что «смех... слабое, недейственное средство. Нужен не смех, а прямое указание зла»¹. После беседы с Дуровым, указывает гр. Потанин, «я ушел... тем, до чего меня хотел довести мой друг Чокан». Таким образом, Ч. Ч. Валиханов, тесно общаясь с передовыми демократическими деятелями России (Чернышевским, Дуровым и др.) и активно впитывая «новые идеи», сам оказывал большое влияние на взгляды Гр. Потанина и др.

В 60-е годы в русской периодической печати появились небольшие статьи Г. Н. Потанина, связанные с казахской тематикой. В «Газете для сельских хозяев» за 1861 год (ноябрь, № 18) опубликована статья Г. Н. Потанина «Заметка о хлебопашестве в киргизской степи». Автор статьи выступает противником официальных взглядов царских чиновников, считающих казахские степи непригодными для земледелия. Он утверждает, что в казахских степях может развиваться не только скотоводство, но и хлебопашество. Г. Н. Потанин считает, что казахский «народ не предназначен исключительно к пастушеской культуре, это видно уже и из того,— продолжает автор статьи,— что он сам (казахский народ.— К. К.), без внешних побуждений, взялся за соху и с успехом упражняется в возделывании земли на многих... местностях».

В переходе кочевников к хлебопашеству несомненную роль сыграл пример русских переселенцев-хлеборобов. От них казахи постепенно приобретали навыки обработки земли и орудия. В частности, как пишет Г. Н. Потанин, казахи-хлебопашцы пользовались русским железным плугом и серпом...

¹ «Литературный сборник». Спб., 1900, ч. I, стр. 264.

Жители южной части казахских степей еще пользуются деревянной сохой, а вместо бороны — сучковатой палкой... И горькие плоды этих примитивных обработок земли становятся достоянием многочисленных торговцев-перекупщиков хивинцев и кокандцев, которые, купив за бесценок немолотый хлеб, затем перепродают его в виде муки в несколько раз дороже. При этом торговцы ждут сезона, когда хлебные запасы иссякнут у основной части населения, чтобы, пользуясь безвыходным положением, чаще голодом населения, устанавливать подлинно грабительские цены.

Г. Н. Потанин сожалеет, что местная русская администрация не оказывает необходимой помощи кочевому народу в его новых начинаниях. Автор отмечает, что «земледелие — насущная потребность киргизского народа». А хлебопашеством есть где заняться в степи: таковы обширные пашни в бассейне Тургая и в центральной части степи...

В 1862—1864 годах в составе экспедиции русского ученого Струве Г. Н. Потанин совершил поездку по Тарбагатайским степям Казахстана. Здесь он непосредственно общался с казахами, близко познакомился с жизнью и бытом, нравами и обычаями кочевников, собрал много легенд и сказаний казахского народа («Алдар Косе», «Джиренше шешен» и др.).

Анализируя устное творчество различных народов, Г. Н. Потанин пришел к выводу о наличии общих мотивов в эпосе европейцев и народов Азии. Идеи ученого были широко раскрыты в его трудах «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе», «Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки», «Восточные параллели к некоторым русским сказкам» и в других произведениях.

Сопоставляя отдельные произведения устного творчества казахов с русским эпосом, Г. Н. Потанин находит в них общие мотивы и даже одинаковые сюжеты. Так, популярная героиня казахской поэтической легенды «Козы-Корпеш и Баян-Слу» девушка Баян мстит за гибель любимого тем, что оставляет на дне колодца Кодара, убийцу Козы-Корпеша. Аналогично поступает и Ольга, которая послов князя древлян Мала бросает в яму, мстя за убийство Игоря.

Оценивая достоинства поэмы «Козы-Корпеш и Баян-

Слу», Г. Н. Потанин указывал, что эта «любимая повесть — верх киргизской (казахской) эпики, это история красавицы Баян-Слу, которая влюбилась в бедного пастуха, не могла перенести гибели любимого человека и покончила с собой на его могиле». Далее Г. Н. Потанин подчеркивает, что хотя «сюжет международный, но ни одна народность не сделала его таким выдающимся пунктом в своей эпике, как киргизы»¹.

Труд Г. Н. Потанина «Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки» включает 58 произведений казахского эпоса. Русский ученый чрезвычайно высоко ценил устно-поэтическое творчество казахского народа. «Народ, который в песне видит откровение божие, имеет право жить и творить»², — писал он.

Восторженно отзывался Г. Н. Потанин об искусстве казахских певцов. Он указывал, что звуки казахских песен переносят слушателя в своеобразную казахскую обстановку: «...начинаешь воображать себя в разгоряченном воздухе киргизской (казахской) степи, среди киргизского (казахского) пейзажа и даже начинаешь чувствовать ароматы степных трав, так и понесет запахом полыни».

Г. Н. Потанин приводит интересную легенду, «объясняющую» горячую любовь к поэзии, к песне казахского народа: когда-то над казахской «степью песня пролетела ниже, чем над какой другой страной, и потому киргизы — лучшие певцы мира».

С любовью к песне, украшающей жизнь народа, связано появление другой казахской легенды о песеннике Коркуте, который «пел до самой своей смерти».

То поразительное сходство сюжетов некоторых русских и казахских сказок, которое обнаруживал Г. Н. Потанин, объяснялось не только и не столько простым заимствованием, как это объяснял ученый-этнограф, а общностью судеб народов, «под каждым взлетом древней фантазии» которых «легко открыть... стремление людей облегчить свой труд»³.

¹ Г. Н. Потанин. Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки, ч. II, Пг., 1, 1916.

² Г. Н. Потанин. В юрте последнего киргизского царевича. «Русское богатство», 1896, № 8, стр. 60—88.

³ М. Горький. Советская литература, М., 1934, стр. 9.

Вопросы просвещения казахского народа в трудах Н. И. Ильминского и И. Алтынсарина

В 1858 году на должность младшего переводчика Оренбургской пограничной комиссии, возглавляемой в то время известным востоковедом В. В. Григорьевым, был определен Н. И. Ильминский. Непосредственно общаясь с казахским населением, Н. И. Ильминский начал изучать казахский язык. И уже в 1861 году в «Ученых записках Казанского университета» были опубликованы его «Материалы к изучению киргизского наречия».

Н. И. Ильминский понимал, что «подобные труды создаются постепенно, десятками лет». Поэтому задачу своего исследования автор видел лишь в том, чтобы «дать... сколько-нибудь определенное понятие о характере киргизского наречия». Автор считал, что задача составления более обширного и более полного словаря казахского языка выполняема лишь тогда, когда к этому приступят сами казахи, которые должны для этого получить образование в русских школах.

Труд Н. И. Ильминского высоко оценил видный казахский просветитель Ибрай Алтынсарин. «Ваше сочинение мною прочитано,— писал И. Алтынсарин автору.— По моему мнению и мнению ордынцев, оно составлено отлично. На киргизском (казахском) языке никогда никакая книжка еще не выходила в свет печатною: потому-то и странно и приятно стало киргизам, когда в первый раз увидели свое наречие напечатанным. Вы только первый человек, который на казахов смотрит с верной точки. Вы хотите ордынцев представить пред глазами света в том виде, в каком они находятся в сущности»¹.

Вскоре Н. И. Ильминский по поручению В. В. Григорьева написал и опубликовал «Самоучитель русской грамоты для киргизов». Это руководство было написано автором по-русски и затем переведено на казахский язык. При этом В. В. Григорьев советовал «писать киргизский перевод русскими буквами», но Н. И. Ильминский признался, что «не совладел с этим делом и допустил обычный в степи алфавит — татарский, собственно арабский»².

¹ «На память о Н. И. Ильминском». Казань, 1893, стр. 133.

² Сборник «Русские о казахской литературе». Алма-Ата, 1958, стр. 74.

Н. И. Ильминский видел, что арабский алфавит «неудобен» и «беден знаками для гласных звуков», которыми богат казахский язык и что «научные преимущества» для казахского языка имеет русский алфавит.¹

«Самоучитель русской грамоты для киргизов» Н. И. Ильминского, так же как и первый его труд, получил весьма благоприятный отзыв И. Алтынсарина. Последний указывал, что «мы, понимающие по крайней мере всю выгоду знания киргизами русского языка, воссылаем к вам искреннее спасибо»².

Труды Н. И. Ильминского имели прогрессивное значение в деле сближения русского и казахского народов, но политические взгляды его не расходились с основами политики царизма в казахской степи. Так, Н. И. Ильминский правильно считал необходимым давать казахской молодежи воспитание в русских школах с тем, чтобы эти воспитанники «охотно возвращались бы назад в степь и там распространяли бы полученные в школе сведения». Однако он возражал против «высокого воспитания» казахских детей. «Привлекать киргизов в наши средние учебные заведения даже вредно»³, — писал он.

Царизм был по-своему заинтересован в открытии в степи русско-инородческих школ, где бы готовились низшие чины для местной колониальной администрации. С другой стороны, эти школы должны были противостоять влиянию мусульманского Востока, которое шло через деятельность татарских мулл в казахских аулах. «Все татарско-арабско-персидские книги, преподаваемые муллами, ведут человека к отступлению от всякого здравого рассудка, а для киргиз, как и для всякого рода людей, надобны такие книги, которые на понятном им языке наводили бы именно на ум и мысли при чтении», — так писал И. Алтынсарин в 1862 году в своем письме Н. И. Ильминскому.⁴

Необходимость знания, изучения языка малых народов («инородцев»), населявших окраины России, Н. И. Ильминский обосновывал и тем, что «мышление

¹ Н. И. Ильминский. Из переписки по вопросу о применении русского алфавита к инородческим языкам. Казань, 1893, стр. 84.

² «На память о Н. И. Ильминском», стр. 133.

³ К. Бейсембиев. Из истории общественной мысли Казахстана второй половины XIX в. Алма-Ата, 1957, стр. 142.

⁴ «На память о Н. И. Ильминском», стр. 143.

народа и все его мирозерцание выражается в его родном языке». «Кто владеет языком инородцев,— писал Н. И. Ильминский,— тот понимает, хотя бы только инстинктивно, мирозерцание их...» Поэтому он считал, чтобы «образовательные книги для инородцев должны быть изложены и преподаны на их родной язык в подлинном, чистом его виде»¹.

В одном из своих писем Н. И. Ильминский с восхищением отзывается о замечательном искусстве казахов говорить. Это мнение живо перекликается с аналогичным утверждением В. В. Радлова. В письме Н. И. Ильминского наиболее полно изложены взгляды ученого на образование казахского народа. «Я был изумлен,— писал он,— что этот народ, кочевой, чуждый на наш взгляд цивилизации, и по-татарски почти вовсе неграмотный обладает однако же замечательным искусством говорить». Далее автор указывает, что он «полюбил казахский язык, характерный, сохранивший в себе много следов тюрского быта...». Сожалея, что «татарская грамотность мало-помалу распространяется в степи» и «грозит сгладить и уничтожить диалектические особенности киргизского языка», Н. И. Ильминский считал русский язык «единственным средством сохранить» казахский язык от «татаризации»².

Но вопреки этим здравым рассуждениям в своей повседневной деятельности Н. И. Ильминский был приверженцем христианизации и обрусения народов окраин России. «Обрусение инородцев и совершенно слияние их с русским по вере и языку — вот конечная цель, к которой должны стремиться система инородческого образования в крае». — писал руководитель миссионерского движения на Востоке и в Сибири реакционеру Победоносцеву.³

Таким образом, обучение русскому языку в туземных школах Ильминский рассматривал как средство приобщения народов к идеям самодержавия и христианства.

¹ «На память о Н. И. Ильминском», стр. 149.

² Там же, стр. 118.

³ Там же, стр. 113.

Совершенно противоположных взглядов на изучение русского языка казахами придерживался просветитель-педагог И. Алтынсарин.

Ибрай Алтынсарин одним из первых в казахской степи окончил русскую школу и на всю жизнь сохранил «живую любознательность к русскому образованию и постоянную мысль о необходимости этого образования» для казахов. Открытие школы для казахских детей в Оренбургском укреплении 8 января 1864 года было праздником не только в жизни И. Алтынсарина, но и окрестных кочевников. На открытие школы съехалось много народу, были устроены скачки и бега. И. Алтынсарин пишет, что он, «как голодный волк за барана, взялся... горячо за учение детей». Он боролся с засилием татарских мулл в степи, указывая, что «татаризм» портит «природный язык киргизский». Характеризуя нсвежество мулл, И. Алтынсарин писал: «Муллы кроме особенного свойства набивать человеческие головы песком, портят и язык природный».

Большие надежды И. Алтынсарин возлагал на свои переводы русских книг на естественно-научные темы. В одном из писем Н. И. Ильминскому И. Алтынсарин писал, что «перевел бы на чисто киргизский язык что-нибудь из естественной истории».

Придавая огромное значение переводу, как одному из каналов, по которому могло идти влияние русской культуры в степь, И. Алтынсарин обучал искусству перевода и своих воспитанников. Так, в 1864 году он писал, что «два воспитанника, прежние еще мои питомцы... читают «Детский мир», из которого также делают переводы»¹.

И. Алтынсарин мечтает о составлении алфавита казахского языка на основе русской графики. Однако принятие русской азбуки для казахов задержалось по вине попечителя Оренбургского учебного округа П. А. Лавровского, не допускавшего ни малейшего приспособления русского алфавита к особенностям казахской фонетики. Несмотря на препятствия, И. Алтынсарин в 1879 году

¹ И. Алтынсарин. Избранные произведения. Алма-Ата, 1957, стр. 319—320.

в Оренбурге напечатал свою «Киргизскую хрестоматию» для казахских детей русскими буквами. Тогда же он составил «Краткий очерк русской грамматики» для казахских учащихся. Борьба шла не только за русский алфавит, но и за русский метод обучения казахских детей. И эта борьба со стороны И. Алтынсарина была весьма прогрессивным явлением, ибо через мусульманские медресы шло влияние архиреакционных идей панисламизма.

«Киргизская хрестоматия» И. Алтынсарина представляет в высшей степени любопытное литературное явление. В ней наряду с оригинальными работами самого автора приведено большое количество переводных произведений: здесь и басни Крылова («Ворона и лисица» и др.), и притчи о Петре («Польза любознательности»); в превосходном переводе просветителя приведены нравоучительные рассказы из жизни китайского («Царница Силинши»), английского («Сметливость»), французского («Как можно разбогатеть»), арабского («Мудрый судья») народов. Тексты произведений для перевода И. Алтынсарин брал из книг известных русских педагогов и писателей (К. Д. Ушинского, И. И. Паульсона, Л. Толстого и др.).

Переводы И. Алтынсарина отличаются большим мастерством. Правда, для казахского гуманиста переводческая деятельность служила великим целям просвещения. Поэтому многие переводные произведения его тщательно и глубоко переработаны применительно к условиям жизни казахского населения. Так, переработана народная сказка Л. Толстого «Царь-рубашка». У И. Алтынсарина изменено и содержание и название произведения («Счастливый человек»). Аналогичным изменениям в большей или меньшей степени подверглись и другие тексты (рассказы И. И. Паульсона и др.).

При переводе русских текстов И. Алтынсарин сохранял собственные имена, многие термины, названия, понятия и т. д., причем не искажая их, не приспособляя к условиям отсталой степи («университет», «фабрика», «князь», «граф», «господин», «француз», «Версаль», «Брюссель», «Англия», «Броун», «Франклин» и т. д.). Введение этих слов, понятий в казахский язык обогатило словарный состав последнего и способствовало расширению кругозора учащихся.

И. Алтынсарин справедливо утверждал: «Молодое

поколение киргиз (казахов.— К. К.) будет смотреть на язык и грамоту русских, как на единственный язык культуры и знания, пристрастится к ним и будет развиваться».

Вслед за великим русским поэтом-демократом Н. А. Некрасовым («Сейте разумное, доброе, вечное! Сейте! Спасибо вам скажет сердечное русский народ») И. Алтынсарин пламенно призывал:

Юные мои друзья!— оглянитесь —
Ведь, соседи ваши — далеко впереди,
Поспешите и вы за ними!

Соседом, ушедшим далеко вперед, за которым нужно было спешить, была Россия.

И. Алтынсарин предстает перед нами не только как выдающийся просветитель казахского народа, но и как мастер перевода, как зачинатель переводческого искусства в Казахстане. Казахский просветитель мечтал о времени, когда для казахского народа произойдет «нравственное слияние его с русским народом и в духовном, экономическом развитии его посредством русско-киргизского образования»¹.

Этой высокой цели служила «Киргизская хрестоматия» И. Алтынсарина. Оценивая значение этой книги, необходимо подчеркнуть, что воспитательная роль ее для казахской молодежи была тем более велика, что книга не только по букве, но и по духу была проводником передовых идей выдающихся деятелей русской прогрессивной культуры.

«Киргизская хрестоматия» И. Алтынсарина была написана под влиянием идей Чернышевского, Добролюбова, Ушинского и др. Она служила краткой энциклопедией научно-популярных знаний для казахов. Следует отметить, что И. Алтынсарин был не только против «отатаривания» казахов, но и против всякого религиозного влияния. От последнего, по его мнению, «возможно, хотя медленно, но верно» избавить народ «изданием книг... полезного, развивающего и занимательного содержания» на казахском народном языке.²

Таковы некоторые данные о деятельности Н. И. Ильминского и И. Алтынсарина, содействовавших тесному

¹ И. Алтынсарин. Избранные произведения, стр. 316.

² Там же, стр. 324.

общению двух народов и проложивших новые пути в освоении казахами русской культуры. Заметим, что вопрос изучения русского языка народами России получил свое верное решение в трудах В. И. Ленина, который задолго до Великой Октябрьской социалистической революции писал: мы хотим, чтобы между угнетенными классами всех без различия наций, населяющих Россию, установилось возможно более тесное общение и братское единство. И мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку. Мы не хотим только одного: элемента принудительности.

В настоящее время, когда в СССР всестороннее развитие получают языки всех социалистических наций, русский язык играет великую роль как язык межнационального общения, как средство взаимного обогащения культур братских народов. Русский язык стал родным языком для всех народов, населяющих Советский Союз.

Устное творчество казахского народа в произведениях В. В. Радлова

В трудах известного русского ученого-востоковеда, этнографа и лингвиста В. В. Радлова (1837—1918 гг.) содержатся богатейшие материалы по устному творчеству казахского народа. Первые сведения автора о жизни и быте казахов появились в «Письмах» В. В. Радлова, опубликованных в 1868 году.

В 1870 году В. В. Радлов написал «Краткий отчет о поездке в Семиреченскую область и на Иссык-Куль летом 1859 года», в котором содержится различный этнографический материал о казахх и киргизах. В 1888—1889 годах увидел свет его труд «Опыт словаря тюркских наречий».

С 1865 по 1907 год издавались многотомные труды В. В. Радлова «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи». Третий том этого исследования под названием «Киргизские наречия», вышедший в Санкт-Петербурге в 1870 году, был посвящен фольклору казахского народа.

В. В. Радлов отметил, что казахский народный эпос является продуктом определенной эпохи, определенной

ступени развития культуры человеческого общества. Ученый подчеркивает, что «эпос есть поэтическое отражение всей жизни и всех стремлений народа, которые состоят, понятно, из отдельных характеристических черт»¹. Для подтверждения своей мысли о тесной связи поэтического эпоса с жизнью народа В. В. Радлов приводит один характерный пример. Так, барымта, широко бытовавшая в одно время в жизни степного края, нашла свое отражение «в образцах народной литературы, особенно в песнях состязательных»².

Характеризуя казахскую литературу того времени, В. В. Радлов указывает, что произведения ее разделяются «на два отдела»: народные изречения (кара соз) и книжные песни (китап олен). Под первыми разумеются песни и рассказы, передаваемые устно простым народом. Эти произведения, по мнению ученого, представляют продукт творчества той части казахского народа, которая еще не подверглась влиянию мусульманской «цивилизации».

Книжные песни возникли благодаря деятельности представителей мусульманского духовенства — мулл, которые пишут по-татарски, и поэтому казахский «письменный язык... представляет обыкновенно пеструю смесь обоих языков».

Таким образом, в 60-х годах XIX века наряду с устным творчеством у казахов существовала и письменная литература, основное место в которой занимали произведения на религиозные темы. «Книжные песни» (то есть письменная литература) были призваны распространять учение ислама. Они были, как пишет В. В. Радлов, «рассадницами религии». С другой стороны, устные народные песни и изречения выражали дух народа и были его бесценным культурным достоянием.

Рассматривая творческое влияние на народ книжной литературы, сочиняемой мусульманским духовенством, В. В. Радлов пишет, что эта литература «действует как медленный яд и влияние ее постоянно усиливается». Ученый разоблачает маневр проповедников ислама: «Большие и мелкие легенды, как например, Боз Джигит,

¹ В. В. Радлов. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Наречие диких каменных киргизов. СПб., 1889, стр. 12.

² Там же, т. 3, стр. 16.

Сейюл Малик, Сакып Джамал, приноровлены к народному духу; они, по-видимому, содержат мало религиозных учений, а потому очень распространены в народе и готовят массу народа к принятию главных воззрений ислама». Далее В. В. Радлов пишет, что даже распространены «песни... Боз Торгай, Зар Заман, Заман Акыр — чисто поучительные песни, которые служат как бы катехизисом для простого народа и утверждают в нем главное в учении религии»¹.

И, несмотря на «разлагающее влияние» мусульманского духовенства, язык казахов сохранил, по В. В. Радлову, «свой первоначальный чисто тюркский характер»².

Ученого-лингвиста восхищало то, что казахи по нравам и языку представляют одно целое, что казалось непостижимым «при далеком распространении племени»³. В. В. Радлов подчеркивает, что «значительной разницы в языке различных» казахских племен нет.

Много места русский ученый уделил в своей работе красноречию казахов («казак-киргизов»). В. В. Радлов отмечает необыкновенное умение их говорить. «Действительно, нельзя не удивляться тому, как киргизы (казахи) владеют своим языком,— писал он.— Киргиз (казах) всегда говорит бегло, не останавливаясь и не запинаясь. Излагая свои мысли точно и ясно, он умеет придать своей речи известную долю изящества и даже в самом обыкновенном разговоре при построении фраз и периодов у него является часто ясный ритмический размер, так что произведения следуют друг за другом в виде стихов и куплетов и производят впечатленье стихотворения... Понятно, что народ, который до такой степени наслаждается красноречием, смотрит на ритмическую речь как на высшее искусство в мире. Поэтому народная поэзия у киргизов (казахов) достигла высокой степени развития. Пословицы и изречения с искусственно смешанными рифмами, исторические, состязательные, свадебные песни, плачевные стихи в честь умерших и т. д. поются и цитируются во всех собраниях и всюду принимаются с наслаждением. При этом сильно распростране-

¹ В. В. Радлов. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Наречие дикокаменных киргизов, т. 3, стр. 1—20.

² Там же, стр. 17.

³ Там же, стр. 14.

по искусство импровизации, и каждый мало-мальский опытный певец в состоянии тут же на месте воспеть присутствующих гостей в складно составленных стихах»¹.

Подобный восторженный отзыв В. В. Радлова основан на глубоком знании языка и устного народного творчества казахского народа. В третьем томе его трудов «Образцы народной литературы тюркских племен...» приведены записи казахских песен (исторических, поминальных, свадебных и др.), текстов айтысов — состязаний между известными импровизаторами-акынами, а также эпических поэм о «Козы-Корпеше и Баян-Слу», об «Ер-Таргыне» и нескольких популярных казахских сказок («О том, как Добрый и Злой были друзьями», «Хитрость лисицы», «Мальчик, учившийся в доме муллы», «Тазша, купивший сон»).

Одним из древнейших памятников устного народного творчества казахского народа является поэтическая легенда «Козы-Корпеш и Баян-Слу», которая привлекла глубокое внимание В. В. Радлова. Эта лиро-эпическая поэма имеет около 16 известных вариантов. В русской литературе содержание ее было опубликовано в 1812 году Тимофеем Беляевым. В 1832 году А. И. Левшин в своем известном труде «Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких орд и степей» упоминает широкую популярность поэмы среди казахов. В 1833 году один из вариантов поэмы был записан для А. С. Пушкина во время пребывания поэта в Казахстане.

В 1870 году В. В. Радлов опубликовал свою запись поэмы «Козы-Корпеш и Баян-Слу». Известный казахский ученый-этнограф Чокан Валиханов также записал текст этой поэмы со слов сказителя Жанака. В 1876 году один из вариантов популярной казахской легенды публикует профессор Березин. В 1899 году в приложении к журналу «Нива» появилась эта поэма в публикации географа Баранова. В своих исследованиях к поэме неоднократно обращался Г. Потанин, метко сравнивший казахскую поэму с «Ромео и Джульеттой» В. Шекспира. Эти данные характеризуют широкий интерес к казахской легенде со стороны деятелей русской культуры XIX столетия.

¹ В. В. Радлов. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Наречие дикокаменных киргизов, т. 3, стр. 3—4.

Наиболее популярная из памятников героического народного эпоса казахов поэма «Ер-Таргын» была впервые записана со слов акына Марабая Н. И. Ильминским в 1859 году и опубликована в 1861 году на казахском языке (с использованием арабского алфавита).

Поэма «Ер-Таргын» была записана также и В. В. Радловым в степях Семипалатинской губернии со слов неграмотного казаха и в 1870 году опубликована на казахском языке (с использованием русского алфавита) в третьей части многотомного исследования автора. Анализируя достоинства героического эпоса казахов на примере «Ер-Таргына», В. В. Радлов писал: «Для богатырских песен киргизов (казахов) характерен лирический оттенок».

Действительно, «лирический оттенок», присущий казахскому эпосу, во многом содействовал восприятию его источниками как произведений реалистического характера.

Весьма примечательно, что В. В. Радлов опубликовал впервые в русской литературе образцы казахского фольклора на языке оригинала, используя русскую графику, русский алфавит.

Для записи и изучения образцов устного народного творчества казахов русский ученый побывал во многих районах Казахстана, совершил путешествие в аулы в окрестностях Семипалатинска, Сергиополя (Аягуза), Верного (Алма-Аты). Побывал он и на Алтае, на реке Бухтарме.

Ценность исследований В. В. Радлова бесспорна. Ученый указывал, что собранные им материалы «дадут ясное понятие о киргизском языке и представят верную картину умственного состояния этого народа, чрезвычайно любопытного в психологическом отношении».

Очерки о казахах в журналах «Современник», «Отечественные записки» и изданиях Русского географического общества

В периодических изданиях Русского географического общества («Вестник Р. Г. О.», «Записки Р. Г. О.» и «Известия Р. Г. О.») в 60-х годах XIX века появляется множество научных статей, популярных очерков, художественных заметок, посвященных Казахстану и казахскому

народу. Так, в 1861 году в «Записках Р. Г. О.» был помещен очерк А. Голубева «Отрывок из путешествия в Среднюю Азию, Заилийский край»¹.

Свое путешествие по Заилийскому краю А. Голубев начал в 1859 году, когда он прибыл в крепость Верный. Путешественник отметил, что «Верное еще называется Алматы. Это киргизское слово Алма-Тау — яблочные горы». А. Голубев описал местность, состояние торговли и хозяйства коренных жителей края. В частности, он указал, что главным «промыслом» жителей является земледелие, к которому «поощряют плодородные почвы».

Растущее взаимопонимание между казахами и русскими нашло свое выражение даже и в тех незаметных, но весьма знаменательных явлениях, как большое желание кочевников сопровождать русские экспедиции по казахской степи в качестве проводников. При этом, как отмечает А. Голубев, некоторые казахи не только с великой охотой принимали обязанности провожатых экспедиций, но и хвастались тем, что русские отдают им «преимущество перед другими». Проводник-казак придавал своей обязанности при экспедиции (или отряде) «особенную важность, даже в собственных глазах», и он был рад сообщить всякому, что «вот и он имеет» казенную службу.

Обычно проводники экспедиций могли надеяться и на определенное вознаграждение после окончания работ. При этом, как пишет А. Голубев, «почтенные киргизы» могли рассчитывать на получение не только чинов, но и халата, сабли, похвального листа за оказанное содействие экспедиции. И лица, отмеченные русской экспедицией, пользовались среди населения «большим почетом» и кое-кто из них чуть ли не «баринном выезжал в аул...»

Занимаясь астрономическими исследованиями в горах и предгорьях Заилийского Ала-Тау, А. Голубев довольно близко ознакомился с жизнью коренного населения. В частности, исследователь уделил известное внимание семейно-правовому положению казахской женщины.

¹ «Записки Р. Г. О.», 1861, кн. III, стр. 77—130. А. Голубев — офицер генерального штаба. По свидетельству Г. Н. Потанина, предполагалось назначение А. Голубева послом в Кашгарю.

Как отмечает автор, казахская женщина в семье и обществе почти никакими правами не пользуется. Но зато у них весьма многочисленны... обязанности: от заботы о детях и до устройства юрт на кочевках и т. д.

Хотя у казахов и в обычае многоженство, но, по автору, это доступно не всем. В силу существующего социального неравенства (о котором автор не говорит прямо.— К. К.) многоженство доступно богатым, а бедняки не имеют возможности для выплаты калыма — выкупа и за одну женщину...

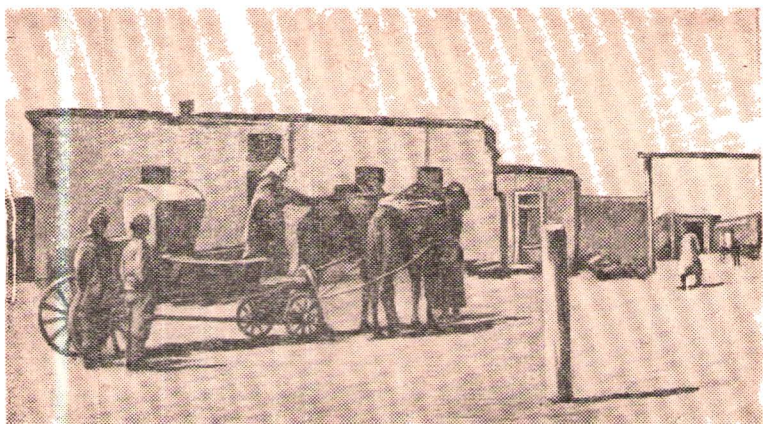
Автор приводит весьма красноречивый пример многоженства и бесправного положения женщины в семье богача. А. Голубев был в гостях у 75-летнего бая Атамкула, имевшего много жен. Во время пиршества, которое устроил Атамкул в честь русского путешественника, даже старшая жена его «не смела подойти, даже подать голос». Она «все время сидела молча в уголке; если сын ее или другой кто-нибудь давал ей кусок, принимала с благодарностью и с жадностью ела»¹. Заметим, что речь здесь идет о старшей жене бая, которая пользовалась по сравнению с другими женами некоторыми «правами». Обычно еще более тяжелое положение было у младших жен, находившихся на положении прислуги.

В «Вестнике Р. Г. О.» за 1865 год (№ 8) появилась статья Салтыкова-Щедрина за подписью С-въ «Этнографические заметки о Зачуйском крае».

В ней автор основное внимание уделил процессу завершения присоединения Казахстана к России. Казахи Большого жуза, писал он, проживающие к северу Ташкента, являются представителями наиболее беднейших казахских родов. В течение многих лет они подвергаются жестокому гнету и ограблению со стороны феодальной верхушки Коканда. Эти роды неоднократно поднимали восстания против кокандцев, и они с большой охотой вступают в русское подданство. К югу от Ташкента расположены богатые казахские роды, которые хотят сохранить свою самостоятельность и потому возражают против присоединения к России.

Действительно, в присоединении Казахстана к России прежде всего были заинтересованы наиболее беднейшие слои казахского народа, положение которых резко ухуд-

¹ «Записки Р. Г. О.» Спб., 1861, кн. 3, стр. 84.

Почтовая станция на тракте Оренбург — Ташкент.

шалось с каждым годом от беспрестанных феодально-родовых междоусобиц и гнета иноземных завоевателей.

Д. И. Романовский в 1866 году в «Известиях Р. Г. О.» опубликовал очерки «О географических исследованиях в киргизской степи и в Туркестанской области в 1865 году и несколько слов о торговом значении Ташкента»¹. Автор увидел то новое, что возникло в жизни народов Средней Азии, в частности казахов, живших в окрестностях Ташкента, часть бывших кочевников стала переходить к оседлости и заниматься хлопководством, садоводством. Во всем этом автор предугадал будущее кочевого народа. Он справедливо замечает, что оседлость народа «в настоящее время еще весьма ограничена», что связано «не... [с] природными наклонностями и привычками», как пишет Д. И. Романовский, а с социально-экономическими недостатками, задерживающими «развитие их благосостояния». Здесь автор, несмотря на то, что был представителем колониальной администрации, сумел правдиво показать положение казахского народа.

¹ Д. И. Романовский. «Известия Р. Г. О.». Спб., 1866, т. II, № 1, отдел второй, стр. 9—23.

Д. И. Романовский был одним из близких знакомых первого казахского ученого Ч. Ч. Валиханова. В 60-е годы он исполнял обязанности редактора «Русского инвалида» — органа военного министерства.

В 1864 году в «Современнике» был опубликован очерк К. Губарева «Киргизская степь»¹. Свой очерк русский ученый посвятил Ч. Ч. Валиханову, знаменитому путешественнику по Джунгарии...

Очерк Губарева является плодом знакомства автора с жизнью и положением казахов в окрестностях Омска, Корякова, Баян-Аула, Каркаралинска и других мест Казахстана.

Ценность произведения К. Губарева заключается не только в описании природы различных уголков Казахстана, что, кстати, и до него делали многие русские исследователи, а определяется той объективной характеристикой тяжелого положения казахских трудящихся на соляных промыслах и медных рудниках, которое до него не являлось предметом изучения и публикации в русской печати.

На К. Губарева тяжелое впечатление произвело положение казахов на соляных промыслах вблизи Корякова. В знойный полдень, когда солнечные лучи, отражаясь от зеркально-блестящей поверхности соляного озера, ослепляли глаза и беспощадно жгли все тело, казахские рабочие ценою неимоверных мучений добывали соль, за которую получали буквально гроши... Автор указывает, что «кишащие как в муравейнике» казахи выламывают ломami соль и затем выбрасывают лопатами на поверхность. При этом многие рабочие трудились «совершенно голые» или «в одних сорочках». И неудивительно, что у «многих на теле красные пятна», разъеденные солью язвы, «кожа сморщена и покрыта как бы слоем соли, лица напряженные», и все работающие показались автору «седыми...»².

Не только сами казахи, занятые на изнурительной работе по добыче соли, но даже их лошаденки «тошние, почти без шерсти, с облезшей от соляной воды...» и верблюды тоже наполовину лысые, с шершавыми клочками шерсти на груди» носили на себе печать крайней нищеты и тяжелого труда. Вся эта тяжелая атмосфера подневольного труда создавала впечатление «дикой гармо-

¹ К. Губарев. Киргизская степь. «Современник», 1864, т. 102, № 5—6, стр. 361—378.

² «Журнал Министерства внутренних дел». 1853, кн. 1, стр. 75—89.

ний», которая «оглушала» и отталкивала стороннего наблюдателя....

Казахи-рабочие соляных промыслов были поставлены в полную зависимость от прихотей предпринимателей-промысловиков, которые за «выломку одного пуда соли с доставкой за 25 верст к соляным буграм» выплачивали всего-навсего $1\frac{3}{4}$ копейки серебром. Рабочий за целый день получал около 60 копеек, хотя предприниматель с каждого пуда соли выручал в среднем не менее 45—50 копеек, а иногда и рубль серебром.

Заслуживает внимания и следующий факт, который сообщает в очерке автор: предприниматели запрещали (а правительство строго карало по законам) самовольную добычу соли. Таким образом, природные богатства земли оказывались в цепких руках русских капиталистов.

Не менее тяжелые условия для рабочих были созданы и на медеплавильном заводе и свинцово-цинковых рудниках капиталиста Попова. Ознакомившись с заводом и рудниками, автор убедился, что условия труда везде одинаково тяжелы для рабочих; эти предприятия были оборудованы крайне примитивно, да и сами руководители не имели почти никаких технических навыков по разработке руд и плавке меди. Тем не менее администрация жестоко эксплуатировала рабочих, особенно казахов, с «которыми большей частью обращались не совсем добросовестно».

Остановившись на административном устройстве в казахской степи, К. Губарев критически оценивает деятельность правителей-султанов, которые, борясь за власть в роде и за чины от русской администрации, вовлекают в постоянные междоусобицы простой народ.

Казахская аристократическая верхушка по-своему воспринимала некоторые стороны русской культуры, подражая зачастую светским манерам русских дворян. Так, один из султанов в Баян-Аульском округе любил носить офицерский мундир, французские перчатки и даже танцевал на званых обедах. При этом, стремясь подчеркнуть важность своей особы, султан, как правило, приходил с опозданием на вечера и объяснял это тем, что «порядочные люди» не «показываются раньше»...

Касаясь взаимоотношений между коренными жителями и переселенцами-казаками, К. Губарев удивляется,

что представители казачьей верхушки материально благодевают, хотя «хозяйством не обзаводятся» и «как птицы небесные не сеют, не жнут, но бывают сыты». Царские чиновники и казачья верхушка действительно были «сыты» за счет угнетения казахского населения, постоянных насилий над народом, за счет грабительских поборов. Однако автор не увидел классовой сущности во взаимоотношениях между царской администрацией и трудящимися казахами, а попытался объяснить их отсутствием... достаточной культуры, образования у царских чиновников и представителей казачьей верхушки.

Таким образом, автор выступает как поборник гуманизма и просвещения, как сторонник дружбы между казахским и русским народами. И, несмотря на известную ограниченность своего мировоззрения, К. Губарев сумел дать важные факты, объективно свидетельствующие о глубоких классовых противоречиях в казахской степи.

Как и во многих других работах того времени, очерк К. Губарева посвящен разнообразным сторонам жизни казахов. В нем наряду с приведенными данными указаны и сведения, характеризующие быт, обычаи и нравы кочевников. В частности, в подтверждение факта растущей дружбы между казахами и русскими автор приводит следующее свое наблюдение. В одном из аулов Прииртышья состоялся праздник (той) по поводу свадьбы молодых. На этот той был приглашен русский — друг хозяина, который прекрасно знал язык, а также обычаи казахов и блестяще провел обряд обручения (неке киу) молодых...

На подобных фактах, умело подмеченных автором, показана характерная линия сближения простых людей двух народов: русского и казахского.

К. Губарев отметил, что ислам прививается среди казахов весьма слабо и у казахского населения «муллы и ахуны не имеют... той святости и непогрешимости, какие приписываются этим лицам».

Взгляды К. Губарева на положение в казахской степи во многом перекликаются со взглядами Ч. Ч. Валиханова.

К. Губарев отмечает, что казахи «очень охотно учатся грамоте и вовсе не имеют предубеждения против нея». И далее: «Вообще киргизы (казахи) очень доступны к

цивилизации, потому что они не такие фанатики, как прочие мусульмане».

К. Губарев критикует «местное начальство 50-х годов», которое постоянно «стесняло и вмешивалось в самоуправление» казахов, «навязывало своих кандидатов, которые смотрели на своих собратьев, как на крепостных». Назначенные царской администрацией местные марионеточные правители соперничали в поборах с заседателями областных управлений.

В 1862 году в Санкт-Петербурге было опубликовано сочинение П. П. Пекарского «Наука и литература в России при Петре Великом»¹. В этой работе автор использовал некоторые рукописные материалы («извлечения») Д.-Г. Мессершмидта, исследователя разных провинций, в том числе и казахской части России.

В рукописях Д.-Г. Мессершмидта (1685—1735 гг.), хранящихся в архиве Академии наук СССР, содержатся материалы по географии, этнографии, истории и праву народов Сибири, в том числе и казахского народа. Среди материалов имеются рисунки автора и карты Прикаспийского края, района Прииртышья, Туркестана, Бухары и др.

Весьма ценные данные о бедственном положении рабочих на рудниках и приисках Казахстана в 50—60-е годы приведены в «Заметках о беглых и бродягах России и Сибири», опубликованных в 1863 году в «Современнике»². Автор за подписью Х.³ указывает, что наемные люди, преимущественно из ссыльных, на частных приисках бедствуют, испытывая постоянные «притеснения от хозяев-промышленников и управляющих». Рабочий день этих несчастных тянется с 3-х часов утра и до 11 часов ночи — и за это получают мизерную плату, которой едва хватает, чтобы одеться и обуться, между тем все дорого,

¹ П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862, т. I, стр. 350—362.

² «Заметки о беглых и бродягах в России и Сибири». «Современник», 1863, № 8, стр. 85—120.

³ Х. — псевдоним Михаила Ларионовича Михайлова, поэта-переводчика, революционного демократа. Сын горного чиновника и киргизской княжны Ураковой (1826—1865 гг.). Первые произведения М. Л. Михайлова печатались в «Иллюстрации» в 1845 году. С 1852 года жил в Санкт-Петербурге и сотрудничал в «Современнике» и «Отечественных записках». В 1861 году был арестован и сослан на каторгу в Сибирь, где и умер.

да и платье, и обувь скоро носятся на работах, потому, что кругом галька и кремьнь...»

Хозяева ввели систему штрафов и телесных наказаний за побег. На некоторых рудниках принудительно рабочие обязаны были отработать до 25 лет. Один из беглых, с которым встречался автор, рассказывал, что он на рудниках находился с малых лет. Около 10 лет проработал в колонии заключенных под Тобольском. Не выдерживая тяжелых условий труда, рабочие совершали побег, пополняя ряды бездомных бродяг и нищих.

Хотя на рудниках и приисках работали русские, казачи и представители других народностей, автор не выделяет никого из них, тем самым дает понять, что тяжелое положение для трудящихся всех национальностей было одинаковым, их общим уделом.

* * *

В 1865 году вышла работа В. Долинского «Об отношениях России к среднеазиатским владениям и об устройстве киргизской степи»¹, в которой автор довольно подробно осветил взаимоотношения России со среднеазиатскими ханствами и вмешательство английских агентов в русско-среднеазиатские дела.

В книге В. Долинского отмечается, что занятие русскими войсками в 1864 году Туркестанской области «возбудило общественное мнение не только в России, но и во всей Европе». Автор подчеркивает, что каждый шаг России в Средней Азии вызывал не только подозрительность Англии, но находил отзыв и «на европейской внешней политике». Так, занятие в 1853 году Кокандской крепости Ак-Мечети (Кзыл-Орда) совпало с Крымской войной.

В. Долинский считает необходимым проведение в новом крае ряда мероприятий, расходы на которые «в несколько лет окупятся сторицею». По мнению автора, крайне необходимо «позаботиться о ближайшем и удобнейшем сообщении с центром государства», расставившись «навсегда» с Омском и Оренбургом.

Далее В. Долинский предлагает в тех местах, где будут проходить почтовые и торговые дороги, «предоста-

¹ В. Долинский. Об отношениях России к среднеазиатским владениям и об устройстве киргизской степи. Спб., 1865.

вить в полную собственность» земельные участки «желающим там селиться русским и киргизам, без различия». В связи с этим автор подчеркивает необходимость «устранить всякие стеснительные условия, в особенности в отношении киргизов (казахов), желающих обзаводиться прочною оседлостью и сделаться земледельцем».

К переходу казахов на оседлость в более ранний период, по Долинскому, мешали действия казачьих войск Оренбургской и Сибирской укрепленных линий, отрезавших огромные «пространства земель... от киргиз», что «постоянно возбуждало нескончаемые споры...». Причиной «возмущений» казахов было желание («домогательство») «спокойно пользоваться землею». Если иногда «споры» и «возмущения» принимали «грубые» формы, то против них нужно было бороться, по автору, не оружием, а распространением образования.

В. Долинский считает недопустимыми «казачьи порядки», когда земля отводится «по занимаемой должности» различным чинам войска. Так, в долине Сыр-Дарьи, где хлеб не родится без орошения и где «трудолюбивый» казах «употребил огромные по его состоянию пожертвования и труды на возделывание участка, с проводом канав и устройством поливочных снарядов», — там эти обработанные участки переходят в собственность чинов казачьего войска.

К «разряду стеснительных» мер, препятствующих переходу казахов к оседлости и земледелию, В. Долинский относит также запрещение правительства «селиться в одних деревнях или аулах русским и инородцам». Это запрещение исходило из основной линии политики царизма — держать народы разобщенными, из политики культивирования вражды между народами России.

В эти годы на страницах «Отечественных записок» появилось несколько литературных трудов, посвященных в той или иной степени жизни казахского народа, его быту, обычаям и нравам, естественным богатствам казахских степей и т. д. Так, в 1865 году журнал опубликовал большую работу венгерского ученого А. Вамбери «Путешествие в Среднюю Азию»¹.

¹ А. Вамбери. Путешествие в Среднюю Азию. «Отечественные записки», 1865, № 9, т. 162, стр. 103—141; № 10, стр. 401—441.

В 1865 году «Путешествие по Средней Азии» вышло отдельным

А. Вамбери в 60-х годах XIX века по заданию Венгерской Академии наук занимался сбором материала по сопоставительному изучению венгерского, финского и тюркского языков. Ученый-лингвист побывал во многих районах Средней Азии и Казахстана. Рискуя жизнью, ученый-христианин проникает под видом дервиша во дворцовые покои Бухарского и Хивинского ханов, где воочию убеждается в страшной тупости и свирепости нравов изнеженных деспотов-правителей. А. Вамбери был свидетелем варварского наказания ни в чем не повинных людей. Так, хивинский хан, который считал себя «поборником правоверных — мусульман», жестоко карал мужчин и женщин за малейшие отступления от религиозных догм ислама. «Поборник ислама» не гнушался и открытым грабежом своих подданных, особенно казахов и других малочисленных народностей, попавших под иго хивинского правителя. Не только имущество, но жизнь каждого подданного находилась в полной зависимости от капризов многочисленных сатрапов правителя. Ханская казна восполнялась не только за счет непомерных и весьма многочисленных налогов с населения, но и за счет систематического ограбления его. Народ был вынужден платить налоги за все пахотнопригодные участки земли, за каждого члена семьи мужского пола и т. д.

По пути в Бухару А. Вамбери побывал в небольшом казахском ауле. Путешественник увидел своеобразную живописную картину становления юрт аула на новом месте. Его внимание привлекла женщина, весьма проворно орудовавшая частями остова юрты. На вопрос А. Вамбери, как часто они совершают перекочевки, молодая казашка ответила следующим образом: «Мы не хотим походить на мулл, которые целыми днями любят сидеть на одном месте... Человек постоянно должен быть в движении, потому что вся окружающая его природа: солнце, луна, звезды, звери, рыбы — все это находится в постоянном движении...»

Эта беседа характеризует автора как ученого, сумевшего в нескольких словах показать наличие стихийного диалектического взгляда на природу у степной женщины.

изданием в Москве. В 1868 году А. Вамбери выпустил вторую книгу «Очерки Средней Азии (дополнение к «Путешествию по Средней Азии»)».

ны. А. Вамбери заметил весьма критическое отношение населения к мусульманской религии.

Для кочевников,— отмечает он, «...материальное существование всегда дороже» и поэтому религия для него является «делом второстепенным». От периода шаманской религии у казахов сохранилось гадание на лопаточной кости и внутренностях животных...

Ученый писал, что магометанская религия среди казахов находится «в весьма незавидном состоянии». Поэтому-то среди казахов еще многое сохранилось («держится») от «прежней веры» (шаманства). Вамбери считал, что со временем Средняя Азия будет играть весьма видную роль между государствами, но при условии благотворного воздействия «европейской цивилизации», когда великие достижения («приобретения») промышленности и сельского хозяйства «пробьют себе дорогу и туда», то есть в Среднюю Азию.

Во многих русских периодических изданиях («Военный сборник», 1866, т. 2, № 3 и др.) были напечатаны отрывки («извлечения») из трудов Вамбери.

В 1865 году в «Отечественных записках» адмирал А. Бутаков опубликовал очерк «Эпизод из современной истории Средней Азии»¹. В течение 1858—1859 годов А. Бутаков руководил научной экспедицией по картографическим съемкам Аральского моря.

В работе Ю. Южакова «Наши приобретения в Средней Азии. Чимкентский округ» были приведены некоторые данные по Старшему жузу. В частности, автор отметил, что число казахских кибиток, то есть отдельных семей, в Большом жузе доходит до 95 тысяч.²

В Чимкентском округе, как указывает Ю. Южаков, обрабатывалось около 20 тысяч десятин земли. Земледелие здесь ограничено из-за отсутствия оросительных систем.

По Южакову, казахи обрабатывают в целом небольшое количество пахотной земли и то лишь в мирное время, которого «при кокандцах было вообще немного: то война внешняя, то междоусобица..., то сильно развитая

¹ А. Бутаков. Эпизод из современной истории Средней Азии. «Отечественные записки», 1865, т. 163, № 11, стр. 99—112.

² Ю. Южаков. Наши приобретения в Средней Азии. Чимкентский округ. «Отечественные записки», 1867, кн. 1, т. 171, № 7, стр. 584—600; № 8, стр. 750—776.

баранта, не давали возможности хлебопашцам заниматься полевыми работами».

Однако и скотоводство у казахов находилось «в младенческом состоянии», так как не было никакой заботы «об усовершенствовании» не только породы скота, но заготовке корма для них. Автор подчеркивает гибельность падежа скота для кочевников.

Очерки Е. К. Килевейна и «Письма» о казахских степях ориенталиста В. В. Григорьева

В «Этнографическом сборнике» за 1862 год был помещен «Отрывок из путешествия в Хиву и некоторые подробности о ханстве во время правления Сейд-Мухаммед-хана»¹. Е. К. Килевейн в свое время совершил путешествие через казахские степи Младшего жуза, находившиеся во власти Хивинского хана. Как указывает автор, под властью хивинцев находилось не менее 10 тысяч казахов. Хивинские феодалы жестоко угнетали их, а муллы забивали головы догматами ислама. Духовенство активно участвовало в ограблении народа путем обложения всяческими налогами.

Известный ориенталист востоковед, член-корреспондент Петербургской Академии наук В. В. Григорьев в бытность свою председателем Оренбургской пограничной комиссии одним из первых русских ученых приступил к изучению истории и культуры народов Средней Азии и Казахстана. В печати он выступал под псевдонимом Султана Мендалия Пиралиева. Так, в 1862 году в газете «День» он опубликовал свои «Письма из Зауральской степи»². В них автор коснулся некоторых вопросов этногенеза казахов, а также существовавшего в казахском народе деления на «белую» и «черную» кости. Это деление и самое понятие превосходства «белой» кости над «черной», указывает В. В. Григорьев, перешло к казахам от монголов. Представители «белой» кости, пишет автор, считают себя чуть ли не «особым от

¹ Е. К. Килевейн. Отрывок из путешествия в Хиву и некоторые подробности о ханстве во время правления Сейд-Мухаммед-хана. «Этнографический сборник». Спб., 1862, вып. V, стр. 1—14.

² Султан Мендалий Пиралиев. Письма из Зауральской степи. «День», 1862, № 28, стр. 5—7; № 32, стр. 12—14.

народа племенем», имеющим мифическое, неземное происхождение...

В своем «Письме» на имя издателя газеты «День», известному русскому писателю И. Аксакову, В. В. Григорьев называет Ч. Валиханова своим «собратом». Русский ориенталист для придания правдоподобия версии о «киргизском» происхождении описывает «свои» детские годы: «С полуобритой головою и раскрытым пузом, в дырявом халатишке, без рубашки, бегал я летом куда глаза глядят, а зимою валялся в золе около дымного огня посреди кибитки...» Отец «его» считал себя потомком Чингис-хана, но постоянно «подвергался» беспрестанным поборам от кокандцев» до вступления в подданство России. Но затем, боясь «немилости» русской администрации, отдал «сына» в кадетский корпус в Оренбурге, где «автор» и получил образование.

Объясняя причину своего нежелания («образованного киргиза») участвовать в управлении степью, В. В. Григорьев-Пиралиев пишет, что «честному и прямому человеку» опасно служить в местных органах власти, так как нужно будет делать «уступки своим убеждениям», идти на «сделку со своею совестью».

В. В. Григорьев был одним из крупнейших русских востоковедов. С его именем связана деятельность многих видных ученых и писателей России. В архиве В. В. Григорьева содержатся богатейшие материалы о Ч. Ч. Валиханове, В. И. Дале, Гр. Потанине, И. Алтынсарине, Н. И. Ильминском, Н. Веселовском, В. В. Радлове и др.

В. В. Григорьев оказал большое влияние на деятельность казахского просветителя Ибрая Алтынсарина, который в 1879 году прислал русскому ориенталисту свою «Киргизскую хрестоматию» со следующим письмом:

«Ваше Высокопревосходительство, Василий Васильевич.

Находясь под Вашим покровительством и пользуясь Вашим влиянием, мы, несколько киргизских офицеров, начали свою служебную деятельность. Доброе влияние Ваше глубоко вкоренилось в нас и, идя по указанному Вами направлению, мы стали, впоследствии, не бесполезными, как полагают, людьми для родного нам народа.

Примите, Ваше Высокопревосходительство, настоящую первую книгу на киргизском языке, составленную одним из питомцев Ваших, как живой признак нашей

вообще и моей в особенности глубокой признательности и беспредельного уважения.

С глубоким уважением и искренней преданностью, имея честь быть Вашего Высокопревосходительства, почтеннейший слуга

И. Алтынсарин

24 ноября 1879 г.¹

Это письмо характеризует В. В. Григорьева как покровителя просвещения казахского народа, человека, под чьим нравственным влиянием в степи распространилась русская культура.

**Очерки А. Гейнса, С. Болотова, И. Завалишина,
М. Иванина и других на казахские темы**

В 60-х годах определенную дань всеобщему интересу к казахской тематике вынуждены были отдать и некоторые реакционные журналы («Эпоха» и «Русский вестник»). Отдельные очерки о казахах и Казахстане публиковались и в «Записках для чтения». В материалах этих журналов содержатся фактические данные, которые не могут быть игнорированы при изучении проблемы русско-казахских литературных связей.

Следует отметить, что в этих журналах впервые были опубликованы материалы о состоянии земледелия у казахов Большого жуза, на что своевременно историки недостаточно обращали внимание.

* * *

В 1864 году в периодическом издании «Эпоха» появилась работа М. Иванина «Внутренняя, или Букеевская киргизская орда»². Автор указал на благоприятные для казахского населения последствия общения с русскими. В частности, казахи Букеевской орды стали переходить к оседлости, заниматься торговлей, жить трудом, косить сено, «строить зимовки дома из глины с земляными загонами для скота)...» Все эти изменения в жизни кочев-

¹ Центральный государственный исторический архив (Ленинград), ф. 853, оп. 2, ед. хр. 181.

² М. Иванин. Внутренняя или Букеевская киргизская орда. «Эпоха», 1864, № 12, стр. 1—48.

ников были обусловлены растущими хозяйственными и культурными связями с Россией.

Главную причину движения «смелого киргиза» Исатая Тайманова М. Иванин видел в несправедливых действиях хана Джангира по разделу земли. М. Иванин заметил, что и после поражения движения Исатая Тайманова, когда «за Урал ушли... около 3 000 кибиток», казахи Внутренней орды продолжали «сопротивляться» злоупотреблениям и поборам хана и его окружения, уклоняясь от платежей «зьякета» и «сугума» (т. е. согума — одной из форм феодальной повинности — К. К.).

* * *

Официальный орган военного ведомства России — журнал «Военный сборник» нередко представлял свои страницы исследователям и путешественникам, среди которых было немало офицеров генерального штаба и армии. Одним из таких исследователей казахских степей и был известный географ А. К. Гейнс.

Ученый оставил многочисленные материалы по изучению Казахстана. Весьма примечательны «Киргизские очерки» А. К. Гейнса, опубликованные в 1866 году в «Военном вестнике»¹. В своей работе автор затронул довольно широкий круг вопросов из жизни казахского населения.

В «Киргизских очерках» он разоблачает реакционную сущность движения Кенесары Касымова, который был связан с деспотическими ханствами Средней Азии. А. К. Гейнс верно охарактеризовал политическое положение в казахской степи, присоединение которой было завершено на его глазах. Он дал яркое и правдивое описание жизни казахских бедняков-джатаков, что видно из следующего примера. Русские путешественники после долгой непрерывной езды верхом решили переночевать в одном из казахских аулов, который принадлежал джатакам.

Никто в ауле не встретил путников, что их очень удивило. Когда усталые путешественники сами захотели войти в первую попавшуюся юрту, то им преградил дорогу казах, сообщивший, что в юрте лежит «горячешный...»

¹ «Военный сборник». 1866, т. 47, № 1, стр. 145—178; № 5, стр. 305—342; № 7, стр. 99—126, стр. 243—272.

То же самое было и в соседних юртах. А. К. Гейнс пишет, что они слышали сквозь кошмы юрт «то болезненный кашель, то крики и плач детей, то тяжелые стоны больных людей». Видимо, среди жителей аула свирепствовала какая-то эпидемия.

Внутренняя обстановка юрт джатаков, одеяния женщин и детей — все носило на себе печать крайней степени нищеты. Во всем ауле не смогли найти ни одного барана, чтобы предложить путникам... Автор очерка попытался объяснить причины столь бедственного положения казахских шаруа. Он правильно заметил наличие социально-экономического неравенства в казахском обществе, а также жестокость гнета феодалами рядовых казахов. Одной из причин тяжелого положения казахских шаруа, в частности джатаков, А. К. Гейнс считает «неприспособленность» последних к изменившимся условиям жизни: потеряв скот, бывшие кочевники вынуждены были осесть, но и при этих условиях они продолжали жить в юртах и мечтать о кочевках... Урожай джатаки собирали небольшой, так как для обработки земли не имели ни тягловой силы, ни инвентаря.

А. К. Гейнс был близок Чокану Валиханову и во время своего путешествия побывал на могиле казахского ученого. Его возмутил «аляповатый памятник, слепленный из глины». Гейнс пишет, что как будто «в насмешку над молодым ученым, ненавидившим азиатский фанатизм, столько же, как и азиатский произвол, на памятнике две надписи: одна — какой-то текст из Корана; другая гласит, что здесь похоронен Чокан, сын Чингиса, сына Валия, сына Аблая»¹.

Здесь следует заметить, что только в 1960 году на могиле Ч. Ч. Валиханова был установлен памятник, как дань уважения народа к своему великому сыну.²

А. К. Гейнс весьма подробно и очень правдиво обрисовал жизнь джатаков, новой социальной прослойки в казахском народе, возникшей (как и первые казахские рабочие) в связи с проникновением в степь капитала

¹ А. К. Гейнс. Киргизские очерки. «Военный сборник», 1866, т. 47, стр. 262.

² Ранее установленная надгробная мраморная плита на могиле ученого была разбита в 1917 году. Следует заметить, что средства на сооружение первого памятника были собраны у частных лиц-пожертвователей.

и разрушением древних патриархальных устоев в казахском обществе. В этом отношении очерк А. К.-Гейнса равноценен солидным научным исследованиям.

* * *

В «Описании Западной Сибири»¹ И. Завалишина приведены весьма интересные данные о положении джатаков, новой социальной группы казахских крестьян, обедневших в результате постоянных феодальных междоусобиц, барымты, джутов и потерявших возможность для сезонных перекочевков. О крестьянах-шаруа, оставшихся на зимовках, говорили, что они остались... лежать на одном месте («жатып халды»), то есть стали джатаками («лежащими»). Эта социальная группа казахских шаруа впоследствии составила основную базу оседлого населения Казахстана.

И. Завалишин указывает, что джатаки могли существовать или нанимаясь баям аулов в услужение (чаще всего пастухами-табунщиками) или работая батраками у состоятельных казаков, живших у пограничной линии. И в том и в другом случае речь шла о хлебе насущном, как отмечает автор: «... все это лишь за поданный кусок хлеба»².

Ценные материалы по развитию торговли Казахстана с Россией и с соседними среднеазиатскими ханствами содержатся в «Очерках внутренней торговли киргизской степи» А. Н. Тетерникова. В частности, автор указал, что «баран... весьма ценится как русскими, так и среднеазиатскими купцами»³. Стада баранов продавались «на наличные деньги и на часть этих денег», у егинши (хлебопашцев.— К. К.) приобреталось «значительное количество хлеба».

А. Н. Тетерников отметил, что казахи, проживающие в бассейнах Тургая и Тобола, изготавливают деревянные изделия, которыми также торгуют.⁴

Богатый фактический материал, который, разумеется,

¹ И. Завалишин. Описание Западной Сибири. «Сибирско-киргизская степь», СПб., 1867, т. III.

² Там же, стр. 100.

³ А. Н. Тетерников. Очерк внутренней торговли казахской степи. СПб., 1867, стр. 7.

⁴ А. Н. Тетерников. Очерк внутренней торговли казахской степи стр. 9.

может быть использован лишь критически, содержится в книге «Материалы для статистики Туркестанского края»¹. В частности, в «Материалах...» указано, что в казахских степях было рабство. Правда, рабы по желанию владельцев могли быть отпущены на волю или безвозмездно или за определенный выкуп.

Значительную ценность представляет трехтомный труд М. Красовского «Материалы для географии и статистики России», вышедший в Санкт-Петербурге в 1868 году. В этой работе впервые были даны обобщенные сведения по истории, состоянию хозяйства, быту и расселению казахов Среднего жуза. Особенно ценен труд М. Красовского обширными материалами по истории присоединения Среднего жуза к России. В книге содержится большой фактический материал по Казахстану середины XIX века. Так, автор правдиво описал грабительскую торговлю русских купцов на Оренбургском меновом дворе.

Купцы беззастенчиво обманывали кочевников, произвольно устанавливая низкие цены на скот и продукты скотоводства и втридорога продавая промышленные товары низкого качества. Нередко купцы прибегали к мошенническим проделкам, спаивая казахов водкой... Такая бесчестная обменная торговля приносила, как пишет М. Красовский, «огромные барыши предприимчивым купцам»².

Нередко доверчивостью казахов стали пользоваться и сибирские казаки, которые, не занимаясь земледелием, жили за счет спекуляции: «они берут у купцов товары и развозят их также в кредит киргизам, обмеривая и обвешивая их при этом»³.

Среди довольно многочисленных материалов на казахскую тематику, публиковавшихся в либеральных и консервативных журналах и газетах 60-х годов, обращает на себя внимание работа А. Самсонова «Очерки сибирской киргизской степи»⁴.

¹ «Материалы для статистики Туркестанского края» изданы в 1867 году в Ташкенте.

² М. Красовский. Материалы для географии и статистики России. 1868, ч. I, стр. 88.

³ Там же, стр. 415.

⁴ А. Самсонов. Очерки сибирской киргизской степи. «Записки для чтения», СПб., 1869, август, стр. 45—53.

«Очерки» А. Самсонова появились в журнале «Записки для чтения» — органе молодой русской буржуазии, издателем которого был банкир Трубников, издававший и газету «Биржевые ведомости».

Автор очерка — государственный чиновник, пробывший несколько лет в казахских степях и довольно близко ознакомившийся с жизнью кочевников.

Основной лейтмотив работы А. Самсонова — необходимость просвещения казахского населения. «Дайте этому народу надлежащее общечеловеческое развитие — и из рядов этих номадов, из этих дымных юрт выйдет, может быть, не один талантливый человек. Выйдут поэты и беллетристы...» — писал А. Самсонов.

Автор стоит за широкое просвещение казахского населения путем создания гражданских школ «в сибирских городах и значительных пограничных местах, где бы киргизские дети могли получать образование, приспособленное не для фронта, а для жизни, для удовлетворения своих насущных народных потребностей»¹.

Действительно, в 60-е годы систематическое образование в русских и русско-киргизских (инородческих) учебных заведениях могли получать дети только крупных феодалов. А «султанским детям очень нравятся эпoletы», — не без иронии отмечал А. Самсонов. Народ не любил этих выскочек, занятых лишь своей карьерой. Счастливое исключение здесь составляет Ч. Ч. Валиханов, демократ, мыслитель, просветитель своего народа, хотя и выходец из среды султанов.

В очерке А. Самсонова затронуты различные стороны жизни казахского народа. Здесь и сцена разговора автора с 13—14-летним казахским мальчиком, «настоящим» и «серьезным» женихом, собирающимся навестить свою невесту; здесь и описание многоженства богачей. Известное внимание автор уделяет дружбе русских и казахов. Когда казах становится тамыром, приятелем русского, то для последнего доступно все... «Тамыр — это больше, чем приятель, — пишет А. Самсонов, — это значит, что если я потамырился с киргизом, то, приехав к нему в гости, могу взять в свою собственность всякую вещь, лошадь или скотину, которая мне нравится у него в юрте или табуне. Для этого мне стоит только похвалить какую-нибудь

¹ А. Самсонов. Очерки сибирской степи. «Записки для чтения», Спб., 1869, август, стр. 150.

вещь, даже если бы я это сделал без намерения завладеть этой вещью — и она моя. Точно такое же право имеет и мой азиатец-тамыр: и я также должен быть предупредителен к его вкусу и желанию, если он приехал ко мне в гости»¹.

Здесь автор правильно передал неписанные правила дружбы как между самими казахами, так и между русскими и казахами.

Автор очерка с горечью пишет о тяжелом положении казахской бедноты.

А. Самсонов отмечает «заунывный» характер казахских песен. Ему «не случалось слышать веселости и удачества, и тем более воинственности в мотивах их песен». Далее автор подчеркивает, что казахский «народ чрезвычайно способен к лирической и эпической поэзии...». Правда, в казахской поэзии А. Самсонов не заметил «ни современного... реализма, ни высших гражданских мотивов, ни воплей на непонимание людьми...»

Небезынтересно отметить, что А. Самсонов дал точную картину обучения в «походной татарской школе». Обучались в школе только мальчики, которые находились «под надзором плечистого педагога в ермолке, вооруженного толстою плетеною из тонких ремней плетью». Последнего «педагог», «управлял школою, как ловкий ямщик». «Плеть постоянно ходила по головам бедных киргизят» — пишет А. Самсонов.

В целом работа А. Самсонова характеризует автора как прогрессивного деятеля, заинтересованного в просвещении казахского народа.

Казахские мотивы в творчестве Т. Г. Шевченко

Великий кобзарь Т. Г. Шевченко прожил в Казахстане долгие годы ссылки (1848—1857 гг.). Вот что писал поэт своим друзьям на воле: «И теперь прозябаю в киргизской степи в бедной Орской крепости. Вы непременно рассмеялись бы, если бы увидели теперь меня. Вообразите себе самого неуклюжего гарнизонного солдата — растрепанного, небритого, с чудовищными усами, и это буду я. Смешно, а слезы катятся».

¹ «Записки для чтения», Спб., 1869, август, стр. 48.

Жизнь казахского народа послужила темой не только многочисленных живописных полотен художника, но и ряда произведений поэта. В повести «Варнак» Т. Г. Шевченко так рисует тяжелую жизнь кочевого народа: «Грустно видеть грязь и нищету на земле скудной, бесплодной, где человек борется с неблагоприятной почвой и падает, наконец, изнеможенный под тяжестью труда и нищеты». Эта же тема звучит и в стихах поэта.

В стихотворении «Думы мои, думы мои», написанном во время экспедиции на Аральское море, поэт обратил внимание на нищенское положение казахов.

...Прилетайте сизокрылой
Стаей голубиной
Из-за Днепра широкого
Погулять в пустыне
С киргизами убогими.
Хоть они убоги,
Хоть и голо... Да на воле...

Во время своего пребывания в Казахстане Т. Г. Шевченко не мог не слышать о восстании Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова. Вероятно, стихотворение «Топор был за дверью господ бога» навеяно этими событиями в казахской степи. Картина одинокого дерева «в долине» при дороге как бы является символическим изображением только что подавленного восстания Исатая Тайманова.

О положении казахского народа поэт пишет и к другу своему А. О. Казачковскому.

Жизнь казахов Т. Г. Шевченко описал не только в стихах, но и показал в многочисленных рисунках, исполненных на самые разные темы из жизни казахов. Т. Г. Шевченко изучал природу Казахстана, его растительность, животный мир, горные породы. Как символ великой дружбы между братскими народами Т. Г. Шевченко среди сыпучих песков и под знойным небом Прикаспия разбил небольшой садик.¹

¹ Этот садик великого украинского кобзаря превратился со временем в большой тенистый парк города Форт Шевченко, где после трудового дня отдыхают казахи и русские, украинцы и др. Ухаживал за садом старейший садовод Сатангы Таджиев, который за долготлетнюю работу по уходу за парком имени Т. Г. Шевченко был награжден Президиумом Верховного Совета Украинской ССР Почетной грамотой.

Л. Н. Толстой в Казахстане

В июне 1862 года в казахских степях побывал Л. Н. Толстой, посетивший в Уральске своего дальнего родственника и сослуживца по Севастопольской обороне казачьего атамана А. Д. Столыпина. Великий русский писатель интересовался особенностями быта, образа жизни местного населения. 25 августа 1862 года Л. Н. Толстой знакомится с поэтом А. Н. Плещеевым, работавшим тогда в Оренбургской пограничной комиссии.

Казахский народ в творчестве П. И. Пашино

Одним из известных исследователей жизни казахского народа был П. И. Пашино — писатель, ученый-востоковед, неутомимый путешественник, действительный член Русского географического общества. По своему мировоззрению П. И. Пашино был демократом, близко примыкавшим к лагерю революционно-демократической интеллигенции, возглавляемым Чернышевским и Добролюбовым. С последним П. И. Пашино был лично знаком и впоследствии всегда охотно рассказывал о своих встречах с великим критиком и демократом.

После окончания Петербургского университета П. И. Пашино был направлен в Казанскую губернию. Уже в этот период он близко познакомился с известными учеными и писателями В. И. Далем, Н. В. Шелгуновым и др.

В 1861 году П. И. Пашино совершил путешествие в Персию, а в 1866 году «по высочайшему повелению» был направлен совместно с генералом Романовским и флигель-адъютантом графом Воронцовым-Дашковым в Туркестанский край.

Замечательные стороны творческой деятельности П. И. Пашино особенно широко раскрылись в период его пребывания в Казахстане и Средней Азии. К народам Востока он относился с позиции гуманизма. В своих трудах ученый пытался избегать субъективизма в оценке народа, его истории, быта, нравов и т. д.

Русский ориенталист характеризовал казахов как талантливый народ. Но наряду с этим он замечал наивность и простоту нравов. В своих путевых очерках «Тур-

кестанский край в 1866 г.», изданных в 1868 году, П. И. Пашино анализирует различные стороны жизни казахского народа.

Казахское население к русским людям относилось с большим доверием, отмечает автор. В частности, казахи в каждом русском «подозревали» знатока медицины и просили у путешественников различные лекарства. Раздавая лекарства, П. И. Пашино расспрашивал местных жителей о болезнях, распространенных среди них, о влиянии климата на здоровье людей, о способах лечения и т. д.

Характеризуя известное архитектурное сооружение в Туркестане, связанное с именем Тамерлана («Аксак-Тимура», как пишет автор), П. И. Пашино отмечает, что это здание наружным своим видом, украшениями, резными надписями из Корана и входом в виде арки напоминает постройки мечетей и дворцов, виденных им в Кавказе, Тавризе, Ашрефе и относимых к периоду правления шаха Аббаса Великого. Все это дало основание ориенталисту считать, что и здание «Азрет-султана» построено по вкусу персидских архитекторов, которым, по мнению П. И. Пашино, обязана Центральная Азия чуть ли не всеми постройками, начиная от часовни над гробом Тамерлана. Ученый не согласен с мнением, приписывающим строительство этого сооружения Тамерлану. Он считает, что «во всей Азии за отсутствием исторических летописей и хронографов» народное предание «все хорошее», а равно и прекрасные архитектурные сооружения приписывало какому-нибудь одному лицу: в Персии — Аббасу Великому, в Средней Азии — Тамерлану, якобы «золотившему... мечеть в честь святого перед походом в Россию». Время сооружения туркестанской мечети П. И. Пашино относит к XV в., когда уже здесь правили внуки завоевателя.

Ученый несколько дней прожил в Чимкенте. Он ознакомился с жизнью горожан. Видел, что «вся местность орошалась арыками, проведенными из гор». Казахегинши работали на полях, опаленные лучами южного солнца. С сожалением он отмечает неоправданную жестокость и грабеж царских солдат генерала Черныева при взятии Чимкента (1864 г.).

Хотя главное внимание в путевых заметках П. И. Пашино уделено крупным городам Средней Азии (Бухаре,

Ташкенту и др.), тем не менее автор особо останавливается на поэтическом творчестве казахского народа.

Казах «постоянно поет, чтобы он ни делал», отмечает автор. При этом импровизации иногда «выходят... очень оригинальные», а у других певцов — «плохие». Русский писатель впервые заметил «профессиональных» певцов. П. И. Пашино пишет: «Есть у киргиз особенный род певцов, которые разъезжают из аула в аул и всю жизнь занимаются только пением». Со слов одного из таких певцов он записал казахскую песню, которая была переложена на стихи поэтом и переводчиком Д. Д. Минаевым. Он был одним из тех «шестидесятников», который последовательно шел за Н. Г. Чернышевским. Разделяя прогрессивные взгляды последнего на жизнь народов окраин России, Д. Д. Минаев живо интересовался поэзией народов Востока.

П. И. Пашино высоко оценивает перевод казахской песни Д. Д. Минаева, который «чрезвычайно близок к подлиннику». «Перевод верен от слова до слова. Нужно отдать должную благодарность г. Минаеву; его таланту обязано это стихотворение известной силой».

Ниже приводится текст этой песни, опубликованной П. И. Пашино в «Еженедельных прибавлениях к «Русскому инвалиду».

Ах, столетний старец! Жизнь ты перешел,
В ней встречая много и добра и зол.
Сын или дочь в пеленках бед земных не знают,
Всем им, как султанам в доме угождают.
В десять лет ребенок истинный султан:
Мать с отцом сгибают пред ребенком стан.
Ум его и сердце,— для посева поле;
Смертью не пугают юной детской доли.
В двадцать лет в кольчуге он готов на бой,
Бьет врагов и гонит их перед собой.
Дайте ножик в руки:— страшен он для сечи,
С сотней молодцов он справится при встрече.
В тридцать лет как вихорь быстр, неукротим...
В сорок лет раздуки и в годину бед
Каждому он может добрый дать совет,
И из уст полиются речи Сулеймана;
А умрет,— все станут плакать у кургана.
Стукнет пять десятков,— он, как Моисей,
Станет патриархом для Отчины всей.
В деле он избегнет промахов, ошибок:
Светлы в старце мысли, ум и строг и гибок.
В шестьдесят — на встречу старость подойдет,

И по капле разум в нем слабость начнет,
Смерть шепнет: «О, странник, будь готов в дорогу!»
Будет привыкать он к смерти понемногу,
Семь десятков минет, скажет он тогда:
— Старость ум сковала, сил нет для труда.
Вот еще десяток пережил старик,
Старика не хочет слушаться язык,
Кости захиреют и спина согнется.
Скоро и в могилу лечь ему придется...
Вот еще десяток — Стой! Пришла пора:
Тело одряхлело, голова стара;
Глаз не смотрит зорко и больные ноги,
Как ковыль, согнутся посреди дороги.
Все соблазны мира потеряют прелесть,
И зубов лишится старческая челюсть...
Вот до сотни дожил — голову склонил,
Шаг захочет сделать, даже хватит сил...
Есть богатство, — будут почести и слуги.
Нет его — от ближних и не жди услуги.
И тогда узнаешь дряхлости той гнет.
Юность золотая снова не придет.
Рад бы жить как прежде пожил он когда-то,
Но былую юность не купить за злато.

Следует особо отметить, что книга П. И. Пашино «Туркестанский край в 1866 г.» была богато иллюстрирована сценами из казахской жизни художниками Д. В. Вележевым, А. Даугелем и В. Крюковым. Особый интерес представляют рисунки: «Чимкент» А. Гейнса, «Киргизский аул» и «Две юрты» А. Даугеля, «Две киргизки» и «Стадо» В. Крюкова и др.

Стихотворение А. Н. Молчанова «Киргиз-кайсак»

В 1869 году в газете «Санкт-Петербургские ведомости» появилось стихотворение малоизвестного русского поэта А. Н. Молчанова «Киргиз-кайсак» с грифом цензора «Дозволено». В этих «дозволенных» стихах поэт воспевае любовь между казаком и казахской девушкой Зайрой. Между влюбленными стоит «злодей кайсак». Таким образом, произведение А. Н. Молчанова не является оригинальным по своей идее. О художественных достоинствах его читатель может судить по тексту:

Вот мчится по полю казак,
Сви́репый конь под ним трепещет,
Копье стальное грозно блещет,

Вдали дрожит злодей кайсак.
 Киргиз-кайсак мрачнее тучи,
 И лишь завидев казака,
 Трепещет хищная рука,
 Готов аркан его летучий.
 Никто из них неумолим,
 Один другого лишь завидит,
 Один другим всегда гоним.
 Один другого ненавидит.
 ...Красою пленница сияет,
 Уста волшебны говорят,
 И очи пылкие горят;
 И казака она пленяет
 Своею юной красотой.
 ...Летит воздух вольный и стесненный,
 Слит крепко юный Араслан,
 Мечтой неверной обольщенный,
 Во сне кидает свой аркан.
 ...Но вдруг проснулся — что ж в очах?
 Зайра стоит пред ним в слезах...

Появление сентиментально-романтического стихотворения «Киргиз-кайсак» А. Н. Молчанова в русской печати, несмотря на идейно-художественные недостатки его, является ярким примером все возрастающего интереса литературных кругов России к русско-казахским связям в 60—70-х годах XIX столетия.

* * *

Пожалуй, одним из самых ярких проявлений всеобщего интереса в русском обществе 70-х годов и последующих десятилетий прошлого века к жизни казахского народа является сочинение гимназиста 5 класса Таганрогской гимназии Антона Чехова, будущего великого писателя России. Это сочинение, текст которого хранится в музее писателя в Таганроге, называется «Киргизцы» (то есть казахи).

* * *

Необходимо отметить, что царское правительство использовало казахские степи в качестве места ссылок многих декабристов. Декабристы были людьми хорошо образованными, и поэтому в ссылку обычно брали свои личные библиотеки, книги по различным отраслям знаний, что имело определенное значение в просвещении степи. Как показывают поиски Н. Мамонтова (1959 г.), в Уральске были обнаружены книги, принадлежавшие

известному декабристу Г. С. Батенькову. Таким образом, ссыльные декабристы привезли в степь основной источник человеческих знаний — книги, чем в немалой мере способствовали проруждению степи.

* * *

Любовь и симпатию к простому и миролюбивому казахскому народу пронесли через свое творчество писатели, художники и более поздних поколений: Д. Н. Мамин-Сибиряк, Н. С. Лесков, В. В. Верещагин, Лансер, Н. Г. Хлудов и др. В 70-е годы Н. Г. Хлудов составил в Верном (Алма-Ате) весьма ценный художественно-этнографический альбом народов Семиречья. Русский художник в своих картинах тонко и умело показал особенности быта и жизни казахского народа. Он навсегда связал свою судьбу с жизнью степного края.

Таким образом, казахская тематика получает свое развитие не только в русской литературе и журналистике, но и в живописи и музыке (А. Затаевич и др.), что способствует еще большему укреплению культурных связей русского и казахского народов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В решениях XXII съезда КПСС и в новой Программе Коммунистической партии Советского Союза дальнейшее развитие получила ленинская идея о дружбе народов нашей Родины, о воспитании советских людей в духе социалистического интернационализма.

В нашей многонациональной стране впервые в истории человечества осуществлены мечты лучших умов прошлого «о временах грядущих, когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся».

Советский Союз сейчас вступил в новый этап своего развития, связанный с созданием мощной материально-технической базы коммунизма. Это благоприятствует дальнейшему сближению наций и достижению в будущем их полного единства. Сейчас для советских людей нет более почетной задачи, чем содействовать утверждению на Земле самого справедливого строя — коммунизма.

Но, сооружая здание коммунистического общества, советские люди должны «учиться у уроков истории», как призывал В. И. Ленин. Таким уроком истории, в частности, является изучение русско-казахских взаимоотношений, имеющих глубокие корни в истории этих народов. На большом конкретном материале, основанном на исследовании историко-литературных источников почти за полуторавековой период, в данной работе прослеживаются истоки и развитие, укрепление и расширение взаимосвязи и взаимоотношений русского и казахского народов, их давней и нерушимой дружбы. Вопреки реакционной политике царизма, вопреки колонизаторским методам ее осуществления, корни дружбы русского и казахского народов выросли на здоровой почве, удобренной совместными выступлениями угнетенных классов этих народов против социального порабощения. Русский пролетариат во главе с ленинской партией объединил под своим знаменем угнетенные классы всех народов России и привел к победе Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года.

Теперь, в эпоху строительства коммунизма, как никогда раньше, следует особенно глубоко изучать наше прошлое. Ничто не может заменить истории, как школы, говорил в своем докладе на Всесоюзном совещании историков Б. Н. Пономарев, где трудящиеся учатся умению преодолевать трудности, не повторять ошибок прошлого, отбирать и развивать наиболее эффективные методы социализации.

Великая традиция дружбы народов нашей страны складывалась на протяжении веков, в процессе тесных исторических взаимоотношений, многочисленных выступлений трудового народа против национального и социального гнета. Истоки великой дружбы между русским и казахским народами уходят также в глубь истории.

Исторические документы и литературные источники свидетельствуют о существовании издревле многосторонних и многогранных связей между русскими и казахами.

Добровольное присоединение Казахстана к России отвечало насущным интересам русского и казахского народов и было явлением глубоко прогрессивным, обусловленным всем ходом истории, положившим начало новой эпохе в жизни казахского народа. Присоединение к России избавило казахский народ от физического уничтоже-

ния и порабощения со стороны агрессивных сил Джунгарии, Цинской империи и феодальных государств Средней Азии. Оно способствовало приобщению казахских масс к революционно-демократическому движению русских трудящихся, давало возможность для усиленного воздействия передовой русской экономики на патриархальное хозяйство в степи. Наконец, оно способствовало разложению патриархально-феодальных отношений в Казахстане, а также возникновению национального пролетариата.

Русско-казахские связи, возникшие еще в XII—XIII веках и нашедшие отражение в первых (древнейших) летописях Руси, в последующем взаимно укреплялись и расширялись, что привело к возникновению в русской литературе и журналистике XVIII и XIX веков казахской тематики, казахских мотивов (А. С. Пушкин, В. И. Даль и др.).

Казахская тематика прочно вошла в творчество Т. Г. Шевченко, В. Г. Короленко, Д. Н. Мамина-Сибиряка, Н. С. Лескова и других русских писателей второй половины XIX века.

Становление и развитие темы казахского народа, Казахстана в русской печати связано с прогрессивным влиянием процесса добровольного присоединения Казахстана к России. Этот исторический процесс начался в 30-х годах XVIII столетия и в основном завершился в 60-х годах XIX века. Процесс присоединения Казахстана к России имел самые благоприятные последствия для духовного и экономического развития казахского народа, для укрепления дружбы между казахским и русским народами — и все это нашло яркое и глубокое отражение на страницах демократической печати России. Русская демократическая культура оказала огромное влияние на формирование демократической культуры народов окраин, в том числе казахского народа. Под прямым влиянием Н. Г. Чернышевского, В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова формировалось демократическое мировоззрение первых казахских просветителей и гуманистов: Абая Кунанбаева, И. Алтынсарина, Ч. Ч. Валиханова, — проложивших мост вечной дружбы между казахским и русским народами, основы взаимосвязи и взаимовлияния культур двух народов.

В настоящей работе прослежены пути развития и ста-

новления в русской литературе и журналистике темы русско-казахских литературных отношений на протяжении полуторавекового периода. На фактическом материале русской дореволюционной печати показано возникновение и укрепление дружбы русского и казахского народов. Одновременно это позволяет дать отповедь тем буржуазным писакам, которые пытаются навести тень на ясный день, фальсифицируя историю развития братского содружества народов нашей страны.

УКАЗАТЕЛЬ ЖУРНАЛОВ*

«Азиатский Вестник, содержащий в себе избранные сочинения и переводы по части наук, искусства и словесности стран восточных, равно путешествия по сим странам и разные новейшие сведения». (*Петербург, 1825—1827 гг.*). Ранее — «Сибирский Вестник». Изд. — Г. И. Спасский. Научно-литературный журнал. На страницах журнала часто печатались очерки о казахах и других восточных народах.

«Библиотека для чтения. Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод». (*Петербург, 1834—1865 гг.*). Идейно-художественный уровень оригинальной русской прозы, появлявшейся изредка в журнале, был не очень высок. Издавался по инициативе Сенковского. Журнал, рассчитанный на провинциальное мелкопоместное дворянство, городское мещанство и чиновничество, занимал крайне реакционную позицию: выступал против «Современника» А. С. Пушкина, позже боролся против Н. А. Некрасова, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова. В 1856 г. редактором журнала стал А. В. Дружинин, выступивший в защиту «чистого искусства».

«Библиотека российская историческая, содержащая древние летописи и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии Российской древних и средних времен». (*Петербург, 1767 г.*). Первое, предпринятое Академией наук России издание русских летописей. Вышла в свет только первая часть «Библиотеки...» с напечатанной в ней «Повестью временных лет, или Летописью Несторова...» В предисловии издания указана научная ценность русских летописей. «Библиотека...» снабжена указателями авторских имен и географических названий.

«Благонамеренный». (*Петербург, 1818—1826 гг.*). Изд. — А. Е. Измайлов. Журнал был основан в качестве органа печати «Вольного общества любителей российской словесности, наук и художеств», но этой задаче не выполнил. Журнал не имел определенного политического и литературного направления.

* При составлении настоящего указателя использованы материалы справочника «Русская периодическая печать» (1702—1894 гг.), М., 1959.

«Биржевые ведомости» (Петербург, 1861—1879 гг.), коммерческая газета и журнал акционеров. Орган либеральной буржуазии. Изд.—ред. К. В. Трубников, П. С. Усов и др.

«Ведомости». (Москва, 1702—1727 гг., Петербург с 1711 г.). Первая русская печатная газета. Учреждена по указу Петра I от 16 декабря 1702 г. Газета содержит значительный фактический материал по истории России первой четверти XVIII в.

«Вестник Европы». (Москва, 1802—1830 гг.). Основан Н. М. Карамзиным (1802—1803 гг.); ред.—П. П. Сумароков (1804 г.), М. Т. Каченовский (1805—1807), В. А. Жуковский (1808—1809 гг.), В. А. Жуковский и М. Т. Каченовский (1809—1810 гг.), М. Т. Каченовский (1811—1813 гг.), В. В. Измайлов (1814 гг.), М. Т. Каченовский (1815—1830 гг.). С 1866 по март 1918 г. выходил в Петербурге. Изд.—ред. М. М. Стасюлевич; с 1909 г. изд.—ред. Д. Н. Овсянников-Куликовский, ред.—Д. Д. Grimm. Орган умеренного буржуазного либерализма.

«Вестник Русского географического общества» (Петербург, 1851—1860 гг.) служит продолжением «Географических известий». Ред.—А. А. Краевский, В. А. Милютин и др. «Журнал печатал статьи по географии, этнографии, материалы экспедиций и путешествий».

«Военный сборник». (Петербург в 1858—1917 гг.). Редакторы журнала — Н. Г. Чернышевский, В. М. Аличков, Н. Н. Обручев, с 1859 г. — П. К. Меньков, с 1872 г. — А. И. Лаврентьев. С 1869 г. издавался под одной редакцией с «Русским инвалидом». Журнал боролся с косностью и рутинной в русской армии. После 1858 г. не имел общественно-политического значения, но оставался специальным журналом по вопросам военного искусства.

«Газета для сельских хозяев». (Москва, 1861—1863 гг.). Изд.—ред. Н. И. Анненков. Являлась изданием помещиков. Публиковала правительственные распоряжения в области сельского хозяйства и крестьянского вопроса, а также «Листок народных нужд», посвященный обсуждению возможностей улучшения быта крестьян и обучения их грамоте.

«Гирлянда». Журнал словесности, музыки, мод и театров». (Петербург, 1831—1832 гг.). Изд.—М. А. Бестужев-Рюмин. Журнал предназначен «преимущественно для дамского чтения».

«Дамский журнал» (Москва, 1823—1833 гг.). Издавал князь Шаляков. Журнал публиковал главным образом переводные «чувствительные» повести французских писательниц (Ренневиль, Жанлис, Бульи и др.), мадригалы, энеиды и басни русских поэтов.

«Детская библиотека» (Петербург, 1835—1838 гг.). Ред.—изд. журнала А. Н. Очкин, Вл. Львов. Ранее — «Всеобщая библиотека» (1833—1834 гг.); в 1838—1839 гг. — «Детский журнал для образования понятий сердца и права». Печатались прозаические и драматические нравственно-назидательные произведения малоизвестных авторов как переводные, так и оригинальные, а также небольшие заметки по географии и естествознанию.

«День» (Петербург, 1861—1865 гг.). Политическая и общественная газета. Орган славянофилов. Изд.—ред. И. С. Аксаков. Газета имела реакционный характер.

«Есиповская летопись». В 1636 г. дьяк Тобольского архиепископа Савва Есипов, используя Сибирское летописание, а также сино-

дик, составил летопись «О Сибири и о Сибирском взятии», получившую название Есиповской («Есиповская летопись» первой редакции).

«Журнал Министерства внутренних дел» (Петербург, 1829—1861 гг.). Ред.—Греч, Максимович, Гаевский, Заболоцкий-Десятовский, Крылов, Надеждин. Далее — «Северная почта» (1862 г.). Официальный орган министерства внутренних дел, в котором публиковались высочайшие указы, циркуляры министерства. Чтобы увеличить популярность журнала, редакция начала публиковать этнографические очерки, путевые записки о разных провинциях России и др.

«Заволжский муравей» (Казань, 1833—1834 гг.). Изд.—М. Полиновский и М. С. Рыбушкин. Первое частное издание в Казани. Некоторые интерес представляют материалы по Казахстану.

«Записки Русского географического общества» (Петербург, 1846—1859 гг.; 1861—1864 гг.). Ред.—А. Н. Бекетов, с 1863 г.—К. Н. Бестужев-Рюмин. В журнале принимали участие Ч. Ч. Валиханов, М. И. Венюков, В. И. Межов и др. Публиковались материалы и исследования по географии, этнографии, статистике и др.

«Записки для чтения» (Петербург, 1867—1869 гг.). Журнал выходил в качестве приложения к газете «Биржевые ведомости». Изд.—ред. К. В. Трубников, П. Усов и М. Вильде. Печатались статьи по экономике, истории, этнографии, естествознанию. Журнал пропагандировал популярную в буржуазной политической экономике «теорию услуг». В нем принимали участие А. Вамбери, А. Еврейнов, П. Кропоткин и др.

«Известия Русского географического общества» (Петербург, 1865—1916 гг.). Ред.—Ф. Р. Остен-Сакен (тт. 1—7), К. Ф. Литке (тт. 8—9), М. И. Венюков (т. 10, вып. 1—3), И. И. Вильсон (т. 10, вып. 4—8, т. 12) и др. Научный географический журнал широкого профиля.

«Иллюстрация». Ежегодное издание всего полезного и изящного. Сборник. (Петербург, 1845—1849 гг.). Ред.—изд. Н. В. Кукольник, с 1847 г.—А. П. Башуцкий. В журнале публиковалось описание России в ее общественных и частных зданиях, в подвигах и трудах замечательных соотечественников, в нравах и обычаях народа, в художествах, искусствах и науках, которое вполне соответствовало официальной идеологии. В нем принимали участие В. А. Соллогуб, Н. А. Полевой, В. И. Даль.

«Иллюстрация. Всемирное обозрение». (Петербург, 1858—1863 гг.). Изд.—А. О. Бауман, ред.—В. Р. Зотов, с 1861 г.—Н. С. Курочкин. Издание весьма бесцветное, слабо откликавшееся на общественно-политические вопросы.

«Искра» (Петербург, 1859—1873 гг.). Изд.—ред. Н. А. Степанов и В. С. Курочкин. Сатирический журнал революционно-демократического направления, лучшее русское сатирическое издание XIX в.

«Казанский вестник» (Казань, 1821—1833 гг.). Издавался при Казанском университете. Позднее — «Ученые записки...» С 1827 г. печатались этнографические материалы путешествий профессоров. Журнал особенно оживился в 1829 г., когда попечителем Казанского учебного округа стал М. Н. Мусин-Пушкин.

«Календарь муз на 1826 год» (Петербург, 1826—1827 гг.). Издатели альманаха — А. Измайлов и П. Яковлев. Цель его — борьба с пушкинским направлением в литературе.

«Колокол» (Лондон, Женева, 1857—1864 гг.). Главными авторами в газете были его издатели и редакторы А. И. Герцен и Н. П. Огарев. «К» был боевым революционным органом, явился предшественником рабочей, социал-демократической печати в России.

«Литературная газета» (Петербург, 1830—1831 гг.). Всего вышло 109 номеров, периодичность — раз в 5 дней. Ред.—изд. А. А. Дельвиг (№№ 1—64), затем — О. М. Сомов, «Л. г.» была организована группой литераторов, объединившихся вокруг альманаха А. А. Дельвига «Северные цветы» (1825 г.). Ближайшее участие в ее организации и редактировании принимал А. С. Пушкин и П. А. Вяземский. №№ 3—12 вышли под фактической редакцией А. С. Пушкина совместно с О. М. Сомовым. «Л. г.» в известной мере была продолжательницей традиции декабристской журналистики. Вела активную полемическую борьбу с реакционными изданиями Булгарина и Греча, а также с журналами Полевого и Надеждина. А. С. Пушкин, стремившийся придать газете общественно-политический характер, не имел возможности сделать это по цензурным условиям.

«Московский вестник» (Москва, 1827—1830 гг.). Изд.—ред. М. П. Погодин. В журнале с самого начала его издания участвовал А. С. Пушкин. Редакция боролась с изданиями Булгарина и Греча.

«Москвитянин» (Москва, 1841—1856 гг.). Ред.—изд. М. П. Погодин и его ближайший сотрудник С. П. Шевырев. Журнал, созданный при помощи министра народного просвещения С. С. Уварова, был противником переовой русской общественно-литературной мысли и журналистики.

«Московский телеграф» (Москва, 1825—1834 гг.). Журнал литературы, критики, науки и художеств, издаваемый Н. А. Полевым, выходил два раза в месяц. В нем принимали участие Е. А. Баратынский, В. Ф. Одоевский, А. С. Пушкин, А. И. Тургенев. По своему направлению был первым буржуазным журналом в России. А. И. Герцен писал: «Полевой начал демократизировать русскую литературу; он низвел ее с аристократических высот и сделал более народною или по меньшей мере более буржуазною».

«Народная воля» (Петербург, октябрь 1879 — октябрь 1885 гг.). Газета выходила нелегально, орган тайного революционно-народнического общества, носившего такое же название. Ред.—Л. А. Тихомирнов и Н. А. Морозов, с 1881 — Г. А. Лопатин.

«Невский альманах на 1825 год» (Петербург, 1825—1833 гг.; 1846—1847 гг.). Изд.—Е. В. Аладин. В альманахе принимали участие П. А. Вяземский, Ф. Н. Глинка, И. И. Козлов, А. С. Пушкин, Н. М. Языков. Печатался и С. Ф. Дуров.

«Отечественные записки». (Петербург, 1818—1819 гг.). Вышло две книги сборника. Изд.—П. П. Свиньин. Далее «Отечественные записки» — журнал (1820—1830 гг.). В нем помещались преимущественно материалы и исследования по русской истории, а также статьи по географии. По договору с П. П. Свиньиным с 1839 г. журнал издавал А. А. Краевский. Изд.—ред. А. А. Краевский; 1860—1866 гг.—А. А. Краевский и С. С. Дудышкин, 1866—1867 гг.—А. А. Краевский, с 1868 г. изд.—А. А. Краевский, ред.—Н. А. Некрасов (при соредакторстве М. Е. Салтыкова-Щедрина и Г. З. Елисеева), с 1877 г. изд.—А. А. Краевский, ред.—М. Е. Салтыков-Щедрин (при соредакторстве Н. К. Михайловского и Г. З. Елисеева). «О. з.» — энциклопедический журнал, цель которого, как определил ее Краевский,

«передать отечественной публике все, что только могло встретиться в литературе и жизни замечательного и полезного, и приятного». «О. з.» были единственным демократическим журналом первой половины 40-х годов. В 1848—1855 гг. журнал превратился в умеренно-либеральный орган. С 60-х годов — орган революционных демократов.

«Памятник отечественных муз», изданный на 1827 год Борисом Федоровым (*Петербург, 1827—1828 гг.*). Изд. альманаха — Б. М. Федоров. В альманахе печатались стихи А. С. Пушкина, В. А. Жуковского и др.

«Полярная звезда» (1855—1866 гг.; №№ 1—7 вышли в Лондоне, № 8 — в Женеве). Изд. — ред. альманаха А. И. Герцен. Альманах имел большое значение в развитии передовой русской литературы и общественной мысли.

«Радуга. Литературный и музыкальный альманах на 1830 год» (*Москва, 1829 г.*). Изд. — П. И. Аранов и Д. Новиков. В альманахе напечатаны произведения Е. А. Баратынского, П. А. Вяземского, Ф. Н. Глинка, А. С. Пушкина и др.

«Радуга» (*Ревель, 1831—1832 гг., Петербург, 1864—1867 гг.*). Изд. — А. Еюргер, А. Касанов. Журнал философии, педагогики, крайне реакционного характера.

«Русский вестник на 1808 год» (1820, 1824). (*Москва, 1808—1820, 1824 гг., январь — июнь*). С 1816 г. «Русский вестник на 1816 год в пользу семейственного воспитания, издаваемый Сергеем Глинкою». В 1821—1823 гг. — «Новое детское чтение». Журнал был органом официально-«патриотического» направления. Политическим идеалом его являлась феодальная монархия допетровской Руси. Печатались статьи по русской истории.

«Русский дневник» (*Петербург, 1859 г.*). Изд. — ред. газеты П. И. Мельников-Печерский. Публиковались правительственные распоряжения, промышленное обозрение, известия из губерний, памятные даты и т. д. Социальных вопросов газета не затрагивала.

«Русский инвалид» (*Петербург, 1813—1917 гг.*). Название газеты неоднократно менялось: 1816—1847 гг. — «Русский инвалид, или Военные ведомости»; 1857—1861 гг. — «Русский инвалид». Официальный орган военного министерства. Ред. в разное время П. П. Пезаровиус, А. Ф. Воейков, П. С. Лебедев и др.

«Русское слово» (*Петербург, 1859—1866 гг.*). «Литературно-ученый журнал», с 1863 г. — «литературно-политический». Изд. — ред. Г. А. Кушелев-Безбородко, с 1863 г. изд. — Г. Е. Благосветлов, ред. — Я. П. Полонский и А. А. Григорьев. Основанный Кушелевым-Безбородко, журнал сначала не имел определенного направления. В мае 1860 г. Кушелев-Безбородко привлек к редактированию его близкого к революционным кругам демократического публициста Благосветлова, который превратил журнал в наиболее значительный политический орган после «Современника». С декабря 1860 г. по ноябрь 1865 г. в «Р. с.» сотрудничал Д. И. Писарев, которому принадлежит ведущая роль в формировании революционно-демократического лица журнала. Однако «Р. с.» не было до конца последовательным в своей политической программе. Оно допускало ряд отступлений от платформы, разработанной Чернышевским.

«Санкт-Петербургские ведомости» (*Петербург, 1728—1917 гг.*). Газета выходила при Российской Академии наук. Ред. (в разное время) — Г. Ф. Миллер, И. И. Тауберт, И. Ф. Богданович, А. Н. Оч-

чий и др. Официальная газета, «без лести преданная правительству» (В. И. Ленин, *Соч.*, т. 18, стр. 153).

«Саратовские губернские ведомости» (*Саратов, 1838—1917 гг.*) — газета.

«Северный архив» (*Петербург, 1822—1828 гг.*). Журнал истории, статистики и путешествий, издаваемый Ф. В. Булгариным. С 1825 г. — «Журнал древностей и новостей по части истории, статистики, путешествий, правоповедения и нравов, издаваемый Фаддеем Булгариным и Николаем Гречем». В 1829 г. слился с «Сыном Отечества». В 1825 г. велась полемика с «Московским телеграфом». Нападки на Н. А. Полевого вытекали исключительно из личных соображений Булгарина и Греча. Отсутствием принципиальности и объясняет В. Г. Белинский «бесцветность и бесхарактерность» как «С. а.», так и других изданий его редакторов.

«Северная пчела» (*Петербург, 1825—1864 гг.*). Изд. — ред. Ф. В. Булгарин, с 1831 г. — Ф. В. Булгарин и Н. И. Греч, с 1860 г. — П. С. Усов. Программа «С. п.» заключалась в пропаганде благонамеренных «патриотических» мыслей, в проповеди «преданности престолу», охранительной морали и «добродетелей», которые должны быть противопоставлены передовым идеям.

«Северная почта, или «Новая Санкт-Петербургская газета» (*Петербург, 1809—1819 гг.*) издавалась при Почтовом департаменте Министерства внутренних дел под руководством О. П. Козодавлева. Официальное издание.

«Северные цветы» (*Петербург, 1825—1832 гг.*). Изд. альманаха — И. В. Сленин, с 1827 г. — А. А. Дельвиг при участии О. М. Сомова. Книга на 1832 г. издана А. С. Пушкиным в пользу семьи умершего А. А. Дельвига. В альманахе были объединены писатели, близкие А. С. Пушкину. «С. ц.» уделяли внимание вопросам развития русской литературы, искусства и истории русской культуры.

«Сибирский вестник» (*Петербург, 1818—1824 гг.*; с 1824 г. «Азиатский вестник»). Издатель журнала — историк Г. И. Спасский помещал в нем ценные статьи и материалы по истории, географии Сибири и близлежащих областей. Особенный интерес представляет этнографический раздел журнала, в котором печатались очерки о быте, религиозных обрядах и праздниках народов Сибири, кочующих вверх по Енисею, а также о казахах («Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды по записям Андреева с дополнениями П. К. Фролова и издателя», 1820, чч. 9—10).

«Сибирская летопись». Русские летописи XVII—XVIII вв. по истории Сибири. Самостоятельное летописание Сибири возникло в начале XVII в.

«Славянин» (*Петербург, 1827—1830 гг.*). Военно-литературный журнал, издаваемый А. Ф. Воейковым. Для журнала характерны охранительные тенденции, утверждение монархических взглядов. В нем печатали свои поэтические произведения Е. Баратынский, П. Вяземский, В. Жуковский, Н. Языков, А. С. Пушкин.

«Собеседник любителей русского слова» (*Петербург, 1783—1784 гг.*). Изд. — Академия наук, ред. О. П. Козодавлев. Журнал выступал с абстрактной сатирой на «пороки»: мошенничество, невежество, ханжество и др. В журнале принимали участие все лучшие писатели XVIII века (Державин, Фонвизин, Херасков и др.).

«Современник» (*Петербург, 1836—1866 гг.*). Журнал основан А. С. Пушкиным. После смерти его, в 1838 г. перешел в руки профес-

сора Петербургского университета П. А. Плетнева. С 1847 по 1848 г. юридическим редактором был профессор Петербургского университета и цензор А. В. Никитенко, но фактически журнал вел Невский, идейными руководителями журнала последовательно были В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский и П. А. Добролюбов. С конца 1846 по 1866 г. «С.» был органом революционных демократов.

«**Соревнователь просвещения и благотворения**». Труды высочайше утвержденного Вольного общества любителей российской словесности (Петербург, 1818—1825 гг.). Журнал объединял писателей, находившихся под влиянием идей декабристов (К. Рылеев, В. Кюхельбекер, Ф. Глинка, О. Сомов и др.).

«**Строгановская летопись**» — одна из существующих летописей о завоевании Сибири (1558—1586 гг.), составленная на основе так называемой Киприановской летописи и архива Строгановых.

«**Сын Отечества**» (Москва, 1812—1844 гг., 1847—1852 гг.). Изд. — ред. (в разное время) Н. И. Греч, А. Ф. Воейков, Ф. В. Булгарин, О. И. Сенковский и др. «С. О.» был основан в 1812 г. Н. И. Гречем как исторический и политический орган, посвященный событиям Отечественной войны 1812 г. Печатались воззвания, пробуждавшие национальный героизм и ненависть к врагам Отечества. В период 1812—1825 гг. в журнале печатались произведения А. С. Пушкина, П. Вяземского, А. и Н. Бестужевых, К. Рылеева, Н. Муравьева и др. После разгрома декабристов «С. О.» потерял свое прогрессивное лицо, сделавшись органом реакции. Примечательно, что до 1825 г. на страницах журнала нередко печатались материалы о казахах. В 1829 г. он сливается с «Северным архивом» Булгарина.

«**Телескоп**» (Петербург, 1831—1836 гг.). Изд. — Н. И. Надеждин. Журнал сыграл значительную роль в развитии русской общественной мысли первой половины XIX в. Н. Г. Чернышевский писал: «Критикою «Телескопа» было положено основание критике гоголевского периода». Позиция «Т.» была противоречива, ее политическая программа была консервативная.

«**Эпоха**» (Петербург, 1864—1865 гг.). Изд. — ред. М. М. и Ф. М. Достоевские. Официальный ред. — А. Потецкий. «Э.» — орган «почвенников». Реакционный литературно-политический журнал вел борьбу против «Современника» и «Русского слова». В «Э.» принимали участие Ф. М. Достоевский, Н. С. Лесков, А. Н. Майков, А. Н. Плещеев и др.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

Абай Кунанбаев (1845—1904 гг.) — великий казахский просветитель-гуманист, основоположник казахской письменной литературы.

Абрамов Н. А. (1812—1890 гг.) — автор некоторых работ по Казахстану. Родился в г. Кургане Тобольской губ., сын священника. С 1834 г. — учитель Тобольской семинарии, с 1836 г. служил в Министерстве народного просвещения, в 1852 г. оставил педагогическую деятельность и поступил на административную службу. Напечатал более ста статей, посвященных исследованию Сибири и Казахстана. Географическое общество неоднократно присуждало ему медаль.

Аристов Н. Я. (1834—1882 гг.) — русский историк. Окончил Казанскую духовную академию. Читал лекции по русской истории

в университетах. Имеюся многочисленные работы по истории, этнографии, археологии и др.

Артемов А. И. (1820—1874 гг.)— историк, статистик, царский чиновник, в 1859 г. посетил казахские степи Оренбургского края.

Баккаревич М. Н.— действительный статский советник. После окончания Московского университета преподавал русскую словесность в благородном университетском пансионе. Основным его трудом является «Статистическое обозрение Сибири».

Баян-Слу («Слу Баян»)— героиня казахской поэтической легенды «Козы-Корпеш и Баян-Слу» (Баян-Слу— красавица Баян).

Белинский В. Г. (1811—1848 гг.)— великий русский революционер-демократ, гениальный критик и философ.

Бекевич-Черкасский— до принятия христианства Девлет-Кизден Мурза (год рождения неизвестен, умер в 1717 г.)— один из сподвижников Петра I, князь из рода Кабардинских владетелей. Возглавлял Хивинскую экспедицию 1715—1717 гг.

Бекчурин М.— уфимский судья, хорошо знал казахский язык и нередко выполнял дипломатические поручения русской администрации по связи с казахами.

Бичурин Н. Я. (1777—1853 гг.)— (в монашестве— Иакинф)— выдающийся русский востоковед, член-корреспондент Академии наук, член Азиатского общества в Париже. В период своего 14-летнего пребывания в Китае (1807—1822 гг.) изучил китайский язык и историю Китая. Труды его высоко ценили А. С. Пушкин и ссыльные декабристы. Автор книги «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (1851 г.) и др.

Бланкенгаель (Бланкнагель) Е. И. (год рождения неизвестен, умер в 1813 г.)— основатель первого в мире промышленного свеклосахарного завода (совместно с Я. С. Есиповым). Известен как автор записок о поездке в Среднюю Азию.

Бларемберг И. П. (1772 г., год смерти неизвестен)— полковник, автор «Военно-статистического обозрения земли киргиз-кайсаков (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства».

Богенбай (Букенбай)— один из крупнейших феодалов (тархан), старшина крупнейшего объединения родов Среднего и Младшего жузов. Богенбай оказал решительную поддержку хану Абулхану в 1731 г., когда Младший жуз присоединился к России.

Богданович И. Ф. (1743—1803 гг.)— участник экспедиции 1802 г. в Бухару. С 1775—1783 гг. редактировал газету «Санкт-Петербургские ведомости».

Болотов С.— автор очерка о казахам (1866 г.).

Болтин И. Н. (1735—1792 гг.)— крупный русский историк, представитель дворянской историографии, генерал-майор. Был близок к известному собирателю древних рукописей Мусину-Пушкину и пользовался его богатейшим собранием.

Большой Савва— врач, попал в плен к казахам при разграблении ими в 1803 г. каравана Я. Гавердовского. «Записки» С. Большого напечатаны в «Сыне Отечества» за 1822 г., чч. 76, 77, 80.

Боровков А. Д. (1788—1856 гг.)— выходец из купеческой семьи. Окончил московский университет. В 1812 г. поступил на службу в департамент горных и соляных дел. Весьма возможно, что в этот период в связи с служебными делами по соляным приискам попал в Казахстан. Свободное от службы время посвящал литературе. Он

собрал вокруг себя молодых литераторов. В 1816 г. в Санкт-Петербурге основал «Общество любителей российской словесности».

Бранд — офицер, участник экспедиции А. Бесковича-Черкасского.

Букей — казахский феодал, в 1812 г. возведен ханом Букеевской (Внутренней) орды. Умер в 1815 г.

Бурнашев — горный специалист (шихмейстер), один из руководителей экспедиции 1800 г., направленной в Среднюю Азию (Ташкент) через Казахстан. Материалы Поспелова (см.) и Бурнашева были опубликованы Г. Спасским в «Сибирском вестнике» в 1818 г., ч. IV.

Бутаков А. И. (1816—1869 гг.) — путешественник, исследователь Аральского моря (1858—1859 гг.).

Бутурлин Д. П. (1790—1849 гг.) — русский военный историк, генерал-майор.

Бухгольц И. Д. — русский офицер. В 1714 г. был отправлен Петром I из Тобольска в бассейн Аму-Дарьи для разведки золота. Экспедиция Бухгольца основала вдоль р. Иртыша сеть крепостей, составивших Иртышскую военную линию.

Бушинг и Газе Х. Г. — переводчики на немецкий язык «Топографии Оренбургской...» П. И. Рычкова.

Валиханов Ч. Ч. (1835—1865 гг.) — выдающийся казахский ученый, гуманист, просветитель-демократ, путешественник.

Вамбери Арминий (1832—1913 гг.) — венгерский буржуазный ученый-тюрколог, этнограф. В 60-х годах XIX в. под видом дервиша путешествовал по Средней Азии и Казахстану («Путешествие по Средней Азии», 1865 г. и др.).

Вельтман А. Ф. (1800—1870 гг.) — русский писатель. Занимался вопросами археологии и древнерусской истории.

Венюков М. И. (1832—1901 гг.) — географ и путешественник. Совершил путешествие в 1857—1863 гг. на Чу, Иссык-Куль и на Тянь-Шань, автор нескольких работ по Казахстану. Жил в эмиграции, сотрудничал в «Колоколе» Герцена, выступал против политики царизма на Востоке.

Витзен Н. К. (1641—1717 гг.) — голландский ученый, автор книги «О странах северной и восточной Азии и Европы» (1705 г.). В период сбора материалов для своей книги жил в Москве.

Влангали А. И. — горный инженер, в 1849 и 1853 гг. путешествовал по территории Казахстана, автор книги «Путешествие по восточной киргизской степи» (1856 г.).

Вольтер (Франсуа Мари Аруэ) (1694—1778 гг.) — выдающийся французский просветитель, философ, писатель.

Вородинов Н. — автор очерка о целебном действии кумыса (1859 гг.).

Вяземский П. А. (1792—1878 гг.) — русский поэт и критик.

Гавердовский Я. — совершил путешествие в Казахстан, автор «Обозрения киргиз-кайсацких степей» («Вестник Р. Г. О.», 1822, XX, отд. I, стр. 141—148).

Гагарин П. П. (1789—1872 гг.) — князь, русский государственный деятель, защитник интересов крепостников-помещиков.

Галдан-Церен — властитель (Хунтайджи) Джунгарии, вел завоевательную политику против казахских жузов.

Гейнс А. К. (1834—1892 гг.) — известный русский ученый, географ, исследователь Казахстана в середине XIX в. Автор «Киргиз-

ского очерка» («Военный сборник», 1866, тт. VIII, IX, X, №№ 1, 6, 7 и др.).

Генс — штабс-капитан, начальник экспедиции в Казахстане в 1815 г.

Георги И.-Г. (Иоганн Готлиб) (1768—1802 гг.) — этнограф, натуралист и путешественник.

Герберштейн С. (1486—1566 гг.) — немецкий барон, дипломат и путешественник. Два раза в 1526 г. посетил Москву. В 1546 г. за рубежом опубликовал карту Московского государства. Использовал подробную карту Московии, составленную в первой четверти XVI в. в России. В 1549 г. выпустил книгу «Записки о московских делах», в которой пытался дать изложение русской истории с древнейших времен, а также описание быта, экономики страны.

Герман Ф. И. (1789—1852 гг.) — полковник, адъютант Оренбургского губернатора П. И. Эссена, участник экспедиции Генс в Казахстане в 1815 г. Автор очерка «Киргизцы» («Вестник Европы», 1821 г.).

Геродот (около 484—425 гг. до н. э.) — древнегреческий историк, прозванный «отцом истории». Автор «Истории греко-персидских войн».

Григорьев В. В. (1816—1881 гг.) — русский востоковед, член-корреспондент Петербургской Академии наук. Некоторые заметки о Казахстане подписывал псевдонимом: «Султан Мендалий Пиралиев» (1862 г.).

Губарев К. — русский исследователь Казахстана (60-е годы XIX в.). Губарев высоко ценил деятельность Ч. Ч. Валиханова. Автор статьи «Киргизская степь», «Современник», 1864 г.

Губин Д. — посланец Ивана Васильевича к ногайцам в 1585 г.

Гумбольдт А. Ф. (1769—1859 гг.) — немецкий естествоиспытатель-путешественник. В 1829 г. предпринял экспедицию на Урал, Алтай, в казахские степи и к Каспийскому морю.

Гладышев Дмитрий. геодезист, поручик, в 1739 г. возглавлял экспедицию в «киргиз-капсацкую» степь вместе с Муравиным. Автор книги «Поездки из Орска в Хиву».

Глинка С. Н. (1776—1847 гг.) — русский писатель и журналист.

Гмелин И. Г. (1709—1755 гг.) — натуралист. В 1733 г. участвовал во 2-й Камчатской экспедиции Беринга — Чирикова. В 1751—1752 гг. опубликовал в Гейтингене сочинение «Путешествие по Сибири с 1733 по 1743 гг.». В этом труде содержатся новые сведения о природе и населении Сибири.

Годунов Б. Ф. — русский царь в 1598—1605 гг.

Голосов Д. — автор очерка «Поход в Хиву в 1839 году» (1863 г.).

Голубев А. Ф. (1832—1866 гг.) — офицер генерального штаба, один из исследователей Семиречья. Русский геодезист и географ. С 1859 по 1864 г. проводил исследования в восточных районах Средней Азии (от озера Балхаша до горных хребтов Тарбагатай, Джунгарского Ала-Тау и Тянь-Шаня). В 1861 г. напечатал в «Записках Русского географического общества» работу «Извлечение из отчета... о результатах астрономических и физических наблюдений в Семиреченском и Зайлийском краях...».

Датов Срым — руководитель восстания казахских шаруа Младшего жуза (1783—1797 гг.). Популярен в памяти народа, как защитник угнетенных.

Дебу И. Л. (1774—1842 гг.) — тайный советник, автор книги «То-

пографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии» (1837 г.).

Давыдов — офицер, участник экспедиции А. Бековича-Чаталовского.

Даль В. И. — (псевдоним Казак Луганский, 1801—1872 гг.) — русский ученый, диалектолог, писатель, составитель знаменитого «Толкового словаря живого великорусского языка».

Данилевский Г. И. (1829—1890 гг.) — автор «Описания Хивинского ханства» (1851 г.) в «Записках русского географического общества» (1855 г.).

Дженниксон А. (середина XVI в.) — английский купец и дипломат. Пять раз посетил Русское государство (1557—1572 гг.). Дважды с разрешения Ивана IV ездил в Персию и Среднюю Азию с целью завязать торговые отношения со странами Востока.

Долинский В. — автор работы об отношениях России с среднеазиатскими владениями и об устройстве киргизской степи (Санкт-Петербург, 1865 г.). Эта небольшая книжка представляла собою сборник довольно интересных статей, напечатанных в «Биржевых ведомостях» за 1864 г. и отчасти за 1865 г. по поводу занятия в 1863 г. Туркестанской области и посвященных торговым сношениям и местному управлению.

Достоевский Ф. М. (1821—1881 гг.) — великий писатель, обогативший русскую литературу многими замечательными произведениями. Был в ссылке в Казахстане, где познакомился с Ч. Ч. Валихановым. Между Достоевским и Валихановым завязалась дружба.

Дундук-Даш — наместник-тайджи волжских калмыков в XVIII в.

Дуров С. Ф. (1816—1869 гг.) — ссыльный петрашевец, оказавший известное влияние на мировоззрение Ч. Ч. Валиханова и Г. Н. Потанина.

Еврейнов А. — автор нескольких работ о казахах (середина XIX в.): «Внутренняя, или Букеевская киргиз-кайсацкая орда» («Современник», 1851 г., № 9) и др.

Едиге — эмир Золотой орды в период Тохтамыша.

Ефремов Ф. С. (1750 — умер после 1811 г.) — русский путешественник. В 1774 г. был захвачен в плен в оренбургских степях жителями северных степных районов Казахстана, увезен в Бухару и продан в рабство. Совершив побег, он под видом купца прошел из Яркенда по Западному Тибету в Индию через перевалы Каракорума.

Жарков Я. П. — саратовский купец, автор записок о казахах.

Завалишин И. И. (1770—1821 гг.) — декабрист, автор книги «Описание Западной Сибири», Москва, 1862 г.

Замотин И. И. (1888—1942 гг.) — русский литературовед, автор книги «Романтизм 20-х годов XIX века». Спб., 1906 г.

Затаевич А. В. (1869—1936 гг.) — советский музыкант-этнограф. Автор сборника «1 000 песен киргизского народа» и др.

Зелинский Г. — польский поэт, ссыльный, автор поэмы «Киргиз», «Степь» и др.

Земарх — посол императора Рима, направлен в 659 г. к хану народа Ту-хю, кочевавшего в северо-восточной Азии.

Зябловский Е. Ф. (1765 г.) — русский географ, профессор, совершал поездки по разным провинциям России, автор пятитомного

«Статистического описания Российской империи в нынешнем ее состоянии», Санкт-Петербург, 1808 г.

Иванин М. И. (1801—1874 гг.)— принимал участие в неудачной экспедиции в 1839—1840 гг. в Хиву. В 1854 г. назначен управляющим Внутренней (Букеевской) ордой, позже служил на Кавказе, член военно-ученого комитета. Автор очерков о Внутренней казахской орде (1864 г.).

Идаров С.— автор записки о казахах-бедняках, опубликованной в «Журнале Министерства внутренних дел».

Казанцев И.— автор нескольких статей о жизни казахов («О Внутренних, или Букеевских киргизах», «Санкт-Петербургские ведомости», 1838 г., № 1 и др.).

Каменский— известен как переводчик книги барона Мейендорфа «Путешествие из Оренбурга в Бухару в 1820 г.».

Карелин Г. С. (1801—1872 гг.)— известный русский естествоиспытатель и путешественник. В 1822 г. был сослан в Оренбург. В 1827—1829 гг. путешествовал по западной части Казахстана, составил карту Букеевского ханства. Исследовал побережья Каспийского моря, Семиречье, Восточный Казахстан и др. (В. И. Липский, «Григорий Силыч Карелин (1801—1872 гг.), его жизнь и путешествия», Санкт-Петербург, 1905 г.).

Кафтанников Н.— писатель, автор повести «Араслан-бабр».

Килевейн Е.— автор статьи «Отрывок из путешествия в Хиву и пр». «Записки Географического общества», № 1, 1861 г.

Кириллов И. К. (1689—1737 гг.)— известный русский географ и картограф. В 1734—1737 гг. возглавлял организованную по его инициативе Оренбургскую экспедицию. Кириллов жестокими мероприятиями проводил политику царизма в Башкирии.

Киттары М. Я. (1825—1880 гг.)— по специальности технолог, воспитанник Казанского университета, доктор естественных наук, автор нескольких очерков о казахах.

Клапрот Г.-Ю. (1783—1835 гг.)— известный ориенталист. Его трудами широко пользовались русские востоковеды.

Кобяков К.— посол хана Абулхайра, направленный в начале 1726 г. в Санкт-Петербург с предложением казахов Младшего жуза быть «под протекциею» России. Посольство Кобякова не имело результатов, так как русское правительство сомневалось в полномочиях посла.

Ковалевский Е. П. (1811—1868 гг.)— путешественник, родился в Харькове. В качестве горного инженера произвел геологические исследования Сибири, казахских степей и других мест. С 1856 г. Ковалевский— директор азиатского отделения Императорского географического общества.

Кожин— офицер, участник экспедиции А. Бековича-Черкасского.

Козы-Корпеш («Кузукорпеш») — герой казахской поэтической легенды «Козы-Корпеш и Баян-Слу».

Колмагоров Г.— чиновник Западно-Сибирского генерал-губернаторства, автор очерка о промышленности и торговле у казахов (1853 г.).

Константин VII Порфирогенит (905—959 гг.)— византийский император (913—959 гг.), уделявший много внимания занятиям науками и литературой. В его сочинениях нашло отражение и укрепление связи между Византией и Русью в X в.

Красовский М. — известен как автор трехтомного труда о казахах «Материалы для географии и статистики России». Спб., 1868.

Крюков А. П. (1813—1833 гг.) — русский писатель, автор повестей «Киргизский набег» и «Киргизцы».

Кудряшев П. М. (1801—1892 гг.) — русский поэт, певец Башкирии и «киргизских» степей.

Лазаревский Ф. И. работал в Оренбургской губернии, в 1859 г. опубликовал некоторые свои наблюдения над жизнью казахов Оренбургского края.

Лангин — верховный лама волжских калмыков. Был использован нойонами для провокационной массовой откочевки калмыков в зиму 1771 г. в сторону Джунгарии.

Левшин А. И. (1799—1879 гг.) — русский общественный и научный деятель, один из основателей Русского географического общества. Широкую известность доставила его работа «Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких орд и степей» (1832 г.).

Леклерк — французский врач, ученый, автор «Истории естественной, нравственной, гражданской и политической, древней и нынешней России», изданной в 1784 г. в Париже. В книге допущены грубые искажения истории России.

Леман А. А. — путешествовал по Казахстану в 1839—1842 гг.

Леопольдов А. Я. (1800—1875 гг.) — археолог, автор очерка о казахах, опубликованного в «Саратовских губернских ведомостях» (1850 г.).

Леберг А. А. (род. в Дерпте в 1770 г., умер в Петербурге в 1813 г.) — адъютант по истории с 1807 г. В его рукописях имеются материалы о киргизах (казахах), хозарах. Некоторые из них были обработаны академиком Ф. И. Кругом и вошли в издание.

Махшеев А. И. (1822—1892 гг.) — географ, известный исследователь Средней Азии. В 1848 г. участвовал в экспедиции А. И. Бутакowa по съемке Аральского моря. В 1848, 1851 и 1853 гг. совершил экспедиции на Сыр-Дарью. В 1867 г. исследовал Казахстан.

Мамышев Н. Р. (1777—1840 гг.) — обер-бергмейстер (старший горный мастер), горный начальник Камско-Воткинского и Гороблагодатских заводов. Известен как автор этнографических заметок о казахах.

Мейендорф Г. (1798—1865 гг.) — барон, полковник главного штаба, участник Бухарской экспедиции, в которой собирал географические и статистические сведения о землях и народах Казахстана и Средней Азии.

Межов В. И. (1831—1894 гг.) — русский библиограф. Автор статистических и специальных библиографических указателей («Библиография Азии», Спб., 1891 г.); «Литература русской географии, этнографии и статистики за 1859—1880 гг.»).

Миллер Г. Ф. (1705—1783 гг.) — известный историк, ученый, исследователь Сибири и Казахстана.

Миллер К. — майор. В 1738 г. возглавлял русский торговый караван, державший путь в Ташкент. Возглавлял русское посольство в Джунгарию.

Меньгенин — горный специалист (шихтмейстер), участник экспедиции Генса в Казахстан в 1815 г.

Мессершмидт Д. Г. (1685—1735 гг.) — исследователь Сибири. В 1720—1727 гг. по заданию Петра I исследовал Сибирь. Собрал большое количество коллекций, использованных для составления де-

сятитомного «Обозрения Сибири...» Этот труд, содержащий сведения по истории, этнографии, флоре и фауне и др., остался неизданным. Некоторые извлечения из рукописей Мессершмидта напечатаны в работе П. П. Пекареского «Наука и литература в России при Петре Великом». Санкт-Петербург, 1862 г.

Могутов В. — писатель, в 1777 г. в Санкт-Петербурге выпустил книгу «Редкое и достопамятное известие, отправленной из России в Великую Татарию экспедицию под именем посольства».

Муравин — геодезист. В 1739 г. участвовал в экспедиции в «Киргиз-кайсацкую» степь, возглавляемую Д. Гладышевым.

Муравьев Н. Н. (1794—1866 гг.) — генерал, служил на Кавказе. Писатель, автор поэмы «Киргизский пленник».

Назаров Ф. — переводчик отдельного Сибирского корпуса. В 1813—1814 гг. был направлен в Коканд. «Записки» Назарова о путешествии в Среднюю Азию были опубликованы в 1821 г.

Найденев — оренбургский казак в ставке Абулхайра.

Небольсин П. И. (1817—1893 гг.) — историк-этнограф, член Русского географического общества. Интересный фактический материал содержится в следующих его трудах: «Покорение Сибири» (1849 г.), «Очерки торговли России со странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Кокандом» (1856 г.), «Рассказы проезжего» (1854 г.) и др.

Нестор — выдающийся древнерусский писатель XI — начала XII вв. Автор «Чтения о князьях Борисе и Глебе» и «Жития Феодосия». Историки считают Нестора составителем знаменитой древнерусской летописи «Повести временных лет» (XII в.).

Неплюев И. И. (1793—1873 гг.) — губернатор Оренбургского края.

Нешель — автор очерка о способах орошения полей казаками («Замечания о казахской степи между Орской крепостью и Аральским морем...» (1848 г.), в котором дано описание природы, почвы и др.

Очкин А. Н. (1791—1865 гг.) — издатель газеты «Очерки» (1863 г.) демократического направления, а также «Детской библиотеки» (1835—1838 гг.).

Паллас П. С. (1741—1811 гг.) — знаменитый путешественник и натуралист.

Пандер Х. И. (1794—1865 гг.) — русский ученый, академик, крупный эмбриолог, палеонтолог и анатом. Перу его принадлежат работы по геологическому описанию некоторых областей России.

Пашино П. И. (1836—1891 гг.) — известный русский ученый-востоковед, писатель и путешественник.

Перовский А. А. (Погорельский Антон — псевдоним) (1787—1836 гг.) — русский писатель.

Перовский В. А. (1795—1857 гг.) — губернатор Оренбургского края, руководитель Хивинского похода русских войск в 1838 г., в котором принимал участие В. И. Даль.

Поспелов — горный специалист (шихмейстер), один из руководителей экспедиции 1800 г., направленной в Среднюю Азию (Ташкент) через Казахстан. Материалы Поспелова и Бурнашева были опубликованы Г. Спасским в «Сибирском вестнике» 1818 г. ч. IV.

Потанин Г. Н. (1835—1920 гг.), известный путешественник, этнограф, друг Ч. Ч. Валиханова.

Радлов В. В. (1837—1918 гг.) — известный русский ученый-ориенталист, специалист в области тюркских языков, археолог и этнограф.

По инициативе его был организован Русский комитет по изучению Средней и Восточной Азии.

Рейндсдорп А. И.— оренбургский губернатор в период крестьянской войны 1773—1775.

Ремезов С. У.— выдающийся самоучка картограф XVII—XVIII вв., тобольский уроженец, составитель «Чертежа всей Сибири» (1666 г.) и «Чертежной книги Сибири» (1701 г.). В этих работах указана и территория значительной части Казахстана («Казачьи орды»).

Романовский Д. И.— один из близких друзей Ч. Ч. Валиханова. В 60-е годы Романовский был редактором газеты «Русский инвалид».

Рычков П. И. (1712—1777 гг.)— первый исследователь Оренбургского края. За труд «История Оренбурга» в 1759 г. был избран членом-корреспондентом Академии наук.

Рычков Н. П.— известный исследователь Оренбургского края, сын П. И. Рычкова.

Сабаньшиков М.— инженер-геодезист, путешествовал в казахских степях.

Самсонов А.— автор очерков о казахской степи (1863 г.). В четырех очерках дает описание кочевой жизни казахов, их свадебных обрядов, песен и т. д.

Свиный П. П. (1788—1839 гг.)— издатель журнала «Отечественные записки» (1818—1830 гг.). В журнале печатались материалы и исследования по русской истории и об «инородцах», населявших окраины империи.

Семенов-Тянь-Шанский П. П. (1827—1914 гг.)— знаменитый географ и путешественник, оказал большое влияние на формирование Ч. Ч. Валиханова и Г. Н. Потанина как ученых-исследователей. В его работе «Путешествие на Тянь-Шань в 1856—1857 гг.» есть описание гостеприимства казахов Каратальской долины Семиречья. Семенов-Тянь-Шанский приводит весьма интересные данные по характеристике нравов, обычаев, быта и культуры коренного населения.

Сенковский О. И. (1800—1858 гг.)— ученый-арабист, журналист и писатель, редактор «Библиотеки для чтения» (1834—1848 гг.).

Спаский Г. И.— известный историк Сибири, по образованию горный инженер, издатель «Сибирского вестника» (1818—1835 гг.).

Стеллих-Верстовский И. П.— русский музыковед.

Страбон— древнегреческий историк.

Страленберг Ф. И. (1676—1747 гг.)— шведский офицер, попавший в плен к русским. В Сибири он случайно обнаружил «Родословное древо тюрков» Абулгази Багадур.

Тайманов Исатай (1791—1838 гг.)— руководитель антифеодального восстания казахского шаруа во Внутренней орде в 1836—1837 гг.

Татищев В. Н. (1686—1750 гг.)— русский ученый-историк, сподвижник Петра I.

Тауке (1680—1718 гг., в русских источниках «Тявка»)— казахский хан, стремившийся к укреплению своей власти с помощью биев. При нем усилились сношения казахов с Россией. Известен «законом Тауке» или Жеты-Жаргы.

Тякин Мухамедгай— султан, автор «Записки о хозяйстве ордывцев, кочующих в Зауральской степи» (1861 г.).

Тевкелев М. (XVIII в.)— татарский мурза, дипломат на русской службе. Сыграл положительную роль в укреплении русско-казахских отношений. От лица русской администрации Тевкелев в 1731 г. принял присягу казахов Младшего жуза на подданство России.

Тетерников А. Н.— автор очерка о торговле в казахской степи (1867 г.).

Терещенко А. В. (1806—1865 гг.)— этнограф, археолог, автор работы «Следы Дешти-и Кипчака и Внутренняя киргиз-кайсацкая орда».

Трубицин И.— русский писатель, автор книги «О народной поэзии» (1912 г.).

Урусов— офицер, участник экспедиции А. Бековича-Черкасского.

Ушаков В. А. (1789—1838 гг.)— участник Отечественной войны 1812 г. Ему принадлежит ряд книг, в том числе повесть «Киргиз-кайсак», посвященная казахской тематике.

Фишер И. Э. (1697—1771 гг.)— историк и археолог.

Фонвизин Д. И. (1745—1792 гг.)— выдающийся представитель русского просвещения XVIII в., писатель-сатирик. Автор «Недоросля» и «Бригадира».

Фролов П. К.— начальник Колываново-Воскресенских заводов. Сообщил издателю «Сибирского вестника» Г. Спасскому о материалах Бурнашева и Поспелова.

Ханикей и Таникей— по легенде, дочери Сатимира (Тимура?).

Ханыков Я. В. (1818—1862 гг.)— действительный член Русского географического общества.

Херасков М. М. (1733—1807 гг.)— поэт-лирик XVIII в.

Шангин И. П.— по специальности маркшейдер, начальник экспедиции в Казахскую степь (1816 г.). Материалы экспедиции Шангина опубликованы Г. Спасским в «Сибирском вестнике» 1820 г., ч. IX.

Шатобриан Р. (1768—1848 гг.)— французский писатель-романист.

Шахматов Г.— сотник, автор заметок о хлебопашестве у казахов (1832 г.).

Шевченко Т. Г. (1814—1861 гг.)— великий украинский поэт и художник. В течение 10 лет находился в ссылке на территории полуострова Мангышлак (1847—1857 гг.). В поэзии и живописи его много прекрасных страниц и полотен, посвященных казахской тематике.

Шпигель Э.— автор труда «Die Alexandersage bei den Orientalen. Nach den besten Quellen dargestellt von Dr. Er. Spiegle!».

Южаков Ю.— автор очерка о Средней Азии и Южном Казахстане (1867 г.).

Ядринцев Н. М. (1842—1894 гг.)— журналист, издатель сибирской газеты «Восточное обозрение». Видный путешественник-археолог, написал «Воспоминание о Чокане Валиханове», Петербург, 1904 г.

Яковлев П. Л.— один из членов русского посольства, направленного в Бухару в 1820 году, беллетрист.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-----------------------	---

РУССКО-КАЗАХСКИЕ СВЯЗИ В ДРЕВНИХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ РУСИ И В ЛИТЕРАТУРЕ 30—50-х ГОДОВ XVIII ВЕКА

Древние русские письменные источники о казахском народе	17
Сведения о казахах в некоторых западноевропейских и во- сточных литературных источниках	26
Исторические условия присоединения Казахстана к России .	38
Начало систематического изучения Казахстана в России. Экспедиция И. К. Кириллова по изучению Младшего жуза	43
Экспедиция Д. Гладышева и Муравина в казахские степи .	55
Г. Ф. Миллер о казахах и их землях	57

РУССКО-КАЗАХСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Труды П. И. Рычкова о Казахстане	63
Путешествие Н. П. Рычкова в казахскую степь	65
Путешествие П.-С. Палласа по разным провинциям России .	70
«Описание народов...» И.-Г. Георги	73
Казахи в «Сибирской истории...» И.-Э. Фишера	77
Казахские степи в творчестве писателя В. Могутова	78
Жизнь казахов в описании Ф. С. Ефремова	80
Казахские мотивы в творчестве Г. Р. Державина	85

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАЗАХСТАНА В 1800—1868 ГОДАХ КАЗАХСТАН В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ЖУРНАЛИСТИКЕ НАЧАЛА XIX ВЕКА

Записки Саввы Большого о казахах	103
Казахстан в «Описании России» Е. Ф. Зябловского	111
Очерки Н. Мамышева о жизни и быте казахов	112

Казахи в «Статистическом обозрении Сибири» М. Н. Бакка- ревича	113
Очерк А. Д. Боровкова «Поездка на Илецкую Защиту»	119
Очерки Г. И. Спасского и И. П. Шангина	120
«Путевые заметки» Блакеннагеля	127
«Записки» Ф. Назарова	129
Очерк «Киргизы» Ф. И. Германа	132
Казахские степи в очерке П. Л. Яковлева	134
Казахские мотивы в книге Мейендорфа	135
Очерки П. Свиньина о казахах	136
«Беспредельные степи киргиз-кайсацкие» в поэзии П. Кудря- шева	139
«Киргизский пленник» поэта Н. Муравьева	147
Повесть «Киргиз-кайсак» В. А. Ушакова	153
Романс «Киргиз-кайсак» С. Глинки	149
Роман «Иван Выжигин» Ф. Булгарина как пример реакцион- ной разработки казахской темы в русской литературе	155

РУССКО-КАЗАХСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В 30—40-х ГОДАХ XIX ВЕКА

Казахский народ и Казахстан в трудах А. И. Левшина	160
Казахская тема в повестях А. П. Крюкова	178
«Рып-пески» М. Сабаньшикова	181
Повесть Н. Кафтанникова «Араслан-бабр»	182
А. С. Пушкин в казахских степях	185
Казахстан в творчестве В. И. Даля	191
Очерк «Киргиз-кайсаки» А. Очкина	198
Казахи в работах И. Казанцева, И. Дебу и др.	199
Очерки М. Я. Квиттары о казахских степях	202
Г. С. Карелин в Казахстане	204
Казахский рассказ М. Н. Житкова	210

РУССКО-КАЗАХСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ 50—60 ГОДОВ XIX ВЕКА

Роль прогрессивной русской печати и ученых-ориенталистов в развитии казахской тематики	213
Очерк А. Леопольдова «Отношение русских к киргизам»	216
«Описание Аральского моря» А. И. Макшеева	217
А. Еврейнов о Букеевской орде	219
Очерки о быте казахов Я. Жаркова, П. Небольсина, А. Сутоп- кого, А. Терещенко, С. Идарова и др.	223
Труды А. Влангалл, П. П. Семенова-Тян-Шанского, А. Ар- темьева, Ф. Лазаревского, Н. Воронинова, М. И. Венюкова, Н. Абрамова о казахах и Казахстане	228
Роль Ч. Ч. Валиханова в развитии русско-казахских литера- турных связей	233
Казахстан в творчестве Г. Н. Потанина	241
Вопросы просвещения казахского народа в трудах Н. И. Иль- минского и И. Алтынсарина	244
Устное творчество казахского народа в произведениях В. В. Радлова	250

Очерки о казахах в журналах «Современник», «Отечественные записки» и изданиях Русского географического общества .	254
Очерки Е. К. Килевейна и «Письма» о казахских степях ориенталиста В. В. Григорьева	266
Очерки А. Гейнса, С. Болотова, И. Завалишина, М. Иванина и других на казахские темы	268
Казахские мотивы в творчестве Т. Г. Шевченко	274
Л. Н. Толстой в Казахстане	275
Казахский народ в творчестве П. И. Пашино	276
Стихотворение А. Н. Молчанова «Киргиз-кайсак»	279
Заключение	281
Указатель журналов	285
Указатель собственных имен	291

*Кересва-Канафиева
Кальсим Шакировна*

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РУССКАЯ
ПЕЧАТЬ О КАЗАХСТАНЕ

Редактор *З. А. Швыдко.*
Худож. редактор *Р. Юлдашев.*
Техн. редактор *Т. А. Поповиченко*
Корректор *Н. Д. Веденичева.*

Сдано в набор 15/III 1963 г.
Подписано к печати 8/VIII 1963 г.
Формат $84 \times 108^{1/32} - 9,5 = 15,6$ п. л.
(16,9 уч.-изд. л.)

Тираж 2700 экз. УГ03062. Цена 59 коп.
Казгосиздат, г. Алма-Ата, ул. Кирова, 122.

Заказ № 90а. Типография № 2 Главиздата
Министерства культуры КазССР,
г. Алма-Ата, ул. К. Маркса, 63.

